

ЮНОСТЬ

Литературно-художественный и общественно-политический журнал **№ 12 (707) 2014**
Выходит с июня 1955 г.

«ЮНОСТЬ» © С. Краусаускас. 1962 г.

Главный редактор
Валерий ДУДАРЕВ

Редакционный совет:

Ильдар АБУЗЯРОВ
Анатолий АЛЕКСИН
Лев АННИНСКИЙ
Зоя БОГУСЛАВСКАЯ
Анна ГЕДЫМИН
Тамара ЖИРМУНСКАЯ
Елена ИСАЕВА
Кирилл КОВАЛЬДЖИ
Валерий КОЗЛОВ
Владимир КОСТРОВ
Нина КРАСНОВА
Татьяна КУЗОВЛЕВА
Евгений ЛЕСИН
Георгий ПРЯХИН
Владимир РАДЧЕНКО
Ольга РЫЧКОВА
Елена САЗАНОВИЧ
Александр СОКОЛОВ
Борис ТАРАСОВ
Елена ТАХО-ГОДИ
Олег ТОЛКАЧЕВ
Игорь ШАЙТАНОВ
Андрей ШАЦКОВ

Редакционная коллегия:

заведующая отделом
образования и молодежной
политики
Славяна БАКУНИНА
главный художник
Дмитрий ГОРЯЧЕНКОВ
заведующая отделом критики
Анна КОЗЛОВА
заведующий отделом культуры
Александр МАХОВ
заместитель главного редактора,
заведующий отделами
прозы и поэзии
Игорь МИХАЙЛОВ
заведующий отделом
зарубежной литературы
Евгений НИКИТИН
главный консультант
Эмилия ПРОСКУРНИНА
консультант главного редактора
Евгений САФРОНОВ
ответственный секретарь
Светлана ШИПИЦИНА

Учредитель — трудовой коллектив
редакции журнала «Юность».

«ЮНОСТЬ» — зарегистрированный
товарный знак, являющийся
собственностью трудового
коллектива редакции журнала
«Юность».

Выпуск издания осуществляется
при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям.

подписной индекс **71120**

ISSN **0132-2036**

Наша почта: unost-contact@mail.ru

Наш сайт: <http://unost.org>

Страница на «Фейсбуке»:

<https://www.facebook.com/unost>

ЗАЩИТИ ЖИЗНЬ — ПОМОГИ НОВОРОССИИ!

Яндекс.Деньги: 410012190511869

Сбербанк России

Номер карты 4276 5200 1124 6069

Реквизиты счета:

Ростовское отделение № 5221/0629

р/счет 47422810852099900105 в Юго-Западном банке СБ РФ

к/сч. № 30101810600000000602 в ГРКЦ ГУ

Банка России по г. Ростову-на-Дону

БИК 046015602

ИНН 7707083893

КПП 616502001

Номер лицевого счета 42607.810.4.5209.0002413

Ф. И. О. получателя Губарева Екатерина Юрьевна

В НОМЕРЕ:

Поэзия

Евгений ЛЕСИН	5
Марина БОРОДИЦКАЯ	47
Александр АНАШКИН	98

Проза

Валерия НАРБИКОВА ...И ПУТЕШЕСТВИЕ Почти повесть. Окончание	14
---	----

Михаил ПОПОВ ОДИНОКАЯ ВОСЬМИКЛАСНИЦА ЖЕЛАЕТ ПОЗНАКОМИТЬСЯ Повесть. Окончание	58
--	----

Хелью РЕБАНЕ ПУБЛИЧНОЕ СОКРОВИЩЕ Повесть. Продолжение	85
ФОРУМ «ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ» Реплика Бориса Рябухина	97

Дмитрий ИГУМНОВ РАССКАЗЫ	109
--	-----

Страницы Льва Аннинского

ЗАМЕТКИ НЕИСТОРИКА АНДРЕИЧ Продолжение	12
---	----

ЗАМЕТКИ НЕТЕАТРАЛА ОФОМЕТЬ!	13
--	----

100 книг, которые потрясли мир

Елена САЗАНОВИЧ ФРЭНСИС СКОТТ ФИЦДЖЕРАЛЬД. «ВЕЛИКИЙ ГЭТСБИ» И АМЕРИКАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ	55
---	----

Как беден наш язык!

ПОЖАЛУЙСТА, ГОВОРИТЕ ПО-РУССКИ! Марианна ТАРАСЕНКО КАПУСТНАЯ ВАННА ДЛЯ МОЛОДОГО ПЕТУШКА	83
---	----

Что возмutilo вас?

Михаил КРУПИН ВОСПОМИНАНИЕ О СОЛНЦЕ Суждение о фильме Никиты Михалкова «Солнечный удар»	102
--	-----

Уноземный сюжет

РУБРИКУ ВЕДЕТ ЕВГЕНИЙ НИКИТИН Томас Энсти ГАТРИ ПРИЗРАК БАРАНДЖУМА Окончание	121
--	-----

Заведующая редакцией
Лидия ЗЯБКИНА

Заведующий отделом информации
Игорь РУТКОВСКИЙ

Специальный корреспондент
Екатерина КОРНЕЕНКОВА

Специальный корреспондент
по Белгородской области
Нила ЛЫЧАК

Редактор-корректор
Юлия СЫСОЕВА

Верстка и оформление
Елизавета ГОРЯЧЕНКОВА

Фотокорреспондент
Антон ШИПИЦИН

Главный бухгалтер
Алла МАТЮХИНА

Финансовая группа
Лариса МЕЛЬНИКОВА

Заведующая отделом рукописей
Ирина УШАКОВА

Интернет-версия
Максим ПОПОВ

Заведующая отделом распространения
Яна КУХЛИЕВА

Дежурные по редакции
Людмила ЛОГАЧЕВА
Татьяна СЕМЕНОВА
Татьяна ЧЕРЫГОВА

Координатор литературного
объединения
Марина КУЛАКОВА

Администратор
Зинаида ПОТАПОВА

Книжный развал

**ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА ЕЛЕНА ГРОЗОВСКОЙ
«ВСЕ ЕЕ МУЖЧИНЫ» 123**

**О РОМАНЕ ЕЛЕНА ГРОЗОВСКОЙ
«ВСЕ ЕЕ МУЖЧИНЫ»** Размышляет Георгий Прякин **126**

Спорт

Борис ПРОКОПЬЕВ

ЗАВЕРШАЯ ТРЕТИЙ ЭКВАТОР 128

Двадцатая комната (от пятинадцати и старше)

LIBERUM CORPUS — РУБРИКА СЛАВЯНЫ БАКУНИНОЙ

**ЛЕРМОНТОВ, МУЗЫКА
И АЛЕКСЕЕВСКАЯ ШКОЛА** Беседу вел Юрий Синцов **132**

Творческий конкурс

Наталья АРСЕНИНА г. Жуковский **135**

Виктория ЛЫСЕНКО Московская обл. **137**

Тамара АЛЕКСЕЕВА г. Липецк **138**

В конце концов

ДЕТЕКТИВ НА НОЧЬ

Валерий ИЛЬИЧЕВ

СТРАСТИ ПО ИЗУМРУДНОЙ БРОШИ Продолжение **149**

ЗЕЛЕНый ПОРТФЕЛЬ

Илья КРИШТУЛ

ЕСЛИ ХОЧЕШЬ БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ... Наставление **153**

АНТИКРИЗИСНОЕ ЭССЕ 154

ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ

Галка ГАЛКИНА

ЗА ВЫЩИПАННОЕ ПЕРО СПАСИБО! **156**

VERIORA VERIS

Проказник ГЕО, человек-пауза

ПОТАНЦУЕМ, ВЕРБЛЮДОК! **157**

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ЮНОСТЬ»

ЗА 2014 ГОД 158

На стендах «Юности»

АРТ-ПРОСТРАНСТВО «СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ»

ОЛЕГ КАПЛАН:

**«В ИСКУССТВЕ НАДО ОРИЕНТИРОВАТЬСЯ
ТОЛЬКО НА ВЕЛИКИХ»** Беседу вел Максим Коршунов **162**

Лиц. Минпечати № 112.

Адрес редакции:

Москва, ул. 1-я Тверская-Ямская,
д. 8, стр. 1.

Для почтовых отправлений:

125047, Москва, а/я 182, «Юность».

Тел.: +7 (499) 251-31-22,

+7 (499) 250-83-98,

+7 (499) 250-40-72,

тел./факс: +7 (499) 250-40-60

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

Авторы несут ответственность
за достоверность представленных
материалов. Мнения автора
и редакции могут не совпадать.
При перепечатке материалов ссылка
на журнал «Юность» обязательна.

Отпечатано в «Академиздатцентр
«Наука» РАН», ОП ПИК
«ВИНИТИ»—«Наука»

140014, Люберцы, Московская обл.,
Октябрьский пр., 403

Тел. +7 (495) 554-21-86

Тираж 6 500 экз. Формат: 60x84/8

Заказ №

Евгений ЛЕСИН

ОТ РЕДАКЦИИ

Один из самых ярких современных поэтов Евгений Лесин стал лауреатом премии имени Бориса Корнилова.

Хорошо, что в России еще сохранились настоящие поэтические премии. Перечитайте Бориса Корнилова — обретете целый мир!

Сегодня о Борисе Корнилове говорят катастрофически мало. Забыли его имя современные дилетанты! Лишь однажды некие спецы на «Эхе Москвы» пытались убедить слушателей, что людоедская советская власть не просто загнала Бориса Корнилова за жожу: она не издавала его вовсе! И невдомек эховским проповедникам, что почти у каждого любителя поэзии сохранился увесистый том стихов Бориса Корнилова, вышедший

еще в 70-е годы прошлого века в «Большой библиотеке поэта» с бережным и всеобъемлющим предисловием Льва Аннинского. А знаменитая песня на стихи Бориса Корнилова стала гимном археологов Страны Советов... Ну да бог им судья, этим горе-спецам... Важно другое: Борис Корнилов был неудобен! И сегодня тоже! Большой поэт неудобен всегда, потому что он поэт, а не лавочник (см. стихотворение А. Блока «Поэты»). Выдвигая поэзию Евгения Лесина на соискание премии имени Бориса Корнилова, мы очень волновались. Но высокое жюри поступило справедливо. Евгений Лесин, как никто иной, достоин этой награды. Ведь Евгений Лесин тоже неудобен. Всегда! И новые его «неудобные» стихи перед вами.

Август 14-го

Все тексты написаны в августе 2014-го, отсюда и название...

* * *

Электричка везет части тела.
За спиной остается Москва.
И листва за окном пожелтела.
Где ты, Латвия или Литва?

Так сказал бы в тоске жемайтиец.
Так латгалец бы с грустью сказал.

Проезжаю я Красный Балтиец,
А за ним — бывший Рижский вокзал.

Ничего не получится, кроме
Огорченных, расстроенных туч.
Мрак и ужас на аэродроме,
Стадион замечательный «Луч».

Нам не надо булата и злата.
Жизнь — короткая стадия сна.
Во дворе выпивают ребята,
Под полтинник, а та же шпана.

* * *

Духовные скрепы
Должны быть свирепы.

* * *

Малевича ухо,
Ван Гога квадрат.
И так тут непруха,
А вы мне про сад.

Про тощие кущи
И прочую гладь.
И так уже плющит,
А вы мне опять.

Про крупные фонды
И крепкую власть.
Немытой Джоконды
Беззубую пасть.

Распятый смеется,
Уставясь в дыру.
И что вам нейметса
В такую жару?

* * *

Жара паскудничают: нате.
Водоотводный спит канал.
Страна лежит в 6-й палате.
И состоянье: терминал.

6 августа. И, кстати,
Сегодня праздник ЖДВ.
И я когда-то в желдорбате
Грустил по городу Москве.

Среди печалей и полемик
Служил под Горьким, где как раз
Один опальный академик
В антисоветчине погряз.

Служил в проклятом желдорбате.
Грустил, как высохший ручей.
Страна лежит в 6-й палате
И нападает на врачей.

* * *

Кому-то трупы, кому-то схемы.
Ворвался август, сбежал июль.
Мои заботы — мои проблемы.
А вы пляшите под пенью пуль.

Пляши от печки и до субботы.
Когда же будет прохладный дождь?
Мои проблемы — мои заботы.
А вы воюйте, раз молодежь.

* * *

А вот и Лиза по бездорожью
Бежит вприпрыжку топиться в пруд.
Те — врут, как дышат, а дышат ложью.
Ну а другие — те «тоже врут».

А у сограждан — как будто кома.
Тот не вернется, кто здесь убит.
Чума, конечно, на оба дома.
Но там солдатик, а тут бандит.

* * *

Вышел месяц и вынул свой ножичек.
И как начал творить чудеса.
Над Содомом прошел серный дождичек.
Серный дождь нам — как божья роса.

Самолеты набиты пилотами.
 В поездах сплошь плацкартный джихад.
 Все бегут за практичными Лотами.
 Даже плюнуть назад не хотят.

Никому и ни в чем не отказывай.
 Все раздай, что копили с трудом.
 Я люблю городочек свой вязевый —
 Третий Рим и последний Содом.

И другого не знаю, хоть коржичек,
 А хоть бомбочкой жахни вразлет.
 Над Содомом прошел серный дождичек,
 Ну а к завтраму все заживет...

ДА НЕТ, ЕЙ НЕ В ТЯГОСТЬ

Вам хочется врать до потери
 Сознания. И лить из ведра
 Помой для чуди и мери.
 И слышать повсюду «ура».

Вам надо раскатам восторга
 Внимать, наблюдая за тем,
 Как очередь пляшет у морга,
 От счастья свихнувшись совсем.

Приспешники бодро шуруют.
 Махните усталой рукой,
 А люди пускай маршируют
 На смерть разноцветной рекой.

Вам хочется новенькой формой
 Блеснуть и войну замутить.
 И сделать зловоние нормой,
 И воздух навек запретить.

* * *

Она берется ниоткуда,
 Но вдруг развяжутся узлы,
 И ты — предатель и паскуда,
 А за рекой живут козлы.

В стране соседней вместо хлеба
 Едят любого, кто живой.
 Такая ненависть в полнеба,
 Что хоть об стену головой.

В стране соседней и не очень
Не люди ходят, упыри.
Их убивай и днем и ночью,
И пой от радости, смотри.

А если ты не рад, иуда,
То сам такой же, хуже нет...
Она берется ниоткуда.
И не уходит много лет.

Зато потом, когда в соседстве
Все снова будут горевать.
Как раз тебя-то в людоедстве
Бандиты станут обвинять.

* * *

Волки не сядут в лужу,
Овцы не станут сыты.
Может быть, и коряво,
Может быть, и клише,
Но не гляди наружу,
Если глаза открыты,
Ведь крепостное право
Каждому по душе.

Здесь умирают дети.
Там озверели гады.
Не выходит из моды
Только Родина-мать.
Больше всего на свете
Люди боятся правды,
Выбора и свободы,
А еще голодать.

Не полегчало

Вчера поймали упыря
И всем аулом дружно ели.
Храни ты, боже, им царя
И 8 пятниц из недели.

А то затеют передоз,
Игры в расстрелы или прятки.
Вам хорошо? Да не вопрос.
Война красна и взятки гладки.

Нечистый дух, пустой мангал.
Гляди налево и направо.
Железный занавес упал.
Аплодисменты, крики «браво».

Монти Пайтон

Решили овцы, что тоже птицы.
И на деревья перебрались.
А там повсюду такая слизь —
Почти как в центре родной столицы.

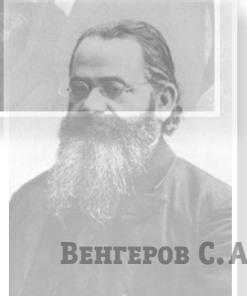
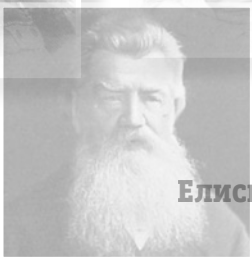
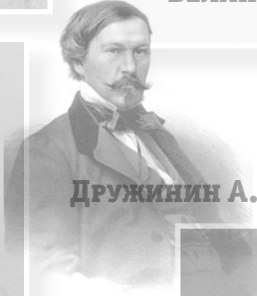
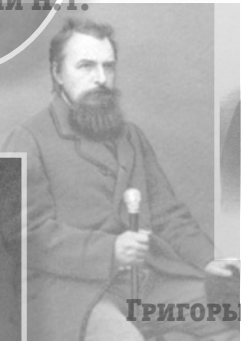
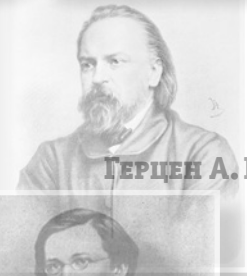
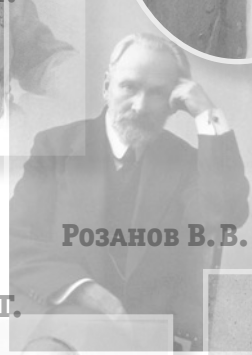
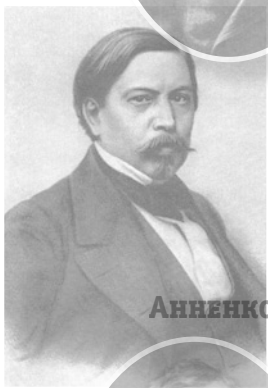
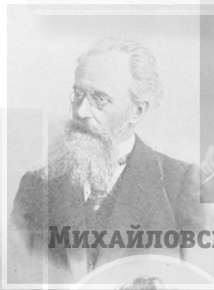
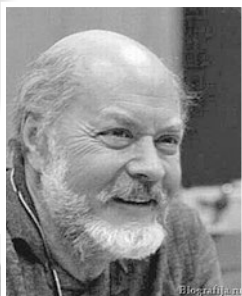
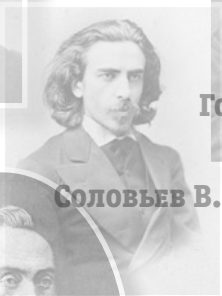
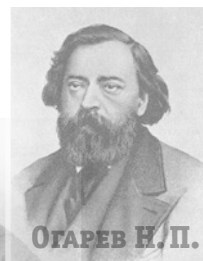
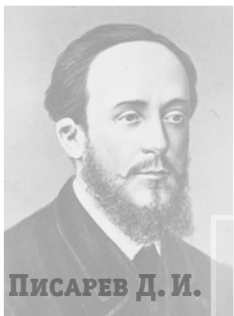
Решили птицы, что будут петь
По четвергам лишь и воскресеньям.
С таким-то счастьем, с таким везеньем
Пойти бы выпить сходить успеть.

Из австралийской поэзии

Мы выходили на рассвете
И долго крякали в Кремле.
Все очень сложно на планете
И очень просто на Земле.

Программу партии пронзая,
Живу, особенно стремглав.
Все думают, что я борзая,
А я на самом деле шкаф.

Страницы Льва Аннинского

Продолжение. Начало в № 1–12 за 2013 г., в № 1–11 за 2014 г.

АНДРЕИЧ

Его имени нет в двухтомном кинословаре. Не поместился Бондин после обстоятельного Бондарчука. Меж тем в предвоенные годы (когда было не до издания таких кинословарей) Бондина в мире кино знали все. Уже потому, что он написал для Эйзенштейна сценарий фильма о Павлике Морозове. Я в ту пору (мне было шесть лет) знал Ивана Андреевича как замечательного соседа по коммуналке в мосфильмовском «жилдоме». Я чуял тревожные нотки в кухонных разговорах с ним и о нем. Родители мои с ним дружили, звали запросто — Андреич. Я к нему тянулся: к его заводной веселости, в которой гасла тревога.

Война опустошила «жилдом», но Бондин, слава богу, уцелел. Вернулся в квартиру. И даже, выйдя как-то во двор (где я и мои приятели по очереди катались на подростковом велосипеде), попросил: «Дай проехаться!» Я оценил его юмор: «Вы ж раздавите! Не дам!» Он засмеялся и покрыл меня каким-то диковинным ругательством (выросши в моих глазах непомерно).

Шло время. Я был в девятом классе, когда, придя из школы, увидел, что дверь Бондина заклеена какой-то бумажкой. Мать, перепуганная, проговорила: «Андреича арестовали...» И велела молчать об этом.

Молчать пришлось лет восемь. В 1957 году Андреич появился! И зашел в свою бывшую квартиру

проведать нас. Из его рассказа врезался мотив: «И я объявил следователю: еще раз ударите — и не услышите больше ни слова!»

Словечки Бондина, вошедшие в легенды, стало можно цитировать. «ВКП(б) — Всеобщая Крепостная Повинность (барщина)». За такие штучки он и отсидел.

В моих тогдашних глазах он стал героем. Как-то я не утерпел и сказал ему, что я теперь дипломированный филолог, печатаюсь в газетах и могу написать о его новых сценариях. Идиотизма этой моей саморекламы я тогда не почувствовал. Иван Андреевич молча кивнул. Он-то почувствовал!

Года через три мне в Доме кино предложили прочесть мини-лекцию перед сеансом. За двадцать минут я обрисовал свое поколение, которое должно обновить советскую культуру. Слова «шестидесятники» еще не было, но я заливался соловьем.

После кино в раздевалке увидел Бондина и, обрадовавшись, подошел поздороваться.

— Я слушал твоё выступление... — сказал он.

Во мне все замерло.

— ...и ничего не понял.

Мы вежливо простились. Я подумал, что со временем смогу с ним внятно объясниться насчет моего поколения и советской культуры, которую пора обновить.

Не случилось. Больше мы не увиделись.

Продолжение следует.

ОФОМЕТЬ!

За полтора века, что существует роман Достоевского, загадочно названный «Записками неизвестного», играли Фому Опискина великие актеры — Москвин, Ильинский, Грибов, и написано об этом Фоме едва ли не больше, чем в самом романе: от Добролюбова до Тынянова лучшие умы разгадывали проказника, весело убеждавшего всех окружающих (и нас), что все они (то есть мы) — несчастные или счастливые идиоты. Вот и теперь он ликует: чем больше учится наш русский человек, тем дурей становится!

В спектакле Антона Яковлева, поставившего в Малом театре свою версию романа, Фома Опискин в исполнении Василия Бочкарёва — безраздельно главное лицо. Держит на своих плечах все действие! Чем? Правдолюбием, неотличимым от подначки?

Обитатели села Степанчикова пытаются решать свои проблемы: где там любовь, где расчет, да как бы в дураках не остаться, а Фома им объясняет, что все именно в дураках и останутся. И все знают, что он шутит, и он знает, что сам он шут (шут ради хлеба насущного), а никуда от нашего повального шутовства не деться. Ни Пушкин не поможет, ни Гоголь, ни Шекспир, ни Сервантес... Как среди этой неизбывной дури любить человечество? — взывает Фома, а потом, обратив к залу бочкарёвские глаза, в которых неподдельная преданность слита с поддельной издевкой, интересуется: не заронил ли в нас хоть частицу того огня, который пылает в его душе?

И я, отдаваясь восторгу зрительного зала, чувствую, как начинает шевелиться в моей душе зароненная туда полтора века назад частица Достоевского яда.

Валерия НАРБИКОВА

Валерия Нарбикова родилась в Москве. Окончила Литературный институт им. Горького. Автор десяти романов, вышедших на английском, французском, немецком, японском и других хороших языках. С 1978 года занимается живописью. У Валерии было несколько персональных выставок в музеях и галереях, она принимала участие в групповых выставках.

Окончание. Начало в № 11 за 2014 г.

Публикуется в авторской редакции

...И ПУТЕШЕСТВИЕ

Почти повесть

Иллюстрации автора

2

До третьего потопа, когда повсюду и во всей Европе, и даже в Ташкенте, и в Тбилиси будет идти десять дней подряд такой редкий дождичек, такой унылый и тусклый. И сначала он будет блестеть под фонарями, а на второй день он смое все столбы и фонари, газ и воду, которая прорвет водопроводные трубы и затопит метро, и метро не будет ходить. И весь этот игрушечный транспорт — и такси, и самолетки перестанут летать, потонут пароходики, все уйдет под воду, только некоторые высотные дома будут еще торчать из воды, а потом ударит мороз, и все заледенеет. Размокнет бумага, расплзутся чернила, человек покроется такой ледяной корочкой, он даже будет красивым издали при свете солнца вдруг издали, которое на мгновение вдруг блеснет, осветит эту корочку и растопит ее. А потом опять

залупит дождь. И он будет лить, и даже ветер не разгонит облака, они будут до луны, облака, а на луне нет земного ветра. И потонут даже высотные дома, даже небоскребы в Нью-Йорке, они станут как ракушки под водой, такие маленькие.

И все, все утонет: телевизоры, радио со своим вещанием, шляпные магазины и кондитерские, все утонет в вине, смешанном с дождем. И размокнут коровы под дождем, и даже молоко размокнет в вымени.

И после этого потопа выползут кое-какие стайки продрогших воробышек, и они будут мечтать о телевизоре и унитазе. И из них никто не сможет толково объяснить, как это надо еще раз сделать — то есть воссоздать телевизор и унитаз.

И придут новые учителя. Ведь только пока учитель сам говорит, он учитель. А когда он начинает

записывать, он автоматически становится учеником. Потому что можно услышать и записать. Но почти нельзя сказать. И все хитрые учителя ничего не пишут, а только говорят. Похоже, в слове написанном — есть погрешность слева. А в слове сказанном — погрешности нет.

Весь день Киса не отходила от Александра Сергеевича. Она ласкалась к нему, терлась о рукав мордашкой, мешала ему читать. Укладывалась у него на груди, и он откладывал книжку. Он хотел ее наказать, но терпеливо терпел. Он не хотел на нее наорать и выгнать из дома.

Да, он еще терпеливый был человек. Суровый, но терпеливый. И он орал на этот народ. Орал, но таскал его с собой по пустыне. И он мучил этот народ. Сорок лет он таскался с этим народом по пустыне. Он ведь убил на этот народ свою жизнь. Он был по крови египтянин. Но он не потащил за собой египтян в пустыню, а взял рабов и бродяжек, чтобы сделать из них верующих и оседлых. И он орал на них, как на детей, он их таскал за уши и шлепал ремнем, он им не покупал мороженое и не водил их в кино, он их водил сорок лет по пустыне, по жаре среди мух и козлов. И с помощью он заставит их верить, этот жалкий народ, а любой народ жалкий, когда его мучают. А когда мучают семитов, их глазки становятся бараньи-грустными. И он запретил им верить в козлов, быков и мудаков. И в конце концов проклял этот жалкий народ, потому что весь народ, как один человек, не повиновался, как один человек.

Потому что если уж один человек: лживый, хитрый, грешный, порочный, чистый, грязный, умный, жадный — то каким же чисто-порочным должен быть народ, состоящий из людей?

И он проклял его, чтобы потом спасти, а не просто так. Чтобы потом Бог, ради которого он таскался с этим народом по пустыне, чтобы потом Бог сделал Маше ребеночка, а вот Маша уже была бы не египтянка. Она была бы бедной еврейской девушкой, даже замужней. А если бы Хозарсиф вытащил в пустыню египтян и мучил бы их сорок лет: не давал бы им развратничать, и сломал бы все их игрушки, всех их козлов и быков, и потом все равно бы проклял их как народ непослушный, грязно-роскошный, чисто-порочный, то тогда бы Бог сделал ребеночка — египтянке, даже если бы она была замужем, хотя звали бы ее не Маша.

И тогда бы египтяне не вымерли. Потому что Сын Божий всей своей кротостью, всей сочащейся любовью к человеку, не кнутом, как Моисей, а уговором — заставил любить ближнего как самого себя.

Потому что, надо полагать, Бога человек уже любил.

А Филон говорит, что первое имя Моисея было Хозарсиф, а Страбон говорит, что он был царского рода, а евреи говорят, что он только ходил в школу в Египте, потому что там была самая хорошая школа — с английским и фигурным катанием.

А в Библии почему-то говорится, что из Египта его послали надзирателем над евреями, кажется, Гасема. Но какое же правительство пошлет надзирателем над евреями — еврея? Конечно же, египтяне послали бы египтянина. А ведь евреи, как и все семиты — это помесь черных и белых, в них течет черная и белая кровь, но не голубая. И этот египтянин с голубой кровью взял этих бродяжек и заставил их поверить в Бога единого и неповторимого. В Бога как просто в Бога. Он не внушал это египтянам, потому что они были слишком развратные, слишком умные, и среди них было слишком много голубых, хотя и среди греков было много голубых, и они вымерли, и среди римлян — и они вымерли, а Филон и Страбон остались, потому что были поэтами, потому что нет ничего выше стихов, то есть, наверное, они бессмертны.

Но если бы Моисей, он же Хозарсиф, он же египетский посвященный, взял любой другой народ, хотя бы японцев — самых терпеливых, которых тогда не было; хотя бы русских — этих белых детей, таких открытых, таких болтливых и, как сказал Марко Поло, таких красивых, которых тогда тоже не было, то ведь он их тоже бы проклял, этот египтянин.

Потому что народ, хотя он и народ, но состоит из людей, а люди — нехорошие, даже плохие, но трогательно-умные, и среди них много жадин и воришек, и двоечников. И даже Христос, который специально выбрал еврейскую девушку, потому что обязательно нужно было, чтобы девушка была из проклятого народа, не спас людей. Хотя среди христиан есть православные, католики, протестанты, безбожники и бабники.

И людей надо воспитывать. Их надо всех отправить в Египет. Там учить математике и русскому языку.

И тогда они не будут ругаться матом, не будут давиться в очередях, и среди них будет мало политиков, мало убийц, много стихов.

И пошел дождь. И пошла по всему дому тишина.

И от всего сердца, до замиранья в сердце, можно любить дождь. И теплый, и мокрый, и леденящий душу. И его не надо ревновать, он не обманет и не уйдет. Он такой верный, грустный, такой длинный, он из крови и плоти.

И у него не было много женщин, хотя он вечный,

и его ни разу не хотелось убить.

А если открыть рот?..

то хочется, чтобы он шел прямо в рот.

С ним хочется целоваться и ласкаться к нему.

Но он не оплодотворяет,

и от него нельзя родить ребенка.

Он чистый, даже когда он грязный,

и из-за него заляпаны чулки.

Дождь и Тишина.

Тишина тихая, тишайшая.

Тишина при полной тишине.

И когда откроешь окно — тишина.

А всех, кто нарушает тишину, — убивать во имя тишины...

Еще тише...

Вот мальчик с зайчиком пошел.

А вот и козел.

Тишина.

Надо поменять белье.

И от всего сердца, до замиранья в сердце можно любить дождь. И теплый, и мокрый, и ледящий душу. И его не надо ревновать, он не обманет и не уйдет.

И если исключить время, которое уходит на транспорт, на телефонные звонки, магазины, обеды, приемы и ответы на письма, то получится, что на жизнь совсем не остается времени.

Но ведь жизнь и состоит из метро, такси и автобуса — туда и обратно — починки автомобиля и прачечной, и оплаты телефонных счетов, и непременно покупки туфель, да еще похорон.

И за это можно обидеться на жизнь, за то, что каждую секунду, каждое мгновение — она не состоит — из открытого окна с маленькой фигуркой человечка вдалеке, который еще не успел приблизиться и стать слишком большим, явным и говорливым.

В одном воспоминании, которое кажется не очень-то реальным, в этом воспоминании был такой рельеф: там протекала река, и у речки стоял наблюдатель, скажем, тот, кому это воспоминание принадлежит. А очень далеко на горизонте был такой довольно большой холм. И был закат. И на холме стоял мальчик с собакой. И они замерли на миг — и собака, и мальчик, и воздух — не было никакого дуновения в воздухе. И наблюдатель поразился, как это он видит не только острые уши собаки, не только кончик ее хвоста, но даже прутик в руке

у мальчика, он был виден, как волос в воздухе. Это был миг зрения.

А это был звонок в дверь. И этот звонок нарушил тишину. Киса открыла дверь и впустила господина, он именно просочился в приоткрытую дверь, как ей показалось, из-за того, что был скользким, а скользким из-за того, что лысым. У него были почти по локоть закатаны рукава рубашки, и на нем не было пальто, хотя все еще была осень.

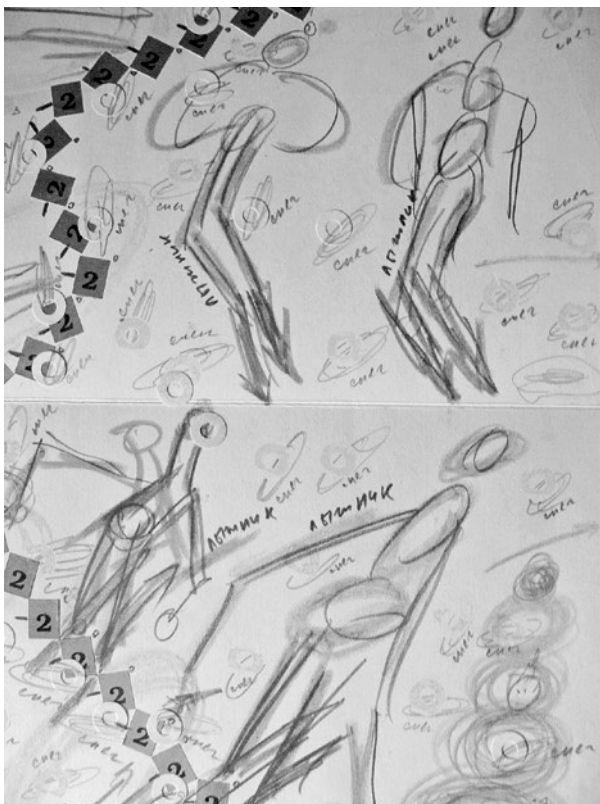
И на руке, которую он вытащил из-за спины, чтобы поздороваться с Кисой, была татуировка: клетка, а в клетке птичка, и почти тут же вышел Сережа, и как раз эту руку он и пожал этому господину. Это оказался заказчик, для которого Сережа делал чертежи. То есть не сам заказчик, а его помощник. И они удалились в Сережину комнату, а Киса — в свою. А у Александра Сергеевича своей не было, и он удалился на кухню.

На кухне он подумал, что женщины — не люди. В лучшем случае лучшие женщины — это полузверюшки-полудамы. А если они не люди, то какой с них спрос. Конечно, они рожают детей, и в этом случае господа от них зависят. Возьмут, перестанут рожать, и тогда господа вымрут. Потому что даже если они перестанут готовить и кормить, те не вымрут, сами как-нибудь. А вот если обидятся все вместе и перестанут все вместе рожать, тогда вымрут. Но тогда и дамы вымрут. Останутся только зверушки, которые подолгу не обижаются друг на друга, они подлизываются и лижут друг друга.

И чтобы в двадцатом веке понять, что земля круглая, должен быть бесплатный транспорт и телефон. Потому что, например, завтра уже сегодня вечером обязательно нужно в Париж. Зачем? А чтобы посмотреть, есть ли там сегодня луна. Или тогда никого уже не надо учить состоянию. В этой школе по обучению состояний уже можно вести курс. Вот мячик подпрыгну, на солнце, а вот от него тень, ты запомнишь, как прыгала эта тень. А вот занавеска закрывает окно. Но в ткани есть такая дырочка, которую нарочно расковыряли для состояния, и вот в эту дырочку видна луна, ты это запомнишь?

Киса пришла на кухню к Александру Сергеевичу и публично при всех поцеловала его в губы. Это был такой длинный поцелуй взасос. А собственно, и не было никого на кухне, кроме них, даже слесаря не было. Никого...

и на одном языке можно послать... а на другом пойти. И живому таракану в Москве Александр Сергеевич сказал — пошел на х...й. И таракан уполз, его не надо давить, он понимает по-русски.

Лыжник, лыжня и снег

И Александр Сергеевич подумал, что, может, она и не виновата, Киса, просто она гедонистка, и она питается не только мужчиной, но и самой жизнью. Она ее пьет, ест, смотрит, поглощает, и он каждую секунду живет, и в каждый миг она требует от момента жизни наслаждения. Этот миг должен наслаждаться ее или тенью от дождя, или варварским запахом сырости. В общем, этот миг должен быть ее. Если же ей не дают наслаждаться, то она грустная, и реснички загибаются в обратную сторону. И все плохо. И тогда остается только удавиться. Этим гедонисткам надо выпить сразу все вино, и смешанное с водой и не смешанное, и смешанное с людьми в ресторане и не смешанное ни с одним персонажем, например, в какой-нибудь келье. А потом выпить три чашки крепчайшего чая, чтобы потом сердце болело, а потом — теннис при сорока градусах под прямым солнцем, чтобы была видна такая и четкая тень от мячика. А потом сразу мороженое, а потом ера ангина, и две недели температура сорок, и уже никакого тенниса и никакого мячика, а только такое нежное нитье в постели. А потом баня, чтобы два часа париться, чтобы вместе с потом вышли из тебя все козлы и зло, остался только сын божий у самого сердца, а утром печень болит. И ее

нельзя вырезать, нельзя съесть. Она печень — для печени.

Нам надо поменять белье.

На кухне в шкафчике она взяла чистое белье и вернулась в комнату, чтобы оно было белоснежным и хрустящим, как снег в горах. А это грязное белье чтобы лежало у подножия гор. А когда грязная наволочка, как прошлогодний снег, уже лежала на полу, а чистая уже блестела под солнцем, надетая на подушку, Киса услышала, как кто-то опять позвонил в дверь, как Сережа открыл, и как кто-то прошел к нему в комнату. И она легла на чистое белье, и с вершины горы взглянула на грязное, которое уже таяло под солнцем и могло превратиться в грязную лужу.

— Что? — сказала Киса, когда Сережа вошел к ней в комнату.

Она почему-то испугалась чистого и грязного белья одновременно. Особенно то, что он видит — грязное. Но он только попросил зайти к нему в комнату, «на несколько минут, — сказал Сережа, — можешь?».

И через минуту в Сережиной комнате Киса увидела, кроме этого лысого господина, еще господина Ив.

И чтобы не смотреть ему в глаза, Киса посмотрела Сереже в глаза, и как только она посмотрела, он тут же увидел по ее глазам, что она спала с этим одноглазым господином. И ему даже показалось, что именно на этом грязном белье. Сначала он не поверил своим глазам. А когда в комнату вошел Александр Сергеевич, Сережа старался не смотреть ему в глаза, чтобы Александр Сергеевич по его глазам не увидел то, что Сережа увидел по ее глазам.

Александр Сергеевич не понимал по-английски, но он понимал по глазам. И неожиданно для себя Сережа довольно бойко заговорил с господином Ив по-английски и встал так, чтобы Александр Сергеевич не мог видеть Сережиных глаз, зато мог видеть один глаз господина Ив, в котором ничего невозможно было прочитать, потому что никто в нем ничего не написал. Господи Ив согласился с ним по-английски, и тогда Сережа перевел Александру Сергеевичу на русский: что с этим господином он вместе ехал в купе, а потом оказалось, что он заказчик, а Сережа об этом ничего не знал, потому что имел дело раньше только с его заместителями, а это один из них, и Сережа показал глазами в сторону лысого господина. И все начинало принимать естественный оборот: просто пришел в дом главный заказчик со своим заместителем. Но этот господин Ив ни с того ни с сего обратился к Александру Сергее-

вичу по-немецки. Александр Сергеевич ответил ему по-немецки. И в течение нескольких минут господин Ив что-то говорил Александру Сергеевичу по-немецки, и в конце этой речи лицо Александра Сергеевича резко изменилось: и улыбка пропала, и он смотрел то на Кису, то на господина Ив, то на него, то на нее, как бы мысленно приказывая им: лечь! встать! лечь! встать! «Неужели и до этого дошло», — подумал он, потому что господин Ив сказал ему, что у сестры его друга, то есть сам он, Александр Сергеевич, просто друг Сережи, а Киса просто сестра. Так вот у Кисы, нн так и назвал ее по имени, есть такая гирлянда: сцепленные вместе треугольники, которые, соединившись, дают квадрат. Она ему это показала, когда они с ней были в ресторане.

— Вместе с Кисой? — уточнил Александр Сергеевич.

— Да, вместе с сестрой вашего друга, — пояснил господин Ив.

И господин Ив хотел еще раз взглянуть на эту гирлянду, собственно, он для этого и пришел. И когда Александр Сергеевич смерил Кису с ног до головы взглядом и как бы мысленно раздел ее, она испугалась этого взгляда.

— Что он тебе сказал? — спросила она Александра Сергеевича по-русски.

Он не ответил.

Тогда она подошла к своему мужу и, обратившись к господину Ив и убив его своим ненавидящим взглядом, вежливо сказала ем по-английски: «Это мой муж, Александр Сергеевич».

Даже по одному глазу господина Ив было видно, что он прозрел. По-английски он попытался сказать Сереже, что это муж его сестры.

— Извините, — сказал Сережа, потому что фраза была такая: «Я не знаю, почему этот человек муж который есть». Господин Ив плохо говорил по-английски. И Сережа спросил Александра Сергеевича: «что он тебе сказал?» Александр Сергеевич не ответил.

И тогда господин Ив обратился к Александру Сергеевичу по-немецки. И после его довольно длинной речи Александр Сергеевич спросил Сережу: «ты сидел вместе с ним и с Кисой в ресторане, даже в маленьком ресторанчике?»

И Сережа припомнил и солнце, и как они переходили речку, и бильярд.

— да, — сказал он, — там еще был бильярд.

— Там еще был бильярд? — спросил Александр Сергеевич господина Ив по-немецки.

— Да, конечно.

Тогда Александр Сергеевич подошел к Кисе и спросил у нее, глядя ей прямо в глаза:

— И в этом кафе ты показала ему эту бумажную гирлянду?

И в это время этот стоявший лысый господин — чихнул, и от неожиданности Киса рассмеялась.

— Ну и что? — сказала сквозь смех Александру Сергеевичу. — Это моя игрушка, а почему такие длинные объяснения?

И Александр Сергеевич сказал, что господин Ив пришел для того, чтобы увидеть эту игрушку еще раз. И Киса пошла в свою комнату за гирляндой.

И когда она принесла свой квадратик из треугольников, господин Ив попросил разрешения как следует рассмотреть эту вещицу, «игрушку».

Он спросил по-немецки, сама ли Киса придумала эту вещицу. Александр Сергеевич ответил за нее, что сама. Он спросил, училась ли она где-нибудь точным наукам, он ответил: «в Египте». И добавил, что там же она училась поэтическому искусству и искусству риторики.

— что ж ты ему говоришь? — спросила Киса у мужа.

Он ей не ответил.

Зато он ответил господину Ив: «конечно, на курорте». Потому что не без иронии господин Ив спросил: «в Египте она была на курорте?» Все превращалось в шутку.

И когда господин Ив вернул Кисе ее игрушку и сказал, что хочет построить такой дом, Александр Сергеевич решил, что он шутит. Но тут в разговор вступил лысый господин. И заговорил он по-русски и очень хорошо. Он сказал Сереже, что дальше работу над чертежами продолжать не надо, что сделанная работа будет оплачена. И что нужно сделать как можно быстрее чертеж с этой игрушки Кисы. Что действительно господин Ив хочет построить дом по этому проекту и спрашивает Кису, сколько он должен будет ей заплатить за идею. Разговор был совсем не шуточным, потому что речь шла о деньгах. Потому что для людей — деньги почему-то серьезная вещь. Люди почему-то любят деньги. Может, им нравится пошуршать. И когда, например, жених говорит невесте: «я подарю тебе полмира!» — она смеется. А когда он говорит: «я подарю тебе однокомнатную квартиру», — невеста становится серьезной. Потому что однокомнатная квартира стоит денег, а полмира никаких денег не стоит. И чтобы не говорить о деньгах, Киса отшутилась, что идея не ее, что она подсмотрела это в какой-то детской книжке. Господин Ив поблагодарил Кису. И потом он заговорил с лысым господином по-немецки. И Александр Сергеевич понимал, что речь

идет об этом будущем доме — Кисиной игрушке — и лысый все время твердил, как специалист, про какую-то щель, без которой не обойтись, которая все равно будет вокруг дома, ее можно сделать более или менее заметной, но щель будет. Это будет очень дорогой дом, и на птичках не заработаешь.

Распрощались и ушли.

Киса вернулась в комнату, чтобы собрать грязное белье. Александр Сергеевич вошел следом за ней и увидел, что она в каком-то странном состоянии.

И человека вообще нет. Человек — это состояние человека. И в человеке может ничего не быть человеческого, только голос. Хотя Пифагор почему-то считал, что смех, может, тогда много смеялись. Сейчас почти никто не смеется. Такие все хмурые, и по смеху нельзя угадать человека. Вот длинный жук ползет по абажуру. А бабочка уже билась в окно. Абажур круглый и объемный, а тень от него плоская. И жук хочет быть в тени. Он ее ищет. Нашел. Присел и покакал. Оказывается, он искал туалет. Он почти бумажка, этот жук, он почти плоский, в нем еще не ночевала божественная монада, в нем еще не пробудилась утренняя заря в восхождении. Но он обладает цветом, этот жук и фактурой, и когда он уползает подальше от абажура, в нем ее линия. И сам жук состоит из тени абажура, самого жука и фактуры потолка. В общем, его нет, этого жука. Он ползает для стихов. Или он есть для того, чтобы найти себе тень.

А тот, кто не говорит по-русски, почти вообще не человек. «Интересно, что он видит во мне?» — подумала Киса о господине Ив. Постель и язык — вот что связывает людей. Что связывало Кису с Александром Сергеевичем? Почему они прожили вместе десять лет и не разлюбили друг друга? что? это постель и язык. И до того, как Александр Сергеевич женился на Кисе, у него была любовница. «И почему ты на ней не женился?» — «у нее был очень громкий голос». И Александр Сергеевич подумал, что она немножко вампирша, Киса, раз питается спермой. Постель, язык и время связывало их. Они на одном и том же языке могли говорить о луне. И время, которое связывало их, — это было настоящее время, а также прошедшее и будущее. Но все эти три времени были одновременно в настоящем времени. Потому что одного человека можно только вспоминать, а так он не приспособлен для настоящего времени. А другого только представлять в будущем. А с третьим в настоящем времени жить.

Но Александр Сергеевич был такой человек, которого можно было представлять вспоминать

просто в настоящей жизни, хотя бы за завтраком, и несмотря на это Киса ему изменяла. Необъяснимая вещь, почему? можно прикуривать от точилки для карандашей. Зажигалка может показывать время. А часами можно побриться. А в России что-то с канализацией плохо. Оттого все и грязно. И страна большая. И говна по всей стране много. Электроника всей страны, это, конечно, хорошо, но лучше сидеть при свечах в чистом сортире.

ИСТОРИЯ (КОТОРОЙ ЛУЧШЕ БЫ НЕ БЫЛО) ТРЕТЬЯ

«Лучше бы этого не было, этой истории». Но о ней всегда напоминала эта Чернобыльская АЭС, потому что когда эта история произошла, взорвалась эта Чернобыльская АЭС, а не на следующий день, когда об этом узнали советские люди. А уж когда об этом сообщили по радио и в газетах — до Кисы дошло, в какую же вляпалась грязную историю. По радио объявили, что ничего страшного, что погибли единицы и заражены единицы, а она говорила: «ублюдки, ублюдки, ублюдки».

История началась с того, что она встретила на метро со своим приятелем, не таким уж плохим поэтом, вполне приличным, и он пригласил ее в гости к своему приятелю, «он сегодня стал отцом». Этот провинциальный «отец» снимал квартиру где-то черт-те где. И кроме дивана и пустых бутылок под столом ничего в этой квартире не было. Поэтом он оказался совсем уж плохим. И как только он дочитал цикл своих стихов, Киса стала собираться домой, чтобы еще успеть на метро и не врать Александру Сергеевичу, что она была у подружки, а честно сказать, что была в гостях у одного на редкость плохого поэта со своим приятелем, «ну ты его знаешь, вполне приличный поэт». Хотя она могла ничего и не говорить Александру Сергеевичу, потому что она с ним уже несколько дней была в ссоре из-за Христа, потому что он сказал, что абсолютно не верит в то, что Христос — сын Божий. Хотя в конце ссоры, когда Киса сказал, «а мне нужно, чтобы ты верил», — «но если тебе так уж это нужно, то верю». Этот ответ особенно ее и разозлил.

И вот этому плохому поэту позвонили из его родного то ли Киева, то ли... и сказали, что его жена родила. Он был довольно счастлив. И Киса порадовалась его счастью. И его плохие стихи были как бы и ни при чем. И все вместе пили шампанское с коньяком и запивали его шампанским. И сначала она целовалась вполне прилично со своим приятелем на кухне, а потом они как-то по-приятельски разделились на кухне и стали цело-

ваться голыми совсем уж неприлично. А потом голым оказался и этот поэт в комнате, и она так естественно, как будто только втроем и занималась всегда этим делом, стала этим с ними заниматься в комнате, и занятие это было довольно механическим, в нем не было ничего, кроме занятия. И она стала почти безучастным телом. Над которым трудились два других тела. И одно из этих тел было более активным. Но чем активнее оно набиралось шампанского, тем оно становилось пассивней, и тогда более активным становилось другое тело.

И в один момент Киса даже развеселилась, почувствовав, что это просто игра, и они втроем играют. И перед самым концом игры уже было почти хорошо. А потом был конец игры. И вот тут-то, наверное, и взорвалась эта АЭС, потому что стало так плохо, как будто еб...й можно отравиться. И двое этих мудаков, которых она ненавидела... А этот «отец» оказался полным мудаком, потому что решил еще почитать стихи. И стихи были такими тошнотворно-плохими, что Киса блеванула, может, даже и от стихов. «Дать тебе воды?» — все-таки он оказался неплохим человеком, этот вполне приличный поэт, приятель Кисы. И Киса шепнула ему, чтобы его приятель заткнулся, а то есть чтобы ни строчки, а то ее опять вырвет.

А потом ее приятель по-приятельски проводил ее домой. А потом через несколько лет они по-приятельски встретились у общих приятелей, и он по-приятельски предложил вдвоем. Но Киса отшутилась. И он даже сказал, между прочим, что жена того приятеля «ну ты помнишь» заразилась от этой еб...й АЭС в тот день «ну ты помнишь» и умерла, и ребенок заразился от нее и умер, и приятель заразился от своей жены и плохо себя чувствует, тоже скоро умрет.

А потом ее приятель совсем исчез с горизонта, и она о нем больше не слышала, ни о нем, ни о его стихах. Зато она слышала об этой еб...й АЭС, которая тогда взорвалась, и оказывается, что в этом дерьме погибло взрослых столько-то, детей столько-то, а всего несколько десятков тысяч, намного меньше, чем на войне.

3

И если представить свою жизнь, как такую тихую радость, как взгляд с башни на озеро, то можно от восторга вообще сразу умереть и не жить.

Жизнь бывает запущенная и запущенная.

Удивительно, это слово вмещает в себя сразу две совсем разных жизни, не вмещающихся в одном человеке, но вмещающихся в одном слове.

При жизни запущенной — и на столе, и под столом видно некоторое запустение: и крошки под столом, и конверт в пятнах, и даже в конверте крошки. И на стенах то ли пятна от вина, то ли кто-то прижимался к стене. И в шкафу вешалки какие-то кривые, и рубашки, как будто их кто-то уже носил, хотя они почти новые. И стекла грязные. Или это дождь грязный? или это пейзаж грязный? И рефлекс на батарее от солнца тоже какой-то замусоленный, давно батареи не чистили, никто не поплевал на солнце и не вытер его тряпочкой.

И совсем другая — запущенная жизнь. Со счетом в банке, когда можно жить только на проценты и экономить, потому что жизнь дорогая, и денег не хватает. А потом каникулы, а потом работа, которая требует внимания. Никаких тебе пятен на стекле, никаких крошек под столом, все чисто, и стекла чистые — их пришли мыть. Безличный оборот. У мойщика лесенка, ведро, тряпка. Вот он и солнце вытер, и пейзаж прочистил. А вечером ужин. Все регулярно. Все запущено. Запустили — и летим. И такая жизнь, как полет. Как запущенный самолетик. Как рейс в самолете: разбудят тебя, покормят, прилетят тебя, выйдут потом тебя. Потом чемоданы. Такси. Утро. А утром следующий рейс — в 8:20. Запустили.

...и когда так много думаешь о стихах, даже больше, чем о человеке, которому посвящены эти стихи, а потом оказывается так, что с человеком расстаешься, а стихи остаются. А потом проходит время, и стихи кажутся не такими уж хорошими. И тогда так жалко становится то время, которое можно было бы потратить просто на человека, без всяких стихов, и руку, которая рифмовалась с мукой, можно было бы употребить как-нибудь по-другому вне рифмы. Вот и все, вот и все, вот и все...

Почти каждый день Сережа встречался с лысым господином, которого Киса с Александром Сергеевичем между собой называли Таня, хотя имя его было Курт. Но в первый раз, когда он позвонил по телефону после визита с господином Ив и заговорил с Кисой по-русски, Киса сказала Александру Сергеевичу: «так хорошо говорит, как какая-нибудь Таня». Так и осталось: «Таня не звонила?», «завтра посещает Таня», они даже говорили о нем в женском роде: «вот и Таня пришла». Хотя совершенно русское, романтическое имя «Таня» совершенно не подходило этому довольно-таки мрачному господину, к тому же лысому. И Сережа много работал. И вообще на Западе много работают. А на востоке много спят: сиеста — сон и покой. Потому что

на востоке уже устали работать, потому что восточные люди древнее-старше-старее западных. Хотя там, где встает солнце — восток, и там, где оно садится — запад — возраста нет. Хотя самый старый — юг. И если по старшинству, то сначала идет юг, потом восток, потом запад, а потом север.

Севера еще просто нет, то есть возраста у него нет, не родилась еще северная цивилизация, чтобы через пятьдесят тысяч лет погибнуть.

Сережа, который много работал, который. У которого была хорошая работа, которая. От которой он зависел, которая. Приносила ему деньги, которые. Разлетались как дым.

В том числе и на стол.

Сережа пообещал Кисе купить маленький письменный стол, такой маленький, как бы не для романа, а как бы для стихов, которые она как бы будет писать за этим столом. Но который доставили к ним домой не в виде стола, а в виде красиво упакованных досок и дощечек, и в отдельном пакете — шурупчиков. В таком виде стол мог только лежать. К столу полагался план стола — в перспективе: этот стол как бы в перспективе стоял как бы на горизонте в виде такого столика, и несмотря на огромное расстояние, отделяющее как бы наблюдателя от стола, был виден каждый гвоздик, забитый в стол.

На кровати стол лежал в натуральную величину, он был стол в плоскости, надо было сделать стол в объеме. А объем представлял из себя движение слева направо, свет и тень, и кажется все, и в этот объем даже можно заключить человека как показателя объема. Сначала Киса собирала стол на кровати, а потом поставила его рядом с кроватью, а потом села за стол и написала стихотворение слева — направо, потому что так ее учили в школе — писать слева — направо, как всех арийцев, а не как семитов — справа налево.

Потому что есть черные и белые, левое и правое, север и юг. И черные смотрят на юг, а белые — на север. А еще есть солнце. И если стоять лицом к югу, то свет от солнца будет падать слева, и чтобы не загоразживать то, что ты пишешь, надо писать справа налево, а в лучах солнца видеть собственно солнце в собственных лучах.

А белые, которые младше, которые научились у черных, которые старше, писать справа налево, а потом взяли и повернулись из гордости лицом к белому северу, отвернувшись от черного юга, а рука, которой пишут, правая, все равно двигалась на восток, и на правописание слева направо ушли тысячелетия.

Зато дождь, который шел слева направо, когда ветер дул в одну сторону — и справа налево, когда ветер дул в другую сторону, был ни черным, ни белым, он был настолько прозрачным, дождь, что был как бы бесцветным.

И даже было видно, как он гоняет воздух, этот ветер, он был до самой луны, которой сейчас не было видно. Зато было видно солнце, абсолютно холодное, даже без лучей, даже без сияния и тепла. Оно было холодное и неяркое, как луна, только побольше, чем луна, несмотря на то что оно подальше от земли. И облака, которые гонял ветер, были совсем непугливые, не как стадо барашков. Они были твердыми, почти железными, и они стучали в небо. И от ветра, может, было такое шоссе в небе, даже такая автострада, по которой бешено неслись облака. И если бы ветер с этими облаками еще ближе приблизился к земле, то эти облака при такой жуткой скорости снесли бы все, что есть на земле. Они снесли бы это одним хотя бы звуком, хотя бы этим автострадным гулом.

За письменным столом Киса думала, что можно еще один раз и больше никогда. Еще один раз и все. А потом все будет как у всех. Быт. Такой бытовой, теплый, с чаем, грог, конечно, вечером, а потом чтение и сон. И больше ни разу. Но страсть? вот что это такое? она не обеспечена бытом, счетом, словом, клятвой: «я тебя так, как никого никогда!» в чистом виде желание, которое мгновенно, как нота «си», даже «си-бемоль», то есть желание, как некоторый спад. Вот господин Ив, он чужой. Иностранец. Такой далекий, такой бесконечный иностранец, такой отвлеченный, что как бы он в чистом виде человек, только бесконечно очищенный, как бы только что вылупившийся, или только что вымерший даже.

А как бы ты себя чувствовал на его месте?

А что бы ты сделал на его месте?

А если бы ты был на его месте?

Киса услышала какую-то возню в коридоре. И выглянула: входная дверь в квартиру была открыта, и у двери сидел щенок. Сережа и Александр Сергеевич стояли у открытой двери, а щенок не переходил порог, соблюдая дистанцию. Собака. Почему мы говорим «собака», а не говорим: овчарка, сеттер, пудель, дог. То есть мы не говорим о породе. Потому что она — собака, а не попугай. Она не умеет летать, клевать, повторять. Она почти что лошадь, почти корова, те тоже приручены человеком. И человек для них — старший брат. А лошадь и собака — младшая сестра. А корова — дочь или жена. Родственники.

И когда лиса вышла из своей комнаты, собака побежала прямо к ней.

А как бы ты себя чувствовал на ее месте?

Если бы твоя мама сидела в подворотне, а ты сам устраивался бы в ясли, а потом в детский сад. Хотя собаки более приспособлены к жизни: их не надо пеленать, их не надо учить ходить, и не надо их учить говорить.

Собаку назвали Таней, как и Курта.

Вот бросила мама Таню, и она сама себе ищет маму.

И оказалось, что Киса — хорошая мама. Она даже стал ее учить (дрессировать), и оказалось, что Таня очень быстро растет.

Через два месяца Александру Сергеевичу надо было уезжать. Таня была очень ласковая, зубастая и мягкая. Сначала у нее встали уши. А потом почти выросли зубы. И она стала их точить о кости, о письменный стол, с кровать. Таня любила кости, и Таня считала Кису своей хозяйкой. А Александр Сергеевич ревновал, а Сереже было не до ревности, потому что Таня писала на хозяйский паркет, и хозяйка сказала, что в контракт не входит, что в этой квартире будет жить собака. Сережа объяснил, что собаку он не собирался заводить, что она сама пришла, что она бездомная. И хозяйка сказала, что тем более в контракт не входит, что в ее доме будет жить бездомная собака. Почему собаки так много писают? Как дети. Паркет разбух и поплыл. Киса старалась ее приучить писать в одном месте.

Никто не знал, кто ее мама и папа. Скорее всего, мама ее была бездомная, а папа — овчарка — вскочил на маму — и мама родила Таню в подъезде, в подвале? А может, Таня родилась в колыбели, и Арина Родионовна ей рассказывала сказки, а потом Арина Родионовна умерла, и Таня оказалась сиротой.

А как бы ты себя чувствовал на ее месте?

от и еще два месяца прошло, всего два. Это не час до отхода поезда. Это не пятнадцать минут под часами в ожидании возлюбленной, это не миг, когда звонит будильник, и хочется поспать еще пять минут. Это прошли два месяца жизни с завтраком, обедом, чтением, прогулками с собакой.

И Киса могла уехать с Александром Сергеевичем. Но могла и остаться. А могла остаться, а потом к нему приехать. Или он потом мог к ней вернуться.

Приятно, когда жизнь есть у других. И они с ней справляются, с этой жизнью. А когда жизнь твоя собственная и ты с ней не справляешься, как же странно на тебя смотрят — ты уже не человек для людей. Ты уже объект.

И тебя изучают, и поучают, и хотят у тебя поучиться, ты даже не собака, не человек, почти

морская свинка, которую не жалко. А почему не жалко? и почему морская свинка? Потому что ее нельзя приручить, как корову, лошадь, собаку, потому что морская свинка безмозглая и не может любить человека, она жалкая, она жалче человека, и только лошадь помогает человеку, и только собака защищает человека, и только морская свинка гибнет от человека.

Вот всадник! вот герой романа. Если бы лошадь умела писать! Ведь он ее оседлал. Он ее причесал. Научил вставать по будильнику и вовремя ложиться спать. Он водил ее в баню и парикмахерскую. Время ложиться спать. Он смотрел ей в глаза. «За что ты меня любишь?» — «за глаза», — «ну не за глаза же!» — «за глаза».

С Таней нужно было что-то делать.

— тогда я тебя возьму с собой, — сказал Александр Сергеевич, и он посмотрел собаке в глаза. А она ему — в глаза. А Киса — ему. А собака — Кисе. Чтобы Таня в Москве писала на паркет. Раз здесь нельзя. А в Москве можно. В Москве собственная квартира, а здесь хозяйская. И в Москве можно делать все, что только хочешь, а здесь все — что только можно.

— поехали вместе, — сказал Александр Сергеевич Кисе, — поедем!

— ты же скоро вернешься обратно, — так она сказала. И если она так сказала от чистого сердца, то что это за сердце? что за кровь, которую оно гоняет. Это бессердечное сердце. Это холодная кровь. Или оно глупое, это сердце, раз оно не болит?

Тане купили намордник, билет, ей выдали справку, что она сучка, Таня, и что она здорова.

И стали прощаться.

Дождь был на следующий день. Он уже начался на вокзале, и под дождем быстро стемнело, как в кино. И Александр Сергеевич нес сумку, а Киса вела Таню.

А что бы ты чувствовал на ее месте?

И Александр Сергеевич чуть-чуть отставал, а Таня оглядывалась — идет ли он. Он шел.

— можем опоздать, — сказала Киса.

Лучше бы этот поезд не пришел. Лучше бы его отменили, лучше бы у него не было колес. Но его не отменили, не укусили, и он пришел на колесах — вовремя.

И они поцеловались, Киса с Александром Сергеевичем. Как будто он уходил на войну. Болтовня. Как будто он улетал на луну. Болтовня. И они посмотрели друг на друга. «Не любит она меня, что ли?»

А потом Александр Сергеевич втащил Таню в поезд. И они сели у окна. А потом поезд тронул-

ся. А потом Таня когтями стала царапать по стеклу. Этот мерзкий скрип когтей по стеклу. И они были сейчас очень похожи — оба: Таня и Александр Сергеевич. У них были одинаковые глаза, с такой тоской в глазах. Глаз даже не было, вместо них была одна тоска. И поезд пошел быстрее, и Киса еще бежала за поездом, как дура, со своей собственной дурацкой тенью, но она уже не могла его остановить, потому что она была маленькой линией, таким всего лишь штрихом на платформе. И они двигались параллельно: поезд и она. А параллельные линии никогда не пересекаются, только, может, в огне, когда сгорают.

Домой Киса шла полумертвая, полуживая, без мужа, без собаки... а вот странно, она шла домой и сочиняла стихи, может, это не надо делать? и надо запретить? запретный плод сладок? стихи были про то, как бы про абсолютную тишину. Про то, что мир, он наполнен звуками: это поезд, часы, сковородка, чайник, автомобиль. Но иногда бывает так, что исчезает вдруг звук совсем. И даже эти звуки: чайника, автомобиля. И оказывается, что это полная пустота для человека, в которой нельзя пойти ни туда, ни туда-сюда. В этой пустоте даже нет шума дождя, вообще полное отсутствие шума, звука. Это даже не затычки в ушах, а прямо в самом сердце ничего не слышно, как будто у сердца нет ушей.

Платить, конечно, нужно за все. Товарообмен. Но нет таких монеток и бумажек, которыми можно расплатиться за тот дождь на вокзале. Только стихами. Неужели и стихи — это тоже расплата? Тогда до свидания! пока! про это еще не написаны романы, а тем более трактаты. Только стихи.

Вот дословно пересказанная история пятилетней девочки: жил-был Пушкин. И приходит к нему негр без ног. И Пушкин ему говорит: «ну здравствуй». И негр говорит: «здравствуй». Пушкин отвернулся и говорит: «до свидания, Таня».

— а при чем тут Таня?

— забыла сказать, — сказала девочка, — с ним еще Таня была.

И вдруг все становится неинтересным: мороз и солнце, день чудесный, и даже становится противно — я памятник себе воздвиг... всюду цитаты. На вокзале — ямбы. В магазине — перифраз. На заборе рифмы — Шура-дура. И все самые смешные, все самые-самые пользуются плакатами, это их гнездо, и они обсасывают, высасывают и отсасывают.

Заграница начинается с Шереметьева-2. Не с Белорусского же вокзала. Но поезд с Александром Сергеевичем прибыл по-домашнему — на вокзал, и он по-домашнему прочитал: вы вложи-

ли? вы вложили... вы вложили! «Сидеть!» — сказал он. Вы вложили! — сидеть — вы вложили — сидеть! Вот оно, счастье концептуалистов. Упаковались. И сидят в говне.

А что бы ты чувствовал на ее месте. «Сидеть!»

Не надо человеку думать о том, о чем как бы думают животные. Зачем Герасим утопил Муму, а ведь Герасим был немой человек, а Муму говорящая собака. Но Герасим ничего об этом не скажет, и Муму ничего об этом не скажет.

И еще у них есть в глазах покорность, у животных: у собак, лошадей, даже у священных коров. А у человека в глазах — огонь. Животные ходят на четырех ногах, а человек — на двух, а две остальные ноги у него как бы руки, более чистые, чем ноги, даже не в смысле ногтей, ухоженных, он ими ничего не делает, он ими себя обслуживает: раздевает, бреет, онанирует, похлопывает по щекам. И корова в этом смысле сильно отличается от человека, потому что она обслуживает себя хвостом.

В маленьком ресторанчике Киса заказала овощи, которые один человек быстро посадил, и они быстро выросли, а другой их быстро собрал и быстро продал, а другой их быстро приготовил, и теперь Киса их быстро ест. А рядом сидел господин, который ел индюка с грибами, и пока он ел, кто-то уже бежал уже за следующим индюком, вот он уже поймал его и убил, а потом сбежал и собрал грибы, а потом прибежал какой-то набегавшийся господин, прибежал и ест.

«Сидеть!» Очень хорошо, очень даже концептуально. У тебя все концептуально, и пластмасса, и Пифагор. А концепт, это всего лишь отработанная материя, вторичная, говно. И концептуализм — это гимн говну. Не раблезианскому, которое занимает такое же место, как плоть, кровь, жратва, питье. И не маркизо-де-садовское говно, которым можно выеб...ть шлюху, чтобы она была создана как бы из одного куска говна. А говно — нормальное, просто отработанная пища, переваренная и брошенная в сортир. «Сидеть!» И была такая система, такая абсолютно герметичная, и у нее был даже король концепта, и даже отчество у него было концептуальное — Ильич. А имя так себе, просто Леонид. А все вместе — Леонид Ильич. И в это время при нем росли и выросли художники и даже поэты. И своего рода они были ассенизаторами, то есть концептуалистами. Они пропускали через себя говно, «сидеть», и производили «говно», качественно оформленное. Концептуализм — да, это качественно оформленное говно. «Говно» в рамочке под стеклом, говно в шляпе набекрень, говно в тужельках, и просто гов-

но собачье. «Сидеть». И у одного концептуалиста, который наиболее качественно оформлял говно, была такая говенная игрушка: у него на чистеньких ниточках висели помойные записочки. И слова в записочках были грязенькие. И казалось, что эти чистенькие записочки как бы даже воняют, может, и от слов.

Конечно, русский язык не приспособлен для пророчеств. На русском языке они звучат или в лучшем случае смешно, или пошло. Так же как он не приспособлен, русский язык, для радио. Потому что радио моложе русского языка. И все, что сказано на русском языке, по радио звучит или смешно, или пошло. Потому что русский язык старше и умнее радио; и лучше, и чище. И вообще, все писатели скатывались с горки, как только начинали вещать: и Гоголь в своих неопубликованных письмах, которые никогда не отправлялись «из переписки с друзьями», которых у него никогда не было; и Достоевский в своих поздних дневниках, где он одновременно монархист, антисемит, анархист, мазохист, и собственно, сам уже суффикс «ист» уже какой-то самостоятельный, как корень. Из-за него, в сущности, «монарх» кажется суффиксом, а «ист» корнем, в существительном «лист» «л» кажется буквой, а «ист» корнем, в прозвище «модернист» «ист» явно корень, а «модерн» черт знает что такое, во всяком случае, не корень.

Хорошо, когда холодно и поэтому мало говорят. И в холоде становится ясно, почему все цивилизации развиваются от тепла — к холоду. С юга — на север. Сначала надо в тепле все обдумать, поразмышлять, отогреться, а на севере высказаться. Люди любят про: насилия, войну, трупы, катастрофы. И любят Новый год. Самый любимый праздник, детский.

Между прочим, он уже подходил, Новый год, и его нужно было отмечать.

На Белорусский вокзал прибыли люди, поэты и герои поэтов Лирические герои. Но пусть если поэт лысый, то пусть и герой его будет лысым, пусть он даже будет пьяницей, и пусть девушки его не любят, но пусть он будет хоть лирическим, но настоящим. И не надо, чтобы в стихах он пил в ресторанах, чтобы в стихах у него было много женщин в стихах, а в жизни он бегал по журналам и пристраивал свои стихи про шампанское — воображение, конечно, великая вещь.

И если из окна купе была видна погода, то при отсутствии окна погоды как раз и не оказалось. Зато теперь из «погоды» — а была сырость и мелкий дождь — были видны окна трех-четырёх-звездочных окон, то есть с улицы было видно то, за что они платят, глядя на улицу из окна.

И они шли, Александр Сергеевич с Таней, и Таня не была вьючным животным, она даже не была слоном с грустными глазками, хотя глазки у нее были такие же грустные, как у слона. Она шла по грязи, Таня. А прямо за Белорусским вокзалом уже была луна. Несмотря на мелкий дождь, она была в небе, даже, скорее, это был мелкий снег. И они шли по круглой земле — Таня и Александр Сергеевич — которая у Белорусского вокзала, земля, была плоской. Просто Белорусский вокзал был на земле. А сама земля была в воздухе.

И эта круглая земля отбрасывала тень в виде конуса. И каждый день, когда в Москве день, в Нью-Йорке ночь, и Нью-Йорк внизу земли, в самом центре теневого конуса, и конус доходит до луны, которая в океане неба, на дне океана, по ту сторону земли — то в этом конусе, как мокрый снег под фонарем, такие же белые и холодные, как луна, вьются души всех сомневающих, они мельтешат, и у этих душ, как у снежинок, нет крыльев, и они не могут отлететь от земли, ветер их отбрасывает назад к земле, и они прибиваются к земле ветром и светом фонаря. И это чистилище под фонарем, это бездна Гекаты, такая мокрая, а души такие слабые, и они тают, прикоснувшись к земле.

Собственно, не хотелось бы жить еще раз. Собственно, еще раз не хотелось бы воплотиться. И если это правда, что есть такая бабочка, которая после куколки, как душа после мумии, может, Психея, то пусть все уж будет в этой жизни сразу — один раз: и один возлюбленный, и один муж, и сто любовников, и разврат, рестораны, кино, танцы, и розы, бассейн и чай в глубоком одиночестве утром, почти во сне, и все, все: снег тоже, и дождь под зонтом на троих, и шалаш, и тень, которую отбрасывает дерево (сосна?) на тот куст, который завтра будет срублен. Была ли эта тень?

После рестораника, вернувшись домой, Киса обнаружила спящего Сережу, он спящий, сидящий, спал-сидел на стуле.

Была ли эта тень?

Это был сон как бы американский. Как будто Сережу пригласили в театр? Это, скорее, было некоторое действие. Была небольшая, ярко освещенная сцена. И на сцене такой манеж, как бы для годовалых детей. И этих годовалых детей играли перезревшие бабы и мужики. Морщинистые, с отвисшими брюхами, волосатые, слюнявые. И они были голые. И они ползали по манежу. А вот пришли няни. Они ухватились за одного шестидесятилетнего малыша, волосатого и небритого, и посадили его на горшок. Он пыхтел-

пахтел и покакал. Его перевернули и вытерли ему попку. И стали на него натягивать ползунки. Но его здоровый член выпирал из ползунков, и няня пыталась втолкнуть этот член поглубже. Младенец спустил. Ползунки были перепачканы в его сперме. Няня его стала шлепать. Он повизгивал. Рядом с ним лежала жирненькая стерва лет сорока. С небритыми ногами и волосатым лобком, она брыкалась, а потом заныла. Ей всунули соску, она пососала и выплюнула. Соску обмакнули в чашку с чем-то сладким, и опять всунули ей. Она зачмокала. С трудом на нее натянули трусы и распашонку. Под распашонкой болтались обвисшие, когда-то пышные, когда-то белые — буфера. Няни были очень хорошенькие: молоденькие актрисы, которые возились с говном старых мудаков. Они пеленали этих старых шлюх, от которых требовалось пошире расставлять ноги и чмокать от удовольствия, высасывая молочный коктейль. Неплохо сложенная мулатка забила в угол манежа и отрыгнула. И няня стянула с нее ползунки, а другая няня принесла тазик, и они вдвоем стали ее мыть. Потом они посыпали ее тальком, шлепнули по попке, надели носочки и чепчик, и она уползла.

Всем этим действием заправляла дамочка в элегантном черном костюме, в шляпке с рожками. В туфлях на высоких каблуках. Причем туфли были так устроены, что имели два каблука, как будто эта дамочка ходила как бы на таких копытцах.

И дамочка, и зрители поощряли младенцев. Особенно восторг вызывали моча, говно, сопля. А когда какая-нибудь престарелая сука блевала и ловко уползала, а подросевшая няня наказывала за это не ее, а, к примеру, жирного очкарика, в зале проносился одобрителный смешок.

И Сережа направился к выходу. Там горели такие зеленые буквы, и хотя они были вверх ногами, было ясно, что это выход. И уже у самого выхода при таком тусклом освещении перед Сережей возникла эта дамочка. Она улыбнулась ему, приоткрыв свой маленький ротик. У нее во рту было темно. Она открыла его пошире, и тут он увидел, что там во рту у нее ничего нет. Это была такая черная дыра, уходящая в бесконечность. Черная, как в подьезде со стороны черного помойного входа, когда перегорели все лампочки. Даже еще чернее. И из этого рта вылетело имя: «Таня». И особенно пасть ее открылась на букве «а», после придыхания. И пасть оказалась такая огромная, величиной с лицо. Это была как бы пропасть в лице. То есть лицо было как бы бумажкой, а за ней начиналась бездна.

Сережа открыл глаза и обнаружил себя спящим. То есть он сначала проснулся, а потом только понял, что он еще спит. Он спал прямо за рабочим столом. Он работал, а потом от усталости рухнул. Он, как школьник, спал, сложив руки на столе и уткнувшись в них головой. Он попытался и дальше заснуть, но вдруг окончательно проснулся, вспомнив омерзительный сон, который только что приснился ему. Этот сон был про то, как он вые... холодную женщину. Она была и холодная, и мокрая. И не то, что она холодно реагировала на его ласки, она как раз активно реагировала, но она была мокрая, как мокрая тряпка на улице, которой нужно вытереться, потому что больше нечем. Она прилипла к телу, и от нее было холодно и мокро всему телу. И от холода Сережа проснулся.

Он заглянул в комнату Кисы, и Киса притворилась, что спит. А Сережа притворился, что он не заметил, что она притворилась.

Он сварил себе кофе.

Кофе уже почти остыл.

Он выпил рюмку водки.

В общем, он устал. Немного.

Просто смешно сказать — делать проект дома, который сочинила Киса, Детская игрушка — треугольник из квадратик. Он выпил еще одну рюмку. Где это она подсмотрела? Странно какое-то состояние: не хочется ни пить, ни есть. «Выеб...ть Таню». Оказывается, ему хотелось еб...ся. И сначала именно с Таней. А потом он понял, что вообще он хочет еб...ся, вообще с любой Таней, даже с чукчей-Таней. Даже чукчу-Таню он хочет еб...ть в чукчу-п...ду.

На третьей рюмке водки зазвонил телефон. Это был Курт. Он попросил к телефону Кису. «Она спит», — сказал Сережа. И тут же из своей комнаты вышла Киса. «Тебя», — сказал он.

И когда Киса взяла трубку, говорил уже господин Ив. И на плохом английском они договорились, что машина, которая прилетит, будет в дверях, и он внутри будет держать ее всегда.

Сережа подумал: Хорошо.

Хорошо, что Киса его сестра.

Хорошо, что она не его жена.

Хорошо, что у него нет жены.

Хорошо, что у него есть сестра.

Хорошо, что у сестры есть муж.

Не хорошо.

Не хорошо, что она изменяет мужу.

Хорошо, что ее муж об этом не знает.

— Хорошо, — сказала Киса Сереже, — я уеду ненадолго, а потом вернусь. Хорошо?

И Сережа сказал: «Хорошо».

Пожалуй, что это и есть ловушка, эта жизнь. Поймали. Ведь с самого начала непонятно, откуда ты, и что это значит, что ты родился? Вообще из ничего сделан человек. Из какой-то жидкости, спермы, похожей на соплю. Из каких-то там витаминов. А что такое растешь? Превращаешься из ничего — в нечто, из витаминов — в человека. Глаза растут, уши, но вообще-то растут действия: плохо ходил, стал ходить хорошо; плохо видел, стал хорошо видеть. И слышать стал лучше. А вот если бы человека не учили с детства, может, он был бы умнее. Может, человек глупее себя самого, потому что способен обучаться тому, чему учат его те, которые не знают, как. И чему. Может, на самом деле он умный. Красивый. Богатый. Молодой.

Сам по себе. А среди людей он обычный. Ему плохо со здоровьем. Ему нужны очки, чтобы смотреть кино.

Но если не из спермы, из которой трудно поверить, что сделан человек, то, может, он сделан из слов. Даже из букв. Которые сделаны из ничего, в них даже нет витаминов, в буквах, в них нет бумаги, денег, и они не горят, не тонут, они физически не могут погибнуть, они были даже раньше человека, а потом, когда его такого маленького, похожего на букву «а», или есть человечки, похожие даже на «г», даже на «ж», да на разные буквы похожи люди. Вот когда этих человечков не будет, то буквы останутся. Они останутся без людей. Как чистая абстракция без х...я. Как х...й без спермы.

И не хочется верить ни в одну правдивую историю, в которой нет преувеличений, и ни в одну, в которой будет что-то преуменьшено. Потому что каждая история начинается со лжи. То есть с правда, которая потом оказывается отчасти ложью. Это и есть то, что можно назвать историей.

ИСТОРИЯ ЧЕТВЕРТАЯ («ЖЕНИХ»)

Сначала он пришел к Кисе со своей невестой, этот жених — почитать стихи, это еще до того, как его посадили в тюрьму. И в тюрьме он не стал педерастом, потому что у него была невеста, и не стал пассивным, потому что его пожалели, может, из-за стихов. Это чтобы его не забрали в армию, он сидел в тюрьме, в которой уже сидел без зубов после психушки. И психушка у него съела желудок. И в тюрьме он был чистым, почти без всего: без желудка, зубов, волос.

Его сразу выпустили, как только потеплело, и все стало таять после Лени, хотя после него были еще дяди. А после дядей был уже дядя Миша. И как только пришел дядя Миша, он его сразу заметил, он обнял его, как сына, и сказал: «иди, сынок, до-

мой!» Он из тюрьмы не то что вышел, выбежал, вылетел, его просто из тюрьмы — спасибо!

Получалось, что они были знакомы с Кисой уже несколько лет — несколько дней до тюрьмы, потом несколько лет не виделись, и всего несколько дней после тюрьмы. И он был младше Кисы лет на пять. Но так как у него не было двух зубов, и кожа какая-то серая, какая-то больничная, непроглаженно-изношенная, как казенное белье, и он стал лысеть, даже была плешь на голове, и он казался старше Кисы.

И они встретились в метро. И они читали друг другу стихи. И тюремные стихи у него были про любовь. Стихи Кисе сразу не понравились. Может, там были отдельные хорошие строчки, но они были наивные, жалкие, а потом когда он прочел третье стихотворение, то сразу стало видно, что это хорошо, что он пишет стихи. Потому что он сам по себе лучше своих стихов. Он и тоньше и умнее их. А стихи толще и глупее его.

И сначала договорились так, что как только они с Кисой встретятся, то сразу заедут за его невестой, а потом вместе сразу поедут в гости. А Александр Сергеевич уже сам приедет в эти гости. Но сразу к невесте они не поехали. А почему-то вышли из метро «Пушкинская» и зашли в армянский бар рядом с магазином «Армения». Бар еще был не достроен, и ноги нужно было вытирать о леса. И в этом армянском баре в лесах почему-то продавали грузинский коньяк. Хорошо, конечно, но это было особенно смешно: пить грузинский коньяк в армянском баре. А потом после бара они поехали за его невестой, и не на такси, которые плохо ходили, то есть почти вообще не ходили. То есть счетчик, таксист, зеленый огонек остались только в стихах. И чтобы не опоздать, они поймали скорую помощь. И она была хорошая и добрая. И она взяла намного меньше денег. И хорошо, что в этой скорой помощи они ехали не как больные, а как вполне здоровые, развеселые, хорошо еще, что они ехали не как трупы. «Никого». Оказалось, что невеста не дождалась и ушла.

— Может, обиделась? — сказала Киса.

Странно даже назвать это постелью. Постели вообще не было. Они целовались в маленьком коридорчике между ванной и туалетом. Он даже не успел в нее вставить, он кончил прямо в воздухе, в безвоздушном пространстве, между ванной и туалетом. И кое-что было мокрым и грязным. И кое-кому было не весело. А потом закапала вода в ванной из прохудившегося крана. Оказывается, она все время капала. Но этот капаящий звук прорезался только сейчас. Почему-то Киса не захотела ехать в гости. А захотела домой. И чтобы дома

был Александр Сергеевич. И чтобы он ни о чем не узнал. И чтобы как будто она ему и не изменила. Даже между ванной и туалетом.

— я тебя провожу, — так он сказал, этот жених.

И они поехали. И они ехали не на такси, и не на скорой помощи, а на метро. Просто обычно ехали и обычно болтали. Обычный молодой человек. Обычный жених. Обычные стихи.

И у своего дома Киса стала прощаться с этим женихом. И он сказал:

— ты обещала дать свои последние стихи.

Она их не взяла с собой. Забыла. Они поднялись к ней домой. Почти верхом. Потому что по лестнице. Без лифта. Почему-то отключили свет. И значит лифт. И без света на лестнице началась любовь без лифта. Она началась бегом, эта любовь. И продолжалась пешком. Потом стоя. Потом оказалось, что Александр Сергеевич тоже уехал в те же самые гости, и любовь продолжалась лежа. Лежа на кровати. Лежа, на спине. Лежа, подложив под голову «что это такое, в темноте не видно», сапог на потолке. Они занимались этим два раза. Они вместе начали и кончили. И потом опять начали. И уже не могли кончить. А уже было пора. Уже было пора кончить. И пора ехать. И вообще уже было пора — пора.

Свет включили, как только начался салют. Оказывается, был какой-то праздник. Может, новая конституция. Киса выключила свет. Но салют отключить было не под силу. Он громыхал в ушах, его никто не заказывал, он мешал кончить, этот салют, со своими рвотно-леденечными огоньками, со своей фосфоресцирующей спермой, размазанной по небу.

— Поехали, — сказала Киса, — хватит.

И они поехали.

В гостях он нашел свою невесту. А Киса нашла Александра Сергеевича.

Александр Сергеевич даже не обратил внимания на жениха. Как будто это было пустое место. Пустой звук. Пустая еб...я. Как пустая улица, по которой Киса с Александром Сергеевичем возвращались домой, и Киса спросила: «в честь чего был салют?» Пустой день.

4

Похоже, рождение — это приключение, и тоже... и жизнь — это путешествие, и тоже... и только непонятно — точка отправления — откуда, и тоже... непонятно — место назначения — куда.

А так все понятно: режим дня, и автомобиль — это состояние человека, и завтрак — это начало, а если с вечера — это уже конец. Жизнь — это, ко-

нечно, путешествие, а рождение — это приключение, которое бывает в жизни один раз. А смерть — это, похоже, состояние: то, что человек умер, или помер, и ушел в мир иной. Стихи — это тоже игра.

Резкий голос.

Резкий ветер.

Резкая перемена погоды.

Резко поменять жизнь.

Около трех дней Сереже удавалось врать.

В первый день, когда Александр Сергеевич позвонил утром из Москвы, Сережа сказал, что Киса еще спит. Киса позвонила Александру Сергеевичу от господина Ив и сказала, что у нее все в порядке, и заботливо спросила, как он доехал. Он доехал хорошо. Как чувствует себя Таня, не жмет ли ей ошейник. Ошейник не жмет. «Я тебе буду звонить сама», — сказала Киса.

Через два дня Александр Сергеевич позвонил вечером, и Сережа сказал, что Киса вышла прогуляться. Что было уже настоящее вранье. Ее не было дома уже три дня.

Резкий взгляд.

Резкий поворот.

Когда через три дня она заявила к Сереже, он говорил с ней довольно резко.

— если ты ушла от мужа, скажи ему об этом сама.

Киса обняла Сережу и погладила его по голове.

— какой ты милый, — сказала.

— я больше не собираюсь врать, — сказал.

Резкая походка.

Резко зазвонил телефон.

— алле, — сказала Киса, — это ты!

Это был он, Александр Сергеевич.

Она щебетала. Как она рада. Да какая погода в Москве. Даже спросила, что он ест. И даже сказала, что скучает...

Поговорили...

— ты что, влюбилась? — сказал Сережа после того, как Киса с Александром Сергеевичем поговорили, — что ты в нем нашла?

Вот, например, человек. Он состоит из речи, сознания, ума.

Резкий ум.

Из внешности.

Возраста.

И сердца.

Бывает взгляд.

Резкий взгляд.

И люди, которых Киса знала раньше, какими-то своими чертами повторяли друг друга, даже иногда становилось не по себе, что поворот головы одного человека абсолютно похож на поворот

головой другого человека. Как будто поворот — вещь самостоятельная. Находится прямо в воздухе. Прямо между туловищем и головой.

Резкий поворот головы.

Господин Ив отличался от остальных людей тем, что у него с ними не было никакого сходства. От этого открытия Киса даже растерялась вначале. Как будто она и не жила до этого. То есть как будто у нее не было никакого опыта. Оказывается, когда люди хоть чем-то похожи друг на друга, это хорошо. Они, конечно, отличаются, но они и напоминают.

Резкое отличие.

Но в господине Ив ничто не напоминало людей, которых она видела раньше.

Ничем он не был похож ни на одного из них. Как будто он был сделан из этого ничто.

Он был настолько сделан из самого себя, что даже трудно объяснить, из чего. «глупости», — сказал бы Сережа. Но это были не глупости.

Она именно не знала, как обращаться с господином Ив, потому что отсутствовал опыт. Потому что опыт, оказывается, это такая странная вещь, когда можно что-то с чем-то сравнить.

кто-то шляпу не так надел. Опыт. Не так сказал. Опытным путем. А этот то же самое сказал. Похоже. Похоже сел. Похоже встал. Похоже — не похоже.

Резкое движение. Встали.

Оставшись у господина Ив той ночью, когда Александр Сергеевич уехал, и после бессонной ночи, потому что некогда было спать, потому что обнимались всю ночь, утром Киса заснула с затычками в ушах, чтобы не слышать, как ходит господин Ив, с черной повязкой на глазах, чтобы дневной свет не бил в глаза, и со жвачкой во рту.

Не было ничего видно, слышно, не было вкуса во рту, кроме вкуса ментола. Это не было сном, когда она поняла, что он ее та-та-та. Вообще-то здесь полагается слово, обозначающее действие, которое с тобой совершают помимо тебя, потому что страшно присутствовать при этом действии, потому что оно так хрупко, что может быть разрушено в каждый миг. Но такого слова, обозначающего такое действие, нет. И когда она поняла, что он ее та-та-та, это не было сном, с яркими картинками, живыми людьми, движущимися предметами.

Но это была и не действительность: отсутствовал свет, звук, вкус. Это было такое острое ощущение того, как все было вначале, когда еще не было женщин и мужчин, когда еще человек не распался на Адама и Еву, а был человеком с такой инсталляцией, с таким объектом внутри — х...ем, вставленным в пи...ду. Даже было страшно пошевелиться.

— что ты молчишь? — сказал Сережа.

Он уже почти кончался, дождь, а когда они вышли, он пошел все сильнее. Потом он разошелся. И он уже шел везде. Он шел в воздухе. По земле, над землей, даже не было видно неба из-за того, что он шел. И он, это был он, дождь, это из-за него они не могли гулять. Он был с ветром, а ветер был с дождем. А они были просто промокшими людьми под дождем. Не совсем людьми. Потому что люди под дождем ходят под зонтом. Не взяли. Кто такие люди под дождем? Хорошо наблюдать дождь из окна: поезда, такси, квартиры, сортира на даче; в открытом бассейне хорошо смотрится дождь. Можно спрятаться. Они спрятались в ресторанчике, в который они ходили прятаться даже в хорошую погоду.

Лучше всего грибной дождь. Грибы бывают только летом. И лучше всего растут под дождем. У этих грибов растут ноги, и они убегают из леса, превращаясь в человека с корзинкой. Они друг друга стоят. Гриб. Корзинка. И человек.

О Китае Сережа совсем не думал, пока не оказывался в китайском ресторанчике вне России. Великая Китайская стена. Китайский фарфор. Он даже не помнил китайские ручки и полотенца. Все такое маленькое, такое китайское, такое пряное, на фоне такого большого, такого европейского, такого пресного. Рыбки в аквариуме с обвисшими животами в диоптрических очках тыкались в стекло, очки разбивались, рыбки сваливали на запад, они были в одних лифчиках под шубами, эти рыбки, они стояли недешево, у них был счет в банке, потом, выйдя из аквариума, они покупали себе маленький аквариум в пригороде, выбирали мужа, даже имели детей. И становились золотыми женами эти золотые рыбки. — Не желаете ли цветы?

Что значит занюханные цветы? как будто их кто-то уже нюхал? цветы без аромата? ароматизированные цветы?

Киса не пожелала. Сережа не настаивал.

Риса было даже не чашечка риса. Это была рисовая гора, которую невозможно было съесть. Даже невозможно было ее разрушить.

Почему-то так получалось, что все романы Кисы, то есть все герои ее романов, то есть все ее (употребим легкомысленное слово от слова «любовь») любовники, почему-то писали стихи. Все до одного. Даже ее любимый. Даже друг любимого. Даже эта Чернобыльская АЭС (черно было, не подводит слово) писала стихи. И жених писал стихи. И Александр Сергеевич. Конечно, хуже, чем Пушкин. Но если, например, перевести Александра Сергеевича на французский или английский и

Скелет и человек, у которого ветер в голове

Пушкина перевести, то в переводе они будут одинаковые. Пустое дело — перевод.

Но ведь есть и другие люди. Которые не пишут стихи. Ходят и не пишут. На работе сидят и не пишут. Влюбляются и не пишут. И перед смертью не

пишут. Какие-то они странные, эти люди. А может, их вообще нет. Может, есть только те, которые пишут стихи. А все остальные — это мираж. Это плод воображения поэта. Их вообще нет, этих

людей. Они нужны для рифмы. Для фона. Для настроения. Или совсем не нужны.

Из шума, капель, крестиков, градусов, облаков и комаров состоит видимость. А есть такие люди, которые не видят погоду, пейзаж, розу, видят только мертвую натуру, натюрморт. Птица, но в клетке, почти мертвая. Она игрушка для людей. Люди любят игрушки. Спортивные игры. Военные игры. Любовные игры. Азартные игры. Азартные игры: карты, рулетка. И жмурки. Самая увлекательная игра. Даже и Гумилев в нее играл с гимназистками, даже Наполеон играл в войну с англичанами, немцами, поляками. С русскими играл. Но у Наполеона выиграла зима: снег, мороз и чистое поле. И в этом чистом поле на морозе под снегом — русский мужик в тулупе. Он и есть представитель зимы. Его трудно обыграть. Он закаленный. Он не как француз под зонтом в кафе. Он в сапогах. Он прожженный. Он с детства в сапогах. Как только родился — сразу раз — и в сапоги. И тулупчик на нем. И котелок при нем. И за пазухой кое-что: сердце — раз, и еще одно, которое согревает на морозе в чистом поле, во фляжке бьется сердце, в нем сорок градусов, в этом сердце, оно крепкое, оно так разгонит кровь, что ее и Бонапарт не остановит. Да ее никто не остановит, эту кровь. Внутри человека. Он замкнутая система, человек. А если бы его разомкнуть, сделать из него хоть кривую линию, то это сердце, которое гоняет кровь по этой кривой линии, угнало бы ее прямо, эту кровь, прямо к самым облакам.

А Сережа не писал стихи. Он их не читал. Не знал наизусть. Он их не любил. Он даже не мог отличить хорошее стихотворение от плохого. Иногда Киса читала ему свои стихи. Редко. Но даже в эти редкие минуты, когда он делал вид, что слушает ее, чтобы ее не обижать, он старался не слышать эти стихи, и думал о чем-нибудь совсем постороннем.

Господин Ив собирался строить дом, а Сережа делал чертеж. И этот дом для господина Ив был в чистом виде блажью. А чертеж для Сережи был работой. Киса прочитала свое стихотворение уже на улице после ресторанчика. И последние строчки Сережа все же услышал: «стихи, стихи, стихи». Хотя про что сами стихи — было ему не понятно.

Даже хороший поэт бывает плохим человеком: эгоистом, пьяницей, плохим семьянином, и бывает смертным. Вот, Пушкин, например, великий поэт, а его убили. Просто застрелили в живот. Вот, например, Верлен. Тоже не пример. Писал, спился и умер. Тургенев умер без семьи. Блок

жил... жил... и неизвестно отчего умер. А Бодлер всю жизнь так последовательно убивал в себе счастье, и так последовательно культивировал несчастье, что умер совершенно несчастным человеком, добился своего. И Лев Толстой добился своего — сбежал. Вот перед смертью раз — и его нет, раз — а смерть тут как тут. Вот поэт... Спрашивается, если его не интересует ничего, кроме стихов, то стихи, они должны быть хорошими, очень хорошими, или просто классикой.

Господин Ив позвонил почти сразу, как только Сережа с Кисой вернулись домой. Он сказал: «в это же время года, которое сейчас, тебе следует немедленно быть со мной». Киса его не поняла. Он сказал: «эта ночь должна быть вместе абсолютно. Это мои слова в конце». Киса так и не поняла, что он хочет сказать, но по голосу понимала, что он страшно сердит.

К телефону подошел Курт и спокойно объяснил по-русски, что господин Ив очень волновался, он не знал, где весь вечер была Киса, Киса объяснила, что она ужинала с братом, хотя считала, что это объяснение излишнее. Курт сказал, что сейчас он заедет за ней, что господин Ив настойчиво ее об этом просит.

Ничего себе. Такой настойчивости она не ожидала.

«да кто он такой»

«да с какой стати»

«да что за тон»

«Он возмущен, — сказал Курт, — что целый вечер прошел без него».

«что он, по-русски не понимает, что я ужинала с братом».

«по-русски он не понимает», — сказал Курт.

И тогда она сказала, что приедет по одной-единственной причине.

ИСТОРИЯ О ТОМ, ПОЧЕМУ КИСА ПРИЕХАЛА

Уже давно она в себе ощутила этот дух — дух противоречия. И как его изгнать из себя, как с ним бороться, чтобы он окончательно не поработил ее. Чтобы она осталась жива. Чтобы выжила. Этот дух противоречия, поселившийся в ней, заставлял ее совершать поступки, противоречащие логике, счастью и просто здравому смыслу.

Он жил в ней, этот дух, иногда замирая, но иногда он оживал внезапно, и сосал сердце, и терзал душу, этот дух, только чтобы она удовлетворила его. И когда он высасывал сердце и изматывал душу, у нее уже не было ни сердца, ни души, а только дух противоречия оставался в ней.

Вот что это был за дух, вот что он велел: из-за него хотелось приехать, когда говорили: «не приезжай»; хотелось сбежать, когда просили: «останься»; хотелось плюнуть, когда просили помочь; хотелось бежать на помощь, когда на тебя плюют. Хотелось любить, когда не было любимого. Хотелось бросить любимого, когда он был рядом.

Он лишал покоя и воли, этот дух, он требовал подчиниться его варварской силе, он был дикий по силе и сильный до дикости. Иногда казалось, что побороть его невозможно.

И Александр Сергеевич знал об этом духе противоречия. И он смирился с ним. Он знал, как он отравляет ее душу. И когда Александр Сергеевич просил Кису не ехать куда-нибудь, а она нарочно уезжала, он знал, что это не она сама, а дух противоречия гонит ее из дома, иногда Александр Сергеевич боролся с этим духом хитростью. Он просил Кису о чем-нибудь прямо противоположном. И фантастика! она делала прямо противоположное тому, о чем он ее просил. «Улетай на Луну!» И она оставалась дома. Но потом этот дух противоречия разгадал хитрости Александра Сергеевича, и они, эти хитрости, уже не действовали.

Этому духу противоречия нужно было абсолютное подчинение. Искреннее и совершенное. Его не устраивала игра. Только игра на жизнь и на смерть.

И даже больше Александра Сергеевича страдал любимый Кисы. Этот дух противоречия избрал его как жертву. Этот дух заставлял Кису обманывать любимого, когда он ей верил. Он заставлял ее верить любимому, когда тот откровенно врал. Он заставлял ее веселиться с любимым, когда у того было горе. Из-за этого духа Киса становилась мрачнее тучи, когда ее любимый был счастлив с ней.

ИСТОРИЯ ПЯТАЯ. «ДОН ЖУАН»

И всего-то единственным мужчиной Кисы был, правда, недолго, такой, прямо никакой Жорж. Этот Жорж почти год абсолютно удовлетворял духа противоречия своим полным подчинением ему. Жорж хотел так, дух хотел наоборот, Киса и делала наоборот, а Жоржу и так хорошо, как Киса ни сделает, так и хорошо. Так или не так. Прямо. Вверх ногами. Вдоль и поперек. Или никак.

Они познакомились с Кисой у общих знакомых. Сначала он ей даже и не понравился, этот Жорж. Он был не один, с ним была вполне приличная дама в очках, явно, не соперница. Пожалуй, он даже был красив. Такая у него была красота, ко-

торая быстро забывается. Он шутил. А иногда зло шутил.

Ухаживая сразу за несколькими девушками, он отдавал предпочтение своей даме. В этот вечер Киса была в очень веселом, даже шаловливом настроении. «Дон Жуан», — сначала подумала Киса про Жоржа. А потом подумала: «донжуанистый молодой человек».

Ему стукнуло ровно двадцать пять лет в год смерти Андропова. Он отмечал свои годы андроповкой, водкой, самой дешевой и скверной. И вот что еще удивило Кису — Жорж жил с мамой. К двадцати пяти годам он уже был трижды женат. Поженится — разведется — и опять к маме. Нет, он не был маменькиным сыночком, он влюблялся в женщин. А потом это чувство притуплялось. И эта женщина начинала его раздражать. И он ее бросал. И возвращался к маме. Маму он обожал.

И сначала Жорж подумал, что Киса в него влюбилась. Это после той вечеринки у знакомых. Гости развлекались танцем — с ножницами и писчей бумагой. В этом только что придуманном изобретении партнер с ножницами должен был как можно больше нанести на писчую бумагу партнерши нарезков. Довольно двусмысленный танец. Особенно в этом танце преуспевала дама Жоржа. Она подставляла свою бумажку то одному, то другому партнеру.

А Жорж пригласил Кису так просто, без ножниц, а она была так просто, без бумажки. Он пригласил, и она согласилась. Потом она согласилась выпить с ним вино, без ножниц. Потом она согласилась, чтобы он проводил ее, без бумажки. Она согласилась, и он подумал: «началось». Но ничего не началось. Он настаивал, а дух противоречия настаивал на своем. Это длилось недели две. А потом Жорж пригласил Кису на день рождения, где Киса не знала ни одного человека. Это была совсем другая компания, другой круг. И Жорж совершенно изменил тактику. Он обращался с Кисой по-дружески, даже с некоторым преувеличенным почтением. Скорее, как поклонник с поэтом, а не как поклонник с женщиной, из всей этой компании только Киса писала стихи. Жорж тоже чуть-чуть писал, но не как поэт, а как поэт-инженер. Он даже был известен в своем маленьком инженерном кружке, где кроме него никто не писал.

«господин Жорж, вы поэт?» — «я — инженер».
«господин Казанова, вы инженер-гидравлик?» — Казанова опустил голову, не отвечая ни да, ни нет.

...Но это было не в субботу в Париже, когда на улице никого нет, тем более в маленьком магазинчике, где совсем никого нет, вообще нет людей, как будто он даже не для людей, этот магазин.

Покупатель — товар — деньги. Вот покупатель как раз отсутствовал. Шли только товар и деньги.

И в Париже лучше парижский климат. А в России лучше русские люди. Русские люди даже лучше парижского климата. Русской зимой, когда людей нет.

А в ту ночь была суббота, за которой было воскресенье. А за воскресеньем понедельник. А потом рабочая неделя. А потом день рабочей коммуны. Потом опять новый год. И в новом году Жоржу исполнилось двадцать шесть. То есть с тех пор прошел год. Пролетел. И с этим Жоржем Киса виделась только тогда, когда ни Александр Сергеевич, ни любимый, а только дух противоречия хотел еб...ть ее в рот. И этот дух противоречия еб...л ее каждый раз, когда она виделась с Жоржем.

А расстались они с Жоржем очень просто. Киса даже сказала: «я тебе обязательно позвоню. Завтра позвоню». И не позвонила той зимой. А потом той весной. А потом позвонила следующей зимой: «с новым годом! с новым счастьем!» Он по-прежнему жил с мамой. «С днем рождения», «С новым годом», «Завтра увидимся». Так они больше и не увиделись, до свидания. С первым апреля. Все вранье.

Господин Ив привез Кису к себе. То есть она была привезена Куртом. Ей, привезенной, было не по себе. Она, привезенная, была посажена им за стол, и она была обвиняема им в том: что он поверил в то, что она сказала ему раньше — в то, что она его любит, а она... и три ночи подряд в постели он любил ее, а она... он открыл ей душу, а она, и его сердце болит, потому что она... и зачем ей было врать, если он... с головой ушел три дня в любовь, а она...

Надо просто сказать — любишь или не любишь. Только да или нет. Простой ответ. Проще не бывает. Господин Ив ждал ответа.

Киса посмотрела в окно, мешал дом напротив. Снести. Чтобы была перспектива. Чтобы до самого горизонта ничего не мешало. Всех убрать. Расчистить землю. Построить трехэтажный дворец. И смотреть с третьего этажа — на тот свет.

И Киса сказала: «да». «Как бы, да», — сказала она. Потом была любовь. Потом ночь. И она не спала ночью в своей келье, в комнате-гробике, в усыпальнице, которую она выбрала себе для сна.

Три часа ночи. А вот если еще посидеть, то потом будет уже четыре часа утра. А потом пять. А потом сразу шесть утра. А в семь часов утра можно уже и не ложиться спать.

Самое главное в жизни — мама. От нее, из нее человек произошел на свет. При чем тут какая-то

сперма. Жидкость с витаминами. Неприятная на вкус. Человек родился из живота.

То есть родился на свет. А в животе что, тьма? Человек был в животе. Во тьме. А потом сразу — раз и вышел на свободу, на свет. И в животе он еще не был человеком. А на свободе стал человеком. Сразу. Прямо в коляске. Прямо в парке, где его прогуливали в коляске. Сразу под дождем.

Человек живет сам по себе. А люди живут вместе. Вдвоем. Втроем. Семей. Стадом, стадное чувство. И только человек живет один. Сам по себе. Даже без собаки. Приручена человеком. Без кошки, домашнее животное. Без попугая. Научили говорить. И сам по себе человек, в отличие от людей, существо самостоятельное.

Непонятно, как ходят часы. Понятна теорема Пифагора. Понятны солнечные часы. А теорема относительности, какая простая вещь. Ее даже можно сыграть в самодеятельности. Даже в кукольном театре.

РАССКАЗ ШЕСТИЛЕТНЕЙ ДЕВОЧКИ ЛЕРЫ, БЛАГОДАРИ КОТОРОМУ ТЕОРИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ СТАНОВИТСЯ ЕЩЕ ПОНЯТНЕЙ

«Мы с мамой жили на вилле Вальберта. Там жил еще один мальчик, француз. И он говорил, что ему пятнадцать лет. А я думаю, что ему тринадцать лет. Потому что в Германии, сказала мама, время отстает на два часа. И если бы он жил в Москве, ему было бы тринадцать лет».

Убивать. Убивают диких животных. Убивают на войне. Убивают время. Кончилась газета «Лень». Началась газета «Завтра». А день за днем — это уже вчера.

Настало убийственное время издавать газету «Вчера» завтрашним числом. Завтра известно, кто умер вчера. Кто родился. Кого выбрали вчера, кто будет завтра. Кто кого завтра-вчера.

А вот слово «хочу». Это ведь не слово «люблю». Они из разных букв. И у этих слов разные желания. «Хотел-расхотел». «Любил-разлюбил». Но «люблю» больше, чем «хочу».

— я тебя люблю

— я тебя хочу

И любить — это просто так, без всяких усилий. А хотеть — это усилие. Это даже поступок. «Я тебя хочу», это совсем не то, что «я тебя люблю».

«Где это я?» Это сразу после того, как Киса открыла глаза, она себя спросила: «где это я?»

Прошли доли секунды, пока она поняла, что она — у господина Ив, а потом прошла неделя, пока она поняла, что она действительно уже живет не дома, а у господина Ив. И через неделю это открытие просто ее страшно поразило.

Резко изменить жизнь.

Нет, никто не против, чтобы жизнь менялась. На то она и жизнь. Но когда в жизни потоп, и жизнь выходит прямо из берегов, это кое-что.

Все это время Киса купалась в волнах любви. В брызгах любви. С господин Ив даже не требовалось говорить. И так все было ясно. Было ясно, что он ее любит, даже если не может выразить это по-русски. Потому что только русский язык приспособлен для объяснения в любви. Как хорошо объясняться в любви по-русски. А по-английски хорошо петь о любви. А по-французски говорить о любовных играх. А по-латыни были написаны трактаты о любви. А по-немецки Киса не понимала ни слова о любви, о которой ей говорил Господин Ив по-немецки.

Но проснувшись уже недели через две, Киса обошла всю квартиру, и сначала она старалась не шуметь, потому что ей казалось, что кто-то есть. Не в этой комнате, так в той. Не в той, так в другой. Но ни в той, ни в другой не было никого. И в одной из комнат она нашла клетку, прикрытую покрывалом. И когда она откинула покрывало — увидела птичку в клетке. И птичка почти помирала. У нее был открыт клюв.

И она что-то хотела сказать.

Или спеть.

А потом она упала набок и стала чучелом птички.

Господин Ив вернулся к обеду. То есть он принес с собой холодный обед в пакете, который он разогрел, и обед стал горячим. Он ел. Киса смотрела, как он ест.

Молчание.

Тишина.

И покой.

Романсы без слов.

Поль Верлен.

Слова, слова, слова.

Они сидели и молчали сидя. А если бы они говорили, они бы говорили стоя. Они сидя сидели молча и молча молчали.

А потом она сказала: «пойдем». И она привела его в комнату. Там, где была птичка в клетке. И Киса сняла покрывало и показала ему птичку. Птичка была мертвая, даже почтидохлая, и птичка привела его из состояния покоя в состояние деловое, он забегал. И сначала он бегал по комнате, а

потом от клетки — к телефону. Он несколько раз набрал номер. А номер не отвечал.

И наступила ночь.

Она притягивает любителей ночи.

Просто любителей.

И профессионалов.

А среди ночи господин Ив заговорил. По-немецки. И Киса совсем не понимала, что он говорит. Как будто он что-то читал наизусть. Стихи, он читал стихи. И не просто стихи. Оказывается, это были его собственные стихи. Оказывается, он тоже писал стихи. Вот уж никогда она не подумала, что и господин Ив пишет стихи, и любимый, и Александр Сергеевич, и этот донжуанистый Жорж — все читали ей свои стихи. И оказывается, и господин Ив тоже. Тоже поэт. И когда они с трудом объяснились по-английски, она поняла, что он «давно, и поперек, и издавека» пишет. Получалось, что есть какая-то закономерность в том, что все мужчины, с которыми она хоть когда-нибудь, хоть раз в жизни занималась любовью, занимались еще и поэзией. Писали стихи. Сочиняли. Ей даже стало интересно, неужели нет ни одного человека на этом свете, с которым можно заниматься просто любовью и не заниматься чтением стихов. Правда, с господином Ив первый раз в жизни она не понимала, хорошие он пишет стихи или нет. Это было даже интересно — хороший он все-таки поэт или нет. С этой мыслью она и заснула — вот слышала стихи и ничего не поняла в стихах. Загадочная вещь. Стихи.

5

Это была не погода, а погодка, подступал не новый год как праздник, а какой-то новый, совершенно чужой год. Даже перед этим новым годом было непонятно, что это за год и чего это он вдруг наступает. И кто его звал.

Только перед самым новым годом Александр Сергеевич узнал, что Киса не хочет, чтобы он приехал. И сама в Москву ехать не хочет. Это было для него просто открытием. Даже больше, чем для Колумба. Потому что для Колумба открытие было радостным. А для Александра Сергеевича примерно таким по отношению к Колумбу, как если бы Колумб так и не доплыл до суши, а его корабль развалился, и он плыл один на доске, и на эту доску присел ангел и налил Колумбу стакан водки и сказал: «выпей, Колумб», и Колумб выпил, и ангел на этой доске довел его до земли.

И то, что Киса не приедет, и то, что Киса не хочет, чтобы он приехал, — это Александр Сергеевич узнал даже не от Кисы. А узнал он это от

Сережи. На вопрос Александра Сергеевича, влюбилась ли она, Сережа ответил: «кажется». Потом сказал: «как бы влюбилась».

Великое слово конца века «как бы». И как бы хочу, чтобы ты как бы приехал, и мы с тобой как бы поужинали, а потом переспим как бы, если ты как бы один, если твоя жена как бы уехала, и если тебе нечего есть, я тебя как бы покормлю, если ты как бы голоден, да что там, главное, как бы не кради, как бы не убивай, и как бы ближнего своего люби как бы как самого как бы себя, как бы аминь.

И если ты хочешь выеб...ть меня, то еб... как бы сразу, как бы можешь даже как бы в рот, хотя как бы рот — это как бы п...да, но только с другой стороны. Но если кончить как бы в п...ду, то вывают как бы дети, а если кончить как бы в рот, то эту жидкость как бы сперму, можно запить как бы вином или чем-нибудь, что как бы есть.

— а знаешь, все это почему? — сказал Сережа — знаю, — сказала Киса.

Бог единый. Единобожие. Сначала у грустных евреев — свой Бог. А европейцы, как дети, подумали, что Бог к ним послал своего сына. И европейцы так полюбили Христа, так дрались из-за него, так перессорились всей Европой, такие были агрессивные, глупые, маленькие, корыстные, плохие, грубые, развратные.

Ортодоксы, католики, протестанты, адвентисты седьмого дня, все как бы христиане, все как бы не убивают, все как бы против того, что мусульмане убивают, и кожу так ловко сдерут с человека, что на нем останутся только такие мясные-кровавые перчаточки, и такие кровавые ботиночки, а сами христиане и костры любят жечь, и вокруг костра посидеть, и песни попеть, поджарить на костре человека, он такой невкусный после костра, его даже нельзя съесть. Он как деревяшка, кости, уголь.

Западные дети и восточные дети! Вот если, например, сначала было многобожие, и боги были деревянные, с двумя «н», то потом Бог стал как бы единым и как бы неповторимым. Бог один. Но ведь если есть как бы множество, и это как бы абсолютно. И есть как бы единица, и это абсолютно. И уже как бы тыщу лет мы живем с Богом как бы с единицей. И что дальше? Но ведь единица тоже как бы не одна, единица имеет знак «плюс» и знак «минус», то есть единица может быть величиной то ли отрицательной, то ли положительной, и если принять Бога за единицу, то он, Бог, тоже может иметь как бы два знака: «плюс» и «минус». И получается, что все мы живем в мире единобожия. Но под каким знаком? Под «плюсом» или под «минусом». И если у Бога «плюс», то мы

под «минусом», а если у Бога «минус», то мы под «плюсом», и если мы как бы дети божии, то не дай бог быть отражением собственного отражения. Приведу пример, что сейчас такая птица, такая красивая, как лебедь, который в Греции трахнул Леду, и шею лебеда нельзя воспроизвести на бумаге, получится пошло, но если эту, как отражение, разбить маленькими волнами под водой и воспроизвести на суше в виде пунктира, все будет хорошо, как бы хорошо.

В этот день перед новым годом была гроза. Самая настоящая — с молнией, ветром, дождем, не с дождичком, а с таким ливнем, который хлестал. Он хлестал прямо по лицу, прямо по рукам. Он был сильным.

Сережа был один, даже без женщины, которая у него всего была одна — в Германии. Во всей Германии он мог только с ней еб...ся по-русски. То есть он мог еб...ть ее молча, зачем говорить, когда и так все ясно. Она жила у тети, потом тетя умерла, а квартира осталась. Звали ее Таня. Она почти совсем не знала по-немецки, хотя прожила вместе с тетей лет десять. И она, эта Таня, оставила его перед новым годом. Одного. Потому что он ее обидел. Обида заключалась в женитьбе. Она хотела, чтобы он женился на ней, а он как бы не хотел. Может, и хотел, но как бы откладывал, как бы думал, что все возможно потом. Как бы потом. И Таня уехала к подруге на юг Франции после их последнего разговора.

Она совсем не напоминала Кису, эта Таня. Он смотрел в ее глаза, когда еб...л ее, и они были пустыми, ничего не было в ее глазах. Такая пустота, такая совершенная пустота. Он даже страдал, от того что еб...ся как бы впустую, ничего не отражается в этих глазах, иногда она стонала. Они проеб...сь уже два года, и он совсем о ней ничего не знал. И когда она уходила в ванную после еб...и и смывала их детей, он думал, это хорошо, хорошо, что она знает, как это надо делать, чтобы не было детей. Она любила сладкое, она сама покупала конфеты, она любила шоколад. Она не толстела от шоколада. И у нее не болели зубы, она не водила автомобиль. Она любила читать детективы, она читала детективы по-английски. Как Ахматова. Она не писала стихи, как Анна Андреевна. Она работала дома. В десять часов утра она садилась за компьютер, потом у нее был перерыв с часу до трех, и в первый раз Сережа вы...б ее в этот перерыв.

Перед новым годом Киса плакала. Господин Ив никогда не видел такого избытка слез. Киса купалась в слезах. Господин Ив ничего не понимал. Наплакавшись вдоволь, она могла смеяться,

ласкаться, потом читать стихи, потом весь вечер молчать и даже ничего не есть. И господин Ив сказал Курту, что ничего подобного в своей жизни не видел, даже не слышал про такое, даже не читал. Он даже готов был выучить русский язык, чтобы понять, что Киса говорит. Но чаще всего она молчала. Зачем тогда учить русский язык. Ведь даже по-русски невозможно прочесть чужие мысли. Пустое занятие. Может, это и есть загадочная русская душа?

Иногда среди ночи она забиралась к нему в постель. Она прижималась и молчала. А когда она начинала бормотать свои русские стихи, господин Ив даже думал, что он никогда не был так счастлив.

Почему-то среди женщин не было пророков. Женщины были или женами пророков, или возлюбленными. У пророка была мама и бабушка, и даже прапрабабушка пророка. Даже пока пророк сам еще не родился, у него уже была бабушка и прабабушка. А потом была мама. То есть не было бы мамы, не было бы и пророка. И чтобы быть пророком, надо быть искренним. Надо иметь такое сердце, которое может просто вскипеть, и кипеть, и не остывать, чтобы в нем кипела только горячая кровь, а чтобы холодную кровь это сердце даже близко не подпускало. Чтобы как только подойдет к сердцу холодная кровь — гнать ее тут же обратно, чтобы духу ее в сердце не было, чтобы катилась она от этого сердца. Это первое — надо быть искренним. А потом надо быть еще и воинственным. Чтобы сердце не отвлекалось.

Утро было очень красивым после нового года. После бессловесно-бессонно-обезье...ленной ночи Киса приехала к Сереже. И он был просто в восторге. Он ее не ждал. Это был просто сюрприз для него.

Он закончил свою работу, этот чертеж, и был совершенно свободен. Он даже отоспался. Потому что проспал новый год. И начало года проспал. И он был полон сил. Он так был рад видеть Кису. Это было почти детское чувство радости. Что у него есть сестра, что они так любят друг друга, как сестра брата. И даже когда Киса признавалась ему, что вместо него в детстве хотела собаку, то есть просила маму купить ей собаку, что даже не очень обрадовалась, когда на свет появился брат. Собаку ей так и не купили. А теперь бы уже та собака умерла. А Сережа был жив, здоров. Они поцеловались.

Аллах Акбар — Бог Велик. Подчиниться Богу — это Ислам. И Магомет — пророк его. Все вокруг нас — Ислам. На все воля Божья. Куда ни пойдешь — там воля Божья. Куда ни взглянешь — там Ислам. Там-тарарам-там-там! — Ислам. И хотя

Сын Божий — Иисус пришел раньше Магомета, люди не хотят слушать Божьих родственников, а хотят только человеческих пророков. Ну кто на самом деле не убил? кто, хоть кто-нибудь не украл хоть что-нибудь у кого-нибудь, кто такой? кто не прелюбодействовал, кто? а кто это такой, кто любил ближнего? кто такой ближний? и кто его знает, чтобы его любить, как самого себя? тот, кто себя любит, — эгоист. Зато все вокруг — Ислам. И Бог Велик. Аллах Акбар.

Кончился восемнадцатый век — скептиков; начался, еще не кончился двадцатый век — циников. Циник стриженный, бритый, бородатый, с серьгой в ухе, или при галстукке, или с платочком в кармане, где под карманом пиджака так вяло перестукивает сердце, оттиражированное на открытках, едва прикрытое лифчиком в порнухах, сожми его в кулаке, это сердце, выдави из него сердечную муку и принимай по двадцать капель в день сердечные лекарства. Натощак. После обеда. После ужина. Коньяк хорошо расширяет сосуды. В небольших количествах хорошо влияет на сердце. Долой сердечные муки. Будем заниматься спортом. Спорт хорошо действует на сердце. Бегать по утрам, бегать по вечерам — бегать! Бежать впереди себя. Успевать за самим собой.

Киса выпила шампанского, потом кофе. Обгрызла яблоко. «Как ты можешь с ним спать!» Скорее это было Сережино восклицание, а не вопрос. Вроде того «как ты можешь это есть!» Между собой Киса с Сережей никогда не употребляли слов: «еб...ся», «х...й», «пи...да». Поэтому Сережа и не сказал: «как ты можешь с ним еб...ся». И Сережа еще раз сказал: «он же не говорит по-русски, как ты можешь с ним спать!»

Как можно объяснить Сереже, когда он такой мальчик двадцатого века, может, из всех мальчиков самый хороший, потому что другие мальчики еще хуже, и он никакого значения не придает любви, Сережа. Сходил в ресторанчик со своей русской барышней, которая говорит по-русски, потом вые...ть ее по-русски, то есть на чисто русском языке сказал ей, чтобы ей было приятно, как ему нравится ее пи...да, а чтобы ей было еще приятнее, можно даже сказать ей, что он готов еб...ть ее в эту ее пи...ду всю жизнь. Сережа заметил, что особенно в постели на женщин действуют такие слова, как: навсегда, на всю жизнь. И вообще они любят поговорить в постели. Так вот вые...ть по-русски, и до свидания!

Поэтому Сережа искренне не понимал, чем Киса занимается с господином Ив, когда они совершенно друг друга не понимают.

— какой ты хороший, — сказала Киса, после того как обгрызла яблоко, — он читал мне свои стихи.

— хорошие? — Сережа это спросил машинально, ему было совершенно все равно, какие стихи пишет господин Ив.

— какой ты смешной, — сказала Киса, — я же не понимаю по-немецки.

И она засмеялась. Как же он любил эти ее слова: «какой ты смешной», «какой ты милый», и как же он любил, когда она смеялась. Вот сейчас опять, как уже много-много раз в жизни, он почувствовал, как он сильно любит Кису.

Это была единственная женщина для него, которую он не мог представить себе голой, это была единственная женщина для него без пи...ды. То есть ему даже и в голову не приходило, что этот орган, которым одарены все женщины, находится между ног и у Кисы, он никогда не представлял себе ее с пи...дой. И всех любовников Кисы, и даже ее мужа, он представлял себе как-то отвлеченно. Он любил Кису без пи...ды.

Но Киса только с господином Ив поняла, что такое еб...я: это когда внутри тебя находится тоже человек, тоже не штучка, и все это совсем не игра. Отпали акробатические номера, когда девушки кончают, садясь на шпагат, вся «Кама-сутра», все приподъездные отсосы и взасосы, осталось только вот это почти голое чувство совершенно налитой, как слива, даже больше, как слива без кожуры, совершенно незащищенная плоть.

И чтобы это была любовь, надо все это не заметить, или отдать себе отчет и раз и навсегда забыть.

И все эти пещеры, гроты, инсталляции Людовига второго Баварского, когда, так сказать, в лоно, так сказать, wpłyвает лодка, которая, так сказать, терзает это лоно своей крайней плотью, это созерцание?

Но ведь есть люди, которые просто еб...ся после душа и рабочего дня, а утром опять идут на работу. А вдруг еб...я это просто допинг, или манная каша? или мощно перед завтраком, перед кофе, по-быстрому, кому это интересно? Вот как было у Наташи Ростовской с Пьером, никому не интересно, зато как у Анны Карениной с Вронским, интересно, как.

И только недели через две Киса узнала, что это за стихи, которые пишет господин Ив. Вернулась Сережина подруга Таня. А у Тани была подруга — немка, которая очень интересовалась стихами. Но сама она не писала, но зато у нее были друзья поэты, и через Сережу Киса передала стихи господи-

на Ив. И от этих поэтов она узнала, что господин Ив пишет, в общем, так сказать, как бы плохие стихи. Они как бы стихи. Но как бы плохие. И Киса даже встретилась с Таней, к которой пришла эта подруга немка. Это была большая круглая девушка, не похожая на худосочную немку, как их обычно изображают французы, а похожая на русскую девушку откуда-нибудь из провинции, которая днем работает в библиотеке или в больнице, а вечером читает книжки или идет с подругой в кино. А Таня, эта русская Таня, скорее была похожа на маленькую издерганную француженку, какими их изображают немцы. И круглая немка сказала, что стихи совсем плохие, и отдала Кисе немецкие стихи господина Ив, и скромно передала подстрочники, которые для нее сделали друзья. И она не посоветовала Кисе переводить эти стихи,

В эту ночь, когда господин Ив взял Кису на руки и перенес в постель, она сказала ему, чтобы он почитал стихи, она сказала это по-английски: «ты имеешь чтение». И он стал читать. Он читал очень хорошо, ей жутко нравилось, как звучит его голос, какая музыка в стихах, как они льются, как сладко звучат, как ласкают слух. Она просила почитать его еще. Он читал еще. Это были восхитительные стихи, в которых она не понимала ни слова. Ни одно слово не имело смысла, это были в чистом виде стихи. И никто сейчас, ни один поэт — ни Гете, ни Пушкин, ни Шекспир, ни Данте не могли доказать, что это плохие стихи. Она слышала, что это стихи, не понимая ни слова в этих стихах. Она даже не знала про что они, эти стихи.

Но примерно уже через неделю, когда господин Ив стал опять читать свои стихи, Киса попросила его, чтобы он перестал. Потому что она знала, что это плохие стихи, что это только обман слуха, что это от непонимания смысла. Что нельзя слушать плохие стихи. Это вредно для здоровья. От плохих стихов болит голова, живот, ухо, горло, нос. От плохих стихов бывает: понос, рвота, недержание мочи. Плохие стихи могут привести к алкоголизму, наркомании, к Французской революции, к Октябрьскому перевороту и к гражданской войне.

Киса с господином Ив проводили дни не как буржуазная семья на викендах, не как супруги, не как молодожены. У них не было режима дня. Господин Ив просыпался то рано, то поздно, то не спал всю ночь, то потом спал весь день.

К тому же Киса не понимала, почему дохнет птички, и почему это так беспокоит господина Ив. А господин Ив никак не мог объяснить Кисе, что на птичках он зарабатывает себе на жизнь.

Птички были драгоценными. Тренированными, почти чемпионками, например, птичка могла склевать алмазик, не простой, а очень дорогой, склевать его где-нибудь в Австралии, а оторгнуть или сделать бриллиантовую какашку — в Германии, Англии, Южной Америке, то есть там, куда птичка будет доставлена, там она и проделает это чудо. Он вывел эту породу — маленьких свинок с крылышками, умеющих клевать драгоценные камешки. С таким трудом перемещались до него эти камушки из одной страны в другую, а с помощью его изобретения так ловко теперь улечивались и оседали, где надо.

Птички кормили господина Ив и всех, кто относился к этому птичьему тайному обществу деловых людей, из которых только господин Ив писал стихи. Все остальные его люди знали, что он пишет стихи, и относились к этой забаве с сочувствием, а к птичкам — серьезно. Не будем вдаваться в то, кто, как и чем зарабатывает себе на жизнь. Ведь только птицы небесные не жнут и не сеют. А птички господина Ив и жали, и сеяли, и его кормили. И это была их общая тайна.

Почему птички дохнут, не только Киса не понимала, но и сам господин Ив тоже не понимал. Почему эти свинки с крыльями стали помирать. Ведь он кормил их не только бриллиантами, но также зернами, травкой, червями и витаминами. Ведь у них крепкие, почти железные желудки, там почти доспехи, если птичку вывернуть, она будет почти рыцарь. И все-таки они дохли. Так можно было и разориться. Как можно разбогатеть на птичках, так на птичках можно и вылететь.

Все это очень беспокоило господина Ив. Ведь он был связан с людьми, с людьми серьезными. Которые живут за океаном. Которые не читают стихи. Зато они читают газеты, эти люди. И не дай бог, чтобы в газеты просочилось что-нибудь о птичках. Не о самих, конечно, птичках, а о драгоценном их желудке. О том, что в желудке. А там бриллиант. А его кто-то вовремя не получил. Скандал. Предупреждение. А после предупреждения может быть и самое худшее. А что может быть хуже смерти? только ад. Господин Ив не верил ни в чертей, ни в ад. Странно, но он боялся насильственной смерти. Не то что боялся, но верил, что от выстрела в живот может перестать биться сердце.

И тут Киса, когда так все плохо с птичками, заявила вдруг господину Ив, что она уезжает в Москву. Ненадолго — на неделю. Ненадолго — всего на месяц. На полгода. Это все равно, что навсегда. Он сказал: «нет». Там же мой дом, я там живу, я здесь в гостях. Он сказал: «нет». Киса разозли-

лась. И чтобы еще больше разозлиться, она попросила его почитать стихи. Он стал читать. Чудо! это было ясно даже на слух, даже если не понимать ни слова, что это плохие стихи, гадкие, отвратительные. Набор звуков, пустота, пустой звук. Она пришла просто в ярость, глядя на господина Ив, читающего стихи. И она себя мысленно спрашивала под это чтение — как это так получилось, что господин Ив имеет такую власть над ней. Не из одного же духа противоречия она занималась с ним любовью? А может быть, только из-за этого духа! может быть, этот дух противоречия загнал ее в этот тупик — и в этом тупике господин Ив с непонятными птичками, в захлапленно-огромной квартире, где в каждом углу так и плещутся волны любви господина Ив, в которых она купается.

Но это было самое сладостное ощущение — купаться в этих волнах. Особенно когда он носил ее на руках, и мог даже занести в какой-нибудь безобразный угол, и любить там на чемоданах, все равно что в облаках. И в этих облаках она доходила до такой разнузданности и шептала ему такие слова. Она так жарко проговаривала каждое слово.

Дома он любил носить белую, грязноватую рубашку. И Киса жутко полюбила эти белые рубашки, с ободком на воротнике от грязи. Откуда на шее могла быть грязь, если господин Ив мылся два раза в день. Это была грязь в природе, она шла прямо от солнца, разносимая ветром. Это была чистая грязь.

И в такие минуты хотелось все сразу тут же: читать, плавать, пить вино, выучить латынь, кататься на коньках, прилично говорить по-английски, и все это запить капучино.

Но только не идти в оперу. Ни за что. А в общем после трудового дня, после стирки белья, после того как грязную посуду лучше разбить, чем мыть, — можно и в оперу. Сидишь в бархатном кресле, а для тебя поют. Но тогда только по-итальянски. Потому что русская опера — это разврат, это спущенные чулки на высоких каблуках.

Пришел Курт, и Киса заговорила по-русски. Курт принес обед в пакете. И Киса сказала Курту, что собирается уехать в Москву, ненадолго, недели на две. И господин Ив сказал: «пусть едет».

— переведи ей, — сказал господин Ив, — что если она мне там изменит, я ее казню.

Особенно Кису рассмешило слово «там», словно это там не где-то там в Москве, а где-то там, на какой-нибудь там луне.

«Казню» тоже смешное слово. Если бы он сказал «убью» было бы понятнее. Никто никого за это, почти никто, не убивает, так, одни слова. Но господин Ив сказал «казню».

К казни приговаривают. Могут отрубить голову, а вместо нее вырастут еще две. Могут распяты. Раз — и тебя нет. Раз — и ты уже воскрес.

Господин Ив разглядывал Кису, эту совершенно восточную женщину, в то же время совершенно европейскую, что его так и пленило. Именно поэтому он сказал «казню». Хотя в любой казни есть что-то театральное, даже пытки.

Господин Ив отвез Кису к Сереже. Сережа ему нравился. Он был совсем не похож на свою сестру. Он был слишком русский Сережа. Он был какой-то идеалистический циник. Или циничный идеалист. Или просто русский мальчик конца двадцатого века.

Киса открыла дверь, увидела Сережу, поцеловала его, открыла холодильник, увидела, что там ничего нет.

Она сказала Сереже, что собирается ехать в Москву.

— чего ты там не видела, — сказал Сережа.

— я соскучилась.

Сережа искренне не понимал, как можно любить этот огромный, замусоленный, грязный город. «Какой же он грязный, — говорил Киса, — и там же пахнет весной. Город с больными, несчастными людьми, и они здоровее тебя и меня, — говорила Киса, — там даже нет женщин, в Москве, там в каждом вагоне — полвагона красавиц», — говорила Киса. И в общем Сережа соглашался. Действительно, там, в Москве, очень красивые есть женщины. Но он совершенно не понимал, зачем она едет в Москву. Тем более что это решение было внезапным. Ведь она совершенно не собиралась ехать в Москву.

А Сереже так не хотелось, чтобы Киса уезжала в Москву. Все-таки он храбрился, когда говорил, что Москва ему совсем не нужна, «большой грязный город, и замусоленный, и развалившийся, и начальники замусоленные». И нет дорог. Вот чего совсем нет, так это дорог, придет весна, дороги развезет — не проехать. Только летом можно завоевать Россию, пока сухие дороги. Но нет такого лета, у которого есть такой полковдец. А осенью, зимой, весной к России просто не подступиться. Она как остров в Тихом океане. Как девственница в девственных лесах. Лежит себе умытая, обутая, одетая, недоступная.

Иногда Сережа любил купать Кису. Когда у Кисы было настроение, когда ей можно было потереть спинку. Он ее мыл, вытирал, заворачивал в полотенце и укладывал в постель. И после купания был уже чай в постели, а после чая они играли в шашки, как в детстве. И чаще всего Киса проигрывала. Но зато она лучше его играла в карты, лучше

плавала, лучше собирала грибы, лучше каталась на санках, она — лучше! лучше, он не спорил, но в шашки она играла хуже.

И Александра Сергеевича Сережа любил. Что значит муж? просто Сережа знал, что Александр Сергеевич еб...т Кису, супружеский акт. Сережа не придавал такого уж большого значения еб...е. И то, что он, Сережа, появился на свет, было в чистом виде его волей, а так его могли смыть в ванной под водопровод краном. А он все-таки сам, Сережа, просочился в этот мир, чтобы хоть одним глазком посмотреть на всю эту красоту. — а маме позвонишь? — спросил Сережа.

Между собой они называли маму — мамой, а про отца они говорили так: Он. Он пришел. Он ушел. Он исчез. Он появился. Он уехал навсегда. Он вернулся к маме. Он ее замучил, но она его любит.

Он ушел от них, когда Кисе было четыре года, а Сереже три. Он влюбился и уехал. А потом он разлюбил эту женщину и женился на другой. И когда ему эта другая надоела, Кисе было уже шестнадцать лет. И Киса сказала Сереже, что ненавидит его. А Сережа сказал, что *Он* — никто, и все это совершен безразлично. И они любили маму и не любили его. Но потом произошло вдруг вот что. Когда Кисе было восемнадцать лет, мама сказала, что Киса уже большая, и Киса и вправду уже была большая, потому что у нее был возлюбленный, а у Сережи так ничего и не было, поэтому он был маленький, и мама ему ничего не сказала. И вдруг мама сказала Кисе (сначала Киса подумала, что мама выходит замуж и даже обрадовалась за маму), но вдруг мама сказала, что она уходит к *Нему*. Но ведь *Он* женат! Оказывается, его жена умерла, потом у него была еще любовница, потом она его бросила. И теперь, видите ли, *Он* остался совсем один. И мама вернется к нему, и они будут жить вместе. «Этого не будет», — сказала Киса.

Но это было.

Потом *Он* умер.

Тогда уже у Кисы был муж, Александр Сергеевич. *Он* никогда не видел Александра Сергеевича. *Он* даже не видел Сережу, то есть Сережа его видеть не хотел.

Может ли жена от собственного мужа родить двух детей, и когда ее муж останется вдовцом, выйти за него замуж, похоронить его, и стать невестой другого.

И когда *Он* умер, Киса с Сережей совсем перестали о нем говорить, как будто его и не было в природе, как будто они появились на свет сами по

себе. А вообще это еще неизвестно, отчего они появились на свет.

Последнее время Киса с мамой были в ссоре. С тех пор, как мама узнала, что Киса влюбилась в господина Ив. «Как можно уйти от мужа», — не понимала мама. Такое заявление сначала даже развеселило Кису, ничего себе, она в детстве рыдала, когда осталась без него, и мама рыдала, когда осталась без него. А теперь Киса что хочет, то и делает: хочет полюбит, хочет разлюбит, уйдет — придет. И лучше не надо об этом говорить.

И вообще дети всегда правы. А родители всегда неправы. Потому что дети — это плод. И это даже не плод воображения. И это иллюзия, что дети и люди — это одни и те же существа. Нет, нет и нет. Дети не знают смерти, не боятся, не придают ей никакого значения, а люди знают. Дети не знают добра и зла, а людей научили опытным путем. Потому что дети не кушали еще плод с этого деревца. А люди уже скушали. И дети сильнее и страшнее людей. И они растут. Они просто увеличиваются в размерах. Этого не происходит ни с одним человеком. Только с детьми. Но самое непостижимое, что в какой-то момент дети — становятся людьми. Они становятся моральными и аморальными, цивилизованными, и с этого момента они начинают стареть.

Но еще есть и самые фантастические люди, то есть существа, которые так и остаются детьми, которые так и не стареют, взрослеют, несмотря на то что растут. И среди них бывают императоры. Диктаторы. Кстати, и Христос был среди них. Он не сгрыз это яблочко. Он шел на крест не за грехи людишек, римлянишек. Он шел на крест как ребенок в царстве людей. Он шел не съевши, не откушавши, не вкусивши. Ведь у него даже женщины не было. Как у ребенка. У него даже папы не было, если не считать Бога — отцом всех детей. Только мама. Он так и умер мальчиком. И все, что он говорил, никто не слушал. Взрослые не любят, чтобы их поучали. Они сами все знают. Они самые умные. У них есть опыт. У него не было человеческого опыта. Можно даже сомневаться в том, что Христос был. Но нет сомнения, что он воскрес. А Магомет, конечно, был.

Из всего сказанного, как и из всего нескazanного, подразумевается действительность. Но вот ее-то и нет. Нет никакой действительности. Есть герои, о которых можно вспомнить. Есть пророки, которым можно верить? доверять. Есть гамма чувств, как гамма — до мажор, до минор, но это уже музыка. Это уже упражнения.

Есть рестораны, танцы, рулетка. Есть карты. Гадания. И на кофейной гуще. Есть абсолютное

чувство. Оно бывает у одного человека к другому. Но это ничего не значит.

Помимо этого существует быт. Быт в поезде на колесах. Быт на море среди туристов и просто плавающих, быт в ресторане среди танцующих. Пар...

И когда сидишь в загородном доме под Мюнхеном, и там такие сосны, усыпанные снегом, таким райским новым годом усыпаны дорожки, и думаешь, почему люди воюют, когда такая красота вокруг, окруженная забором, и этой красоты на три гектара. А когда сидишь в Кунцеве на первом этаже, и под окно выбрасывают менструальную вату, презервативы и пакеты из-под молока, думаешь, что немедленно нужно уничтожить все первые этажи в домах. Пусть все дома в Москве начинаются сразу со второго, а еще лучше — сразу с пятого этажа, чтобы не видны были выброшенные трусы, очистки, прилипшие к кустам презервативы. Неужели столько народу еб...ся в презервативах и выбрасывают их за окно, или это инсталляции на кустах.

Сережа получил гонорар за чертеж и купил Кисе билет на самолет. И гонорар был такой большой, что билет на самолет по отношению к гонорару был все равно что билет на трамвай. А если бы Сереже в Москве платили за чертеж, то денег бы этих могло бы и не хватить на билет.

Кто проводит? Не Сережа. Проводит господин Ив. Он на машине. Кто встретит в Москве? Отец семейства. Он на машине.

ИСТОРИЯ ШЕСТАЯ ИСПОВЕДНИК — ОТЕЦ СЕМЕЙСТВА

Его звали Николай, как и последнего русского царя. А если по имени-отчеству, то Николай Васильевич, как Гоголя. И сначала Киса обращалась к нему как к Гоголю — Николай Васильевич, поскольку во всех отношениях он был ее старше, а потом стала называть его Николай. А потом она стала называть его Коля, как Ахматова Гумилева. Просто Коля, и все. Но когда звонила ему на работу, всегда просила его к телефону как Гоголя — «можно Николая Васильевича?»

У него была большая семья. Он был женат три раза. И одну семью содержал как Николай, вторую — как Николай Васильевич, а третью — как Коля. В первой раз он женился хотя и на иностранке, но как бы на своей подданной — на польке. Он женился в двадцать пять лет. Он ее обожал, она вышла за него по любви. Она родила ему дочку. А через три года, оставив нежно-любовную записку (она хорошо писала по-русски, они вместе

Толстой с ореолом и поезд поперек жизни

учились русскому и другим наукам в одном хорошем учебном заведении), сбежала домой. И не в Польшу, а в город Ленинград. И там вышла замуж. И родила еще одну дочку. Ее новый муж запил и бросил ее с двумя детьми. Он, этот новый муж, был то ли историк, то ли историк-сторож, и как артистическая натура регулярно появлялся и занимал у нее деньги. И она позвонила через несколько лет своему Николаю и просила у него помощи. Он, конечно, помог. Но к этому времени он уже был женат, как Николай Васильевич.

Удивительно, но во второй раз он женился на вдове с двумя детьми. Вдова была не так хороша собой. Но она была добрая, а не злая. И хотя она была вдова по второму мужу, первый ее муж со-

всем не заботился об их первом ребенке. И Николай Васильевич заботился о двух детях, то есть получалось, что уже о четверых. И как Николай Васильевич он прожил с этой вдовой десять лет. Но в последний год он как-то стал особенно замечать, что она как-то особенно не хороша собой. В этот год они и познакомились с Кисой. И ему было тридцать девять лет, а ей двадцать. И он влюбился в нее как Коля. Хотя Киса называла его Николаем Васильевичем. И она рассказала ему про своего первого мужа, не Александра Сергеевича. Что вот она замужем, но не понимает, что это такое. Что она живет с мужем, но не знает зачем. Что она даже не знает, зачем она вышла за него. Что она, наверное, его не любит, хотя хорошо к нему

относится. И она спросила: «но ведь этого мало, наверное?» Во время этой исповеди в первый раз все это и произошло. Пока Киса исповедовалась, он ее как-то незаметно раздел, уложил и утешил. И в момент утешения он не тешился сам, не было никакой пакости, ничего этого-такого не было. И Кисе даже показалось, что после этого утешения ей стало легче.

А потом Киса развелась и вышла замуж за Александра Сергеевича. А он в третий раз женился на девушке, чуть младше Кисы, и она родила ему двойню. И к этому времени Киса уже называла его Коля. У него был очень мягкий характер. Ему нельзя было быть царем, как и Николаю II. Начался бы переворот, война. Он писал верлибры, Коля.

И когда у Кисы появился любимый, и когда она страдала из-за любимого, она ему исповедовалась. А он ее утешал.

Он и должен был встретить Кису. Он великолепно водил машину, он на ней просто летал. Кстати, Киса не переносила плохих водителей. Как-то один приятель подвозил ее на машине и настойчиво приставал; машина у него постоянно дергалась. «он такой же чайник и в постели, — подумала Киса, — так же, наверное, дергается». И она отшутилась от этого предложения. Хотя приятель был и хорош собой, и даже знаменит в своей области.

Удивляет игра человеческой природы, а не природы вообще: птичек там, ромашек, даже пчел, с пчелами как раз все нормально, если в их жизнь не вмешивается человек. Но непонятно вот что: кто чем кого кончит как? и за что? а потом кто кого кто? И если тот, кто. То как ему от этого потом? Будет ли потом ему как? И было бы из-за чего! А тот, кто кому. Он ведь уже! И ему ведь уже как-то не так.

Например, два человека. Они совершенно разные. Во всем. Ничто в них не совпадает. Они так параллельно несхожи, как две спички. Но вот они начинают гореть, сгорая от любви друг к другу. И фантастика, две параллельные линии пересекаются, когда сгорают.

Почему-то романтики все красивые, почти все, их волосы раздувает ветер, их глаза горят, губы шепчут что-то страстное.

А концептуалисты все, почти все, страшненькие и замызганные какие-то, как будто их только что вынули из общественной уборной, их три дня не мыли, не чистили и не брили, они не ухожены, их глаза тусклые, их штаны висят мешком, а впереди мешочек с членом, этот мешочек даже трудно

назвать мешком с х...ем, и так все как-то висит на них, так все как-то защищает слабую плоть.

И почти все романтики, почти все самые значительные, почти все немцы.

А почти все концептуалисты значительные, почти все евреи.

А евреи почти любят немцев.

Но концептуалисты не любят романтиков, почти не любят.

Но по сравнению с немцами евреи древняя нация.

А романтики вымерли, как греки.

А концептуалисты вымрут, как бурлаки на Волге.

Действительно, спрашивается, зачем тянуть вдоль берега корыто, набитое бревном. Тянут-потянут, вытянуть не могут, вытянули, почти вытянули. Вообще-то они хоть и грязненькие, но работоспособные, то есть у них просто способность к работе. И работу свою они делают чисто и хорошо. Аккуратненькая у них получается работа. И если в зале Большого театра они выставят унитаз с говном, то и унитаз будет аккуратненький, и говно в нем аккуратненькое. И даже прибежит голый, аккуратненько сложенный человек и аккуратно наложит еще одну кучу.

А жалко, что все вымрут. И даже концептуалистов жалко, потому что ведь они все вместе. Один за всех и все за одного. И вымрут они все до одного за всех вместе, да и не только концептуалистов жалко. Чего их жалеть? Вон они какие здоровые, и поют, и прыгают, и танцуют, и не пьют, почти не пьют. Нет, как концептуалистов их, конечно, не жалко, а как людей жалко, конечно. Но на каждого концептуалиста приходится или одна романтическая мама, или одна советская бабушка, или даже их предки были коммунистами. И вот почему еще жалко их, что вымирают они прямо на глазах — и то уж нет, и того, а тот далече...

ГЛАВА 3

КОНЕЦ

...и буду тем дороже я народам, и буду тем дороже я *народом*, чем буду я дороже тем народам, чем буду я дороже тем *народом*... то есть чем больше я буду дорожить тем *народом*, то есть чем народ для меня будет дороже, так что я даже не смогу жить без этого народа, он будет единственным народом для меня...

Это был самый последний их спор, Кисы и Александра Сергеевича, это был их последний спор в Германии. Это Александр Сергеевич сказал, что

это только сами евреи считают, что они избранный народ. А никто им об этом не говорил, даже Моисей. Он просто взял с собой это племя, они даже были так себе не люди... так себе рабы... такие бедные и больные, и среди них не было ни одного здорового и богатого, и он взял их и доказывал им на пальцах, что Бог один. И он гнал это племя, как скот по пустыне. И они шли не добровольно, среди них не было добровольцев, среди них никто не кидался добровольно под танк, среди них не было ни одного панфиловца, ни Матросова, они не сражались за родину. «скотина», — сказал Александр Сергеевич и убил комара, — «сосут кровь», — сказал Александр Сергеевич; это относилось к комарам. А Киса ругала Моисея и жалела евреев. Ей было их жалко, как котят, которых он почти утопил в пустыне, они там захлебнулись от жары. «что ты на меня кричишь», — сказал Александр Сергеевич Кисе, — не я же их потащил в пустыню».

Сон был про то, что первый раз во сне был Бог. Он сидел в углу сна, там, где кончалась темнота, он был высосан из пальца, он в любую минуту мог растаять на рассвете, потому что уже надо было просыпаться, и сон кончался, и его некогда даже было досмотреть.

Этот сон даже не был страшным. Но сверху сейчас было видно, на что каждый день смотрит Бог.

Эта земля была такая хрупкая, как игрушка, и ее можно было вертеть в руках, и даже не нужна была ниточка, на которой земля висит.

«Шлюха, — сказал Александр Сергеевич, — сука». И когда она вернулась домой к обеду, он посадил ее на поводок и повел. Она не понимала «рядом», она не понимала «сидеть». Она только понимала, как бы ей удрать из дома к какому-нибудь кобелю. Но зато у нее была мордашка прелестной девушки, неграмотной, но озорной. И у нее были красивые уши. И он завел ее в лес. А дальше за лесом была военная часть. И ее окружал огромный бетонный забор, а наверху еще била колючая проволока. И Александр Сергеевич взял Таню на руки. Он разбежался и перекинул Таню через этот забор. И он слышал, как она мягко шлепнулась по ту сторону забора. И он даже заглянул в щелку между бетонными плитами. И он увидел то, что даже глазам своим не поверил, — вместо Тани за забором сидела черная страшная собака. И Александр Сергеевич пошел прочь. И он шел и думал, какая же он сволочь, что так поступил с Таней. И он уже вошел в лес, и вдруг уже в лесу Таня его догнала. Как она перемахнула через забор с колючей проволокой, было просто

загадкой. Но она нашла его и бросилась к нему на шею от радости. А через денек-другой она опять удрала к своему кобелю. Она пропадала по ночам, а утром возвращалась потрепанная и сонная, и в грязных трусах. И тогда Александр Сергеевич вышел с Таней на проезжую дорогу, поймал грузовик, и они доехали до деревни, не до ближайшей, а еще через одну деревню. И Александр Сергеевич велел парнишке-шоферу подождать. Около маленького дома, вокруг которого был такой небольшой заборчик, он снял с Тани ошейник и перекинул ее через этот заборчик. И Таня села у забора. И он сказал ей: «сидеть!» И она сидела, пока он уходил. Он уходил как хозяин. А она сидела как собака. И он ушел. А потом уехал на грузовике. И он больше никогда не видел Таню. Наверное, за этим забором был ее новый хозяин. И этот новый хозяин купил ей новый ошейник. И назвал ее другим именем. И она даже не могла сказать, что ее зовут Таня. А потом уже в Москве он стал по ней жутко скучать. Особенно через неделю. Потому что всю неделю он все еще злился на нее. А потом злость прошла, и осталась только любовь. И теперь никто не выводил Александра Сергеевича гулять. И некому было сказать: «сидеть», «лежать», «читать», и никто не бегал на четырех ногах.

И все эти люди, населяющие землю, все эти птицы, кролики и дети, и весь этот шум, который они производят, передвигаясь на этих трамваях, перепрыгивая из самолета в трамвай, из одного автомобиля в другой, все эти дребезжащие звонки будильников и телефонов, которые сыплются на людей с утра. От людей болит голова и тошнит от людей. Людей не должно быть много: на пляже, в метро, в бассейне, на улице, в кино. Пусть только по телевизору их будет много. Вот они скопились на площади, а потом все вместе сели в электричку, а потом все вместе бросились в речку, и все вместе... утонули. Только на расстоянии можно переносить людей. Даже монстры на расстоянии милей. А еще лучше вообще не видеть людей, а только переписываться. Письма и фотографии. Какие же они тихие на фотографиях, люди, даже когда горят. Их не надо кормить, мыть и водить в туалет. Они само совершенство. «я буду за тобой следить», — сказал господин Ив Кисе на прощание.

И когда самолет коснулся земли руками и ногами, когда он на четвереньках подполз к стекляшке Ш-2, Кисе даже показалось, что господин Ив уже опередил ее, и сейчас он ее встретит, хотя этого быть, конечно, не могло. И этого не было.

И вот если, например, представить настоящий момент уже в воспоминании, тогда он будет милей. Ностальгия по воспоминанию настоящего момента в настоящий момент. Начать вспоминать это мгновение «сейчас» — сейчас же.

И вот еще почему женщины слабый пол. Потому что мужчины культивируют в женщине свои слабости; это он слаб и хочет видеть в женщине свою слабость, и это он вор, а хочет, чтобы она украла, это он убийца, а хочет, чтобы она убила, и это он дурак, а хочет, чтобы она была душой.

Давно уже Киса не видела Николая Васильевича. Она была налегке, у нее было только полчемодана в одной руке. Киса прошла через живой коридор встречающих. Их лица были неумытые, необутые, хотя кое у кого толстые и бритые. А два часа назад, когда она вылетела из Германии, не было никаких встречающих-проводящих и никаких живых коридоров.

Из всех провожающих и был только один господин Ив, который сказал на прощание Кисе: «я буду за тобой следить». Он сказал это, как горный орел, как горный грузин, а не как представитель немецкой романтической школы, например, Новалис.

Какая же скверная была в Москве погода — грязные снежинки на фоне вечернего неба, и такой холодный ветер, который пробирался прямо в сердце. И деревья были без листьев, то есть листья были внутри почек. И даже ни одной звезды не было в небе, хоть самой дохленькой, от которой свет идет миллион световых лет.

Есть то, что нельзя вообразить: световой год, электричество, число. Зато можно: половой акт, деньги, тепло. И вот еще что — смерть нельзя вообразить. Смерть, это что такое? Прощание с жизнью? А жизнь, что такое? свидание со смертью? А если об этом не думать, то жизнь прекрасна и удивительна.

Прекрасно было то, что Коля привез Кису прямо к ней домой, и она, конечно, исповедовалась ему в дороге. И начала она свою исповедь с Чаадаева.

Что Петр Яковлевич советовал девушке украшать свое жилище и соблюдать режим дня. А она, Киса, нарушила заповедь сумасшедшего, и режим дня не соблюдала, и жилище свое не украшала. Но лишь то, о чем Петр Яковлевич только подумал, Киса со страстью исполнила, да еще с какой страстью.

Хотя она даже не знала, что Петр Яковлевич об этом подумал. Это был ее *дух противоречия*. Потому что она жила этим духом. А Петр Яковлевич об этом написал чуть-чуть в письмах. И когда она

уже жила с этим духом противоречия, отдавалась ему; убивала на него свою жизнь, она и прочитала у Петра Яковлевича, что он только догадывался об этом духе. Он не жил с ним, и не на него он убил свою жизнь.

«Письмами» Чаадаева убить муху. Улетит. Тяжелые письма. «Теэтет» Платона может выпустить кровь из комара. От комара даже не останется скелета. Он мягкий, комар. В нем нет костей. А «Теэтет» не имеет скелета. В нем есть плоть и кровь. Кто еще был таким хорошим учеником, как Платон у Сократа. Учитель не написал ни строчки. Ученик стал великим.

Приехали. И Коля внес полчемодана Кисы. «До свидания, Коля», — сказала Киса. Он даже удивился, Коля. Встретил. Привез. И до свидания. Киса закрыла за ним дверь. Разделась. Легла. И разрыдалась. Это были слезы без причины. Не надо было плакать. Надо было встать и украсить жилище. А с завтрашнего дня соблюдать режим дня. Встать в шесть часов утра, подоить корову, разжечь печь, постирать, приготовить мужу ужин, обстирать пятерых детей. А потом встать в десять утра, выпить кофе, сесть в автомобиль, посетить бассейн, закатиться к приятелям, запеленать в детской кроватке Рейхстаг, что еще лечь под утро спать.

И тут раздался звонок в дверь. Вот это да! Это был господин Ив. Его самолет летит быстрее. Его телефон звонит быстрее. И вот он вошел. С ним, разумеется был Курт. — Курт, — сказала Киса, — это ты.

И не только господин Ив вошел, и не только Курт вошел вслед за ним, вслед за Куртом вошла-вошло некоторое существо, с такой улыбкой, как будто на свидание.

А перед этим Кисе приснился сон. Ей приснился СЕРЖАНТ. Во сне она знала, что это Сережа, Серж, но одет он был как сержант. В такой военной тужурке, и в армейских валенках, и чуть закрывала глаза солдатская шляпа. Он был в офицерских галошах на босу ногу, подпоясанный пастушьим генеральским ремнем. А впереди шел танк, вычищенный, как кастрюля, а за танком на тросе плелись сани, и этими санями как раз командовал сержант. У него не было голоса, как в немом кино. Но все равно было все ясно, что он говорит. Взмахнет рукой — раз, опустит — два, глазки закатит, бровь поднимет, топнет ногой — идеальное самочувствие.

А потом танк остановился, и сержант спрыгнул с саней. И по снегу сержант и Киса побежали друг к другу, они обнялись. И обнимая этого сержанта, Киса обнимала Сережу. И почему-то в этом сне из танка вылез господин Ив в своей не-

простиранной рубашке. А за ним генералы, офицеры, медперсонал, санитары, и прочая, и прочая, и прочая. И генерал приговорил Кису к тому, что она девственна. И она сказала: «нет». На этом белоснежном снегу. Под этой корочкой льда. Она сказала, что у нее есть муж, у нее есть любимый, и тут она сказала, она созналась, она впервые созналась, что у нее есть сын. Это было величайшим откровением с ее стороны, потому что с сыном они виделись редко. Потому что сына как будто на самом деле не было. Был только очень поздний аборт в шесть месяцев. То есть ребенок был уже в возрасте Наполеона. Шестимесячный. И Киса не хотела, чтобы этот Наполеончик появился на свет, чтобы он перекроил всю Европу, чтобы он завоевал пол-России, и чтобы из-за него сожгли Москву. Она не хотела его так сильно от первого нелюбимого мужа. Это был первый брак Кисы. И врач-гинеколог, очень приятная, сухая дама, немного подруга ее подруги, вытащила Наполеончика, как показалось Кисе, уже в гробу. А перед этим он выбирался из Кисы по такой конструкции, похожей на парижский Вобур. По трубам, трубочкам, висел на перекладинах. И он выбрался из нее. И она так и не видела его. Никогда. Только во сне. Он ей регулярно снился: сначала маленьким шестимесячным наполеончиком, а потом проходил год-два, он вырослел, и снился ей уже повзрослевшим, в военной форме, но еще не генералом.

И тут ей как раз говорят, что сын этот от святого духа, а она на самом деле девственна, и сейчас ее дефлорируют. Какая же она была холодная, эта железяка, которую ей туда воткнули, ледяная, как танк, как ствол ружья длинная, такая острая, как нож. И этой уродиной они ковырялись в ней почти столько же, сколько уходит на обычный аборт. И они сказали: «все. Теперь ты женщина». И даже сержант ничем не мог ей помочь. И там была одна медсестра.

И вот теперь точно такая же вошла с господином Ив и с Куртом. Она была в шелковом пиджаке на ужасной подкладке, с маленькой старушечьей сумкой, и ботинки на ней были противные, ее сразу хотелось завести в магазин, купить ей одежду, потом завести в общественный туалет и велеть переодеться.

— Я сказал, что буду за тобой следить, — сказал господин Ив. И только после этого он обнял Кису, то есть она оказалась обнята им. Он прижимал ее к себе. Она, прижатая им. Он поцеловал ее. И будучи поцелована им, он сказал, то есть это было услышано ею.

— ты готова? — сказал господин Ив.

А Киса и правда готова. Полчемодана так и не разобраны, она еще не успела разобрать.

И господин Ив, и Курт, и эта медсестра из сна, и Киса — все вместе вышли прямо в ночь, прямо в плохую погоду.

Но оказывается, на улице их ждал автомобиль. И погода в автомобиле была вполне сносной. Хотя машина ржавая и дырявая, и кузов тоже с дырками, такой демисезонный был автомобиль. И он остановился у одного дома, у одного подъезда, и дом этот был внутри кольца. Но подъезд! но запах в подъезде! какая же стояла вонь. Это была вонь, которую подъезд впитывал. Наконец, он ею пропитался. И теперь он ее источал. Там на разных этажах было много разных хозяев. Но квартира, куда они зашли, была пустая. Пол был застлан газетами. Сначала показалось, что комнат очень много. Потом оказалось, что их всего четыре. Мебель в комнатах была сдвинута в угол и накрыта какими-то тряпками. Сначала Киса даже не поняла, в чем дело, а потом, присмотревшись, поняла. Белили потолки. И только в одной комнате было более или менее не побелено. Зачем господин Ив снял этот сарай! В ванной подтекала труба. И когда открывали воду, газеты на полу тут же промокали. Медсестра с Куртом ушли, а господин Ив погладил Кису по голове. Он сказал, что любовь впереди того, что когда плохо, это тоже бывает чувство не на скамейке без цветов, потому что газеты на этом берегу в комнате, это не под облаками в лесу, чтобы любить прямо без травы, это лучше хорошо. В ответ она сказала: «да».

В одной из комнат она разгрести для себя уголок. А господин Ив выдал ей постельное белье, упакованное в целлофан. «Я очень устала, — сказала Киса господину Ив, — я буду спать прямо по середине без любви».

В темноте все кошки серые. И потолок был серый. Зачем его надо было белить? И вот тут-то Киса поняла, что она попала в ловушку. В самую настоящую, какая бывает в жизни. В самую натуральную. Если бы Сережа не ехал с господином Ив в одном купе, если бы Сережа потом их не познакомил, если бы она только не осталась тогда у него, если бы она только не сказала ему, что любит, если бы не сказала Александру Сергеевичу, что влюбилась, если бы только Александр Сергеевич не поверил в это, если бы только господин Ив не прилетел за ней в Москву, она бы не спала сейчас в этой дырявой комнате.

Если бы только господин Ив писал хорошие стихи! Или совсем бы их не писал. Это был ее первый любовный опыт, когда она жила в одних апартаментах с плохим поэтом.

Всем девушкам надо бежать от плохих поэтов хоть на край света. От них нельзя иметь детей, в общем, их даже не стоит кормить, их надо посадить на хлеб и воду и выбить из них эту дурь, эти плохие стихи. А может, их надо пожалеть и приласкать, ведь они, бедные, сами не знают, что пишут плохо, ведь они, несчастные, пишут плохо от всей души, от всего сердца.

В конце концов, решила Киса — во всем виноват Александр Сергеевич. Это он предатель. И никакой он не рыцарь. Он должен был бы приехать, набить морду господину Ив и увезти Кису, и увезти ее в Египет, или посадить в глухую деревню, чтобы она там продышалась. Или он должен был украсть Кису и прятать ее в шкафу, пока господин Ив не забудет о ней. Он не предатель, он просто наивный, он не эфиоп, как Пушкин. Он, Александр Сергеевич, решил, что Киса завоевала еще одно сердце, и она скоро вернется к нему из любовного путешествия.

И когда еще не было господина Ив, а был любимый, и любимый обидел Кису, и она плакала, и только Александр Сергеевич мог ее утешить. И у Александра Сергеевича разрывалось сердце оттого, что он не знал, почему Киса плачет. И Киса ему сказала: «у меня к тебе просьба. Если ты вдруг умрешь раньше меня, и я все еще буду здесь, а ты уже там, ты дай мне как-нибудь знать, что? там? понимаешь. Есть ли там вообще что-нибудь. И если есть, то ты, например, подай мне какой-нибудь знак оттуда». И потом они еще долго спорили, какой именно подать знак оттуда. Но самое трудное как раз оказалось выбрать этот знак.

А потом однажды через несколько дней Киса рассказала об этом разговоре одному поэту, действительно, хорошему, который вдобавок раза в два был старше Кисы. И он болел, этот поэт, но не собирался помирать. Он думал о смерти только в стихах. А с людьми о смерти совсем не говорил, почти не говорил. И вот Киса ему сказала, она повторила ему свою просьбу, ту, она высказала Александру Сергеевичу, чтобы после смерти дать знать. И это поэт сказал, что ничего проще этого знака нет. Когда он умрет, то пусть Киса вспомнит о нем день так на седьмой, пусть она о нем думает в этот день, и он ей оттуда продиктует стихи, если там, конечно, есть стихи, если там стихов нет, то там вообще ничего нет, и тогда она от него ничего не услышит. Вот так сказал этот поэт, но он не собирался умирать.

Утром пришел Курт. Господин Ив говорил с Куртом по-немецки, а Курт говорил с Кисой по-русски. Оставались недосказанности. Напри-

мер, Киса не понимала, почему именно здесь, в этой квартирке, птичкам лучше. И если вся мебель закрыта тряпками, и клетки с птичками закрыты тряпками, то птичек никто не найдет, а мебель никто искать не будет. Потом Курт перевел неясную мысль господина Ив, что он строит в Подмоскowie дом, почти на заброшенной земле. Туда не ходят электрички и автобусы. И Курт его спрашивал насчет туалета. А в туалет надо будет ездить в другой город. Договорились. И господин Ив как раз строил дом, так сказать, воплощал ту самую игрушку Кисы. Киса достала из сумочки эти квадратики, будущие комнаты, этот двухмерный дом. Комнаты висели, скрепленные металлическими колечками. Вот эта улица, вот этот дом. Потом был завтрак, а потом пришла медсестра из сна, и они все вместе поехали в ту деревню на той самой машине, захудалой и заржавелой. Но она шла хорошо. Это шофер у нее был хороший. Такой умелец водитель, который как-то поплывает на двигатель, и машина заведется.

Деревенька стояла в глуши. И лес глухой во круг. Правда, есть речка. Где-то далеко свинарник, коровник, птицеферма, но все где-то так далеко, так далеко, а вблизи пара вымерших домов и ни одной скотины. А вот и хозяйка. Это она продает землю. На этой земле у нее стоит домик. Хозяйка получит деньги и уедет. Домик снесут, а земля останется. И здесь, на этой земле, господин Ив построит свой дом. Обговорили. Решили. И расплатились.

На обратном пути Кису посетила мысль: «надо же так попасться!» А может, сам этот господин Ив и есть сам этот дух противоречия. И любит она его из чувства противоречия любви. Однако он был материальный, этот господин Ив, и попросил есть. Ему надо было что-то приготовить, хоть картошку, хоть кашку, хоть деревяшку. Все равно он видел это блюдо одним глазом, и блюдо это было невзрачным, оно переваливалось через бортик тарелки со стороны видящего глаза.

И когда Киса с господином Ив сидели на заднем сиденье, и так дуло из дырки в спину, Киса просто возненавидела не господина Ив, а своего любимого. Потому что во всем как раз был виноват не Александр Сергеевич, не господин Ив, а ее любимый.

Кто спорит, он был хорошим поэтом, никто не спорит. И спору нет, они любили друг друга. Но на расстоянии. Они так добивались друг друга на расстоянии, такая это была пытка, чтобы встретиться. И когда они встречались, они просто изводили друг друга, они просто выворачивали друг друга,

чтобы посмотреть, действительно ли внутри так болит сердце, которое так хотело этого свидания.

И вот еще что — они читали друг другу стихи. И не как поэт поэту. А так, между прочим. И эта обыденная речь была даже больше поэтической. Но сердце просто переворачивалось, сердце-то знало, что оно не на месте, что оно трепыхается не из-за стихов, хотя должно было трепыхаться из-за стихов, но сердечные муки были даже больше стихов. И вот еще что — конечно, любимый был хорошим поэтом, и именно поэтому это было неважно, что он хороший поэт. Именно поэтому было важно, что он просто любимый. Вот и все.

Господин Ив вызвал строительную бригаду, и был построен этот дом. Значит, так: четыре комнаты, они вертятся, и всегда из одной можно пройти в другую, а потом они вертятся так, что все четыре они оказываются заблокированными.

Дом был на подвижном фундаменте. Курт нанял самых простых рабочих и объяснил им все просто. Что это будет вроде как сцена, просто под крышей.

Господин Ив позвал на открытие дома трех поэтов: Кису, Александра Сергеевича и любимого Кисы. Они должны были сидеть каждый в своей комнате и переводить стихи господина Ив. И комнаты будут заблокированы. А потом прочитать свои переводы господину Ив. И у каждого стихи должны быть лучше и лучше.

А господин Ив должен становиться поэтом все лучше и лучше, почти великим. Но в последний

момент, когда Киса позвонила своему любимому, он струсил. Не поехал он в этот дом, где в туалет надо было ездить в другой город. Он рекомендовал ей другого поэта, своего друга. А Киса его как раз знала, и это был как раз тот поэт, с которым они договорились подать знак друг другу.

Александр Сергеевич перевел, и кое-что получилось. Нормальные стихи. Так ничего, стихи, стихи, бывают хуже, бывают лучше.

Киса тоже переводила. И переводила она не сами стихи, а самого господина Ив еще до ловушки. Она вкладывала в эти стихи свое собственное чувство к нему собственному.

А поэт переводил. Этот поэт иногда пил. Но пил он как-то не как все — без всякого там огурчика, лучка, стаканчика. Он как будто исчезал, когда выпивал. Раз — и его нет за столом. Как будто алкоголь уносил его так далеко от стола, что даже от него не оставалось и взгляда. Только изредка он подавал голос. Пил он, кстати, не закусывая. Он не был далее пьяницей. Он пил, исчезал, возвращался, а мог и совсем не пить. Это как он хотел. Он старался сделать из плохих стихов хорошие. И у него не получалось. Он мучился. Он до того замучился, а еще сердце. Он вздохнул, а выдохнуть не мог. И он хотел выйти на воздух, а дверь была закрыта, это было условием этого дня в этом доме. И он вдыхал, а воздух в него не шел. И он стукнул в дверь. А потом он сел у двери и умер почти живой.

И путешествие...

Марина БОРОДИЦКАЯ

Марина Бородицкая родилась в Москве, окончила МГПИИЯ имени М. Тореза. Работала гидом-переводчиком, учителем английского языка в школе. Печататься в периодике начала в 1978 году.

Известна как переводчик английской, американской и французской классической поэзии, в том числе В. Шекспира, Дж. Донна, «поэтов-кавалеров» XVII века, Р. Бернса, Г. Честертона, Р. Киплинга, Г. Лонгфелло, П. Верлена и др., а также первого опубликованного на русском языке перевода книги Джеффри Чосера «Троил и Крессида». В 2006 году ей была присуждена премия Британского совета по культуре «Единорог и лев», в 2007-м — премия «Инолиттл» журнала «Иностранная литература», в 2010-м — переводческая премия «Мастер».

М. Бородицкая — автор двух десятков детских книг и лауреат литературных премий имени К. Чуковского (2007), имени С. Маршака (2008), премии «Алые паруса» (2008, за книгу «Прогульщик и прогульщица») и диплома Андерсена (2013). В 1994 году вышел первый сборник ее «взрослой» лирики «Я раздеваю солдата», в 1999-м — второй: «Одиночное катание», в 2002-м — третий, «Год лошади». В 2005 году издательство «Время» выпустило четвертую книгу ее стихов — «Оказывается, можно», в которую вошли избранные стихи из первых трех сборников, а также новые; книга получила почетный диплом премии «Московский счет». В 2009 году в том же издательстве вышел сборник «Ода близорукости», в 2013-м — книга избранных и новых стихотворений «Крутится-вертится».

Стихи М. Бородицкой регулярно публикуются в журналах «Новый мир», «Арион», переводы — в «Иностранной литературе».

Уже шестнадцать лет М. Бородицкая ведет на «Радио России» авторскую передачу для старшеклассников «Литературная аптека».

ПЕРВАЯ ПОМОЩЬ

Поэзия — самое концентрированное вещество на свете. Добывается оно поэтом из его/ее же собственного живота, наподобие того, как паучок вытягивает нить у себя из брюшка.

Вещество это обладает массой различных свойств. Оно может, например, вызывать озноб, гусиную кожу, вздыбливание волос на голове и теле, необъяснимый восторг и даже легкое помешательство.

А еще оно исцеляет. Совершенно по-настоящему. И поэтому у нас в «Литературной аптеке»

на «Радио России» поэзия проходит под грифом «Аптечка первой помощи».

Такую аптечку каждый составляет для себя сам. В идеале — лет до двадцати, пока стихи легко учатся наизусть. Дальше ее можно пополнять, но будет уже труднее. Зато когда грустно, больно, страшно, тяжело и вообще невыносимо — вы достаете из головы нужную таблетку, кладете на язык и начинаете рассасывать-твердить-набормывать... «Быть нелюбимым, боже мой! / Какое счастье быть несчастным...» и до конца, пока не полегчает.

Специально юных читателей «Юности» предупреждаю: у такого лечения бывает побочный эффект. Косметический. У человека, проговаривающего про себя стихи, резко повышается внешняя привлекательность — независимо от пола и природных данных.

Если рядом никого нету, можно и вслух. «Ита-ак, хвала тебе, чума!!!» — и кулаком по чему-нибудь прочному. Помогает.

А если взять шире, от целительного — к вообще спасительному, спасательному...

Я бы всем своим любимым поэтам вручила медаль «За спасение утопающих». Только начнешь тонуть — вдруг всплывают чьи-то строчки, скачут на волнах удобными обломками мачт: хватайся!

Может, однажды и мое четверостишие закачается вот так же у кого-то перед носом и поможет выплыть. Хорошо бы.

Марина Бородицкая

* * *

«Бог — это совесть», — сказала бабушка Вера.
Под утюгом орошенная блузка дымилась.
Бог в этот миг, обнаружив меня у торшера,
щелкнул разок по затылку, и вот — не забылось.

Бабушка так говорила о глаженной блузке:
«Вещь — совершенно другая! ведь правда?
ты видишь?»

С дедом они перекрикивались по-французски,
только потом я узнала, что это идиш.

Дед же Наум учил меня бегать и драться
и по-латыни ворчал, что *хомини хомо* —
волк. Я не верила деду, я верила в братство,
в дружество, равенство, счастье и бегство
из дома.

А еще так смешно говорила бабушка Вера:
«Честью клянусь», не просто «честное слово».
«Бога гневишь, — вздыхала, — ну что за манера!
Ты вот поставь-ка себя на место другого».

* * *

Вы, гоголевских два соленых огурца,
Милей мне трех сестер и всех плодов из сада:
Архангел Добчинский с обрывком письмаца,
Улыбка, тайный знак, забытая услада.

Здесь, в книге жалобной, где пробуют перо
(Оно же ножичек), где правит страх сердцами,
Поблекли рожицы, повыцвело шевро,
И только вы одни глядите молодцами.

Вы сами — след пера, чернильная строка,
Суть бестелесная, что свет исколесила
На сотне языков — но все еще крепка
Засола местного таинственная сила.

В эвакуации жевала мама жмых,
Но в горло жмых не лез, а было ей лет десять.
Соленый огурец (он был один у них)
На нитке бабушка придумала повесить.

И тотчас детский рот наполнился слюной,
И жмых питательный был радостно проглочен
И в битве бабушки с проклятою войной
Противник оттеснен и приговор отсрочен.

Слова не вывезут, и не спасут слова.
Но спросят вновь и вновь на гулком бездорожье:
На что, мол, уповать? И я скажу: на два
Соленых огурца — и милосердие Божье.

* * *

Есть дерево. Не знаю, как зовут,
Но что-то в женском роде: как бы проза
В подвесках поэтических причуд.
Блатной романс. Японская береза.

У ней такая медная кора!
Она росла на даче у подружки.
(Там, на участке, словно бы вчера,
Мы делали шалаш из раскладушки.)

И мальчик, по-индейски меднокож,
Сливался с ней, обхватывал ногами
И плавно поднимался — так, что дрожь
По всем соседним кронам шла кругами.

Четырнадцатым летом, налегке,
Мы велики пасли, согнав к оврагу.
Трещал приемник. Где-то вдалеке,
Незримые, вползали танки в Прагу.

И к той древесной гладкости прильнуть
И уловить земное сотрясанье
Мешала только маленькая грудь,
Болевшая от всякого касанья.

Есть дерево: не знаю, как зовут,
 Но все оно, как смуглая прохлада,
 Как первых стыдных мыслей детский зуд,
 Осталось в глубине чужого сада.

И если этот ствол давно исчез,
 Оставив по себе пенек надгробный,
 Я мысленно целую круглый срез
 Со всей историей внутриутробной.

* * *

Встаньте, кто помнит чернильницу-непроливайку,
 Светлый пенал из дощечек и дальше по списку:
 Кеды китайские, с белой каемочкой майку,
 И промокашку, и вставочку, и перочистку.

Финские снежные, в синих обложках тетради,
 День, когда всем принести самописки велели,
 Как перочистки сшивали, усердия ради,
 С пуговкой посередине, — и пачкать жалели.

Встаньте, кто помнит стаканчик за семь и за десять,
 Пар над тележками уличных сиплых кудесниц, —
 С дедом однажды мы в скверике при Моссовете
 Сгрызли по три эскимо, холоднейших на свете.

Разные нити людей сочленяют: богатство,
 Пьянство, дворянство... порука у всех круговая,
 Пусть же пребудет и наше случайное братство:
 Встаньте, кто помнит, — и чокнемся, не проливая!

Сказка

Чтобы голос подать, чтобы просто заговорить,
 надо прежде связать одиннадцать грубых рубах:
 босиком истоптать крапиву, вытянуть нить
 и плести, как кольчуги, нет, не за совесть — за страх.

Чтобы голос подать и спасти себя от костра,
 надо диких одиннадцать птиц обратить в людей,
 превратить их обратно в братьев, срок до утра,
 и не тает в окошке живой сугроб лебедей.

Чтобы голос подать, чтобы всех — и себя — спасти,
 надо крепко забыть два слова: «больно» и «тяжело»,
 и топтать, и плести, и тянуть, и плести, плести...
 И всегда у младшего вместо руки — крыло.

* * *

Еще последняя нам сласть
дана в наследство:
сначала в отрочество впасть,
не сразу в детство.

О, там обиды велики,
победы хрупки,
но утешают пустяки:
косынки, юбки.

Там каждый взгляд, что бросил он,
и вздох невнятный
с подругами обговорен
тысячекратно.

Там можно сделать встречный шаг
как одолжение
и целоваться просто так,
без продолженья.

* * *

Интернет —
это просто большой интернат:
в нем живут одинокие дети,
в нем живут одаренные дети
и совсем несмышленные дети.
А еще в нем живут
кровожадные,
беспощадные,
злые, опасные дети,
которым лучше бы жить
на другой планете.

Но они живут
вместе с нами
в большом интернате,
и от них, словно эхо, разносится:
— Нател! Нател!
Подавитесь! Взорвитесь!
Убейтесь!
Умрите, суки! —
и другие подобные звуки.

Мы бы вырубili им свет,
но боимся тьмы.
Мы позвали бы взрослых,
но взрослые — это мы.

* * *

За ткацкий стан, за виноградный пресс,
 За прялку, мялку и иные штуки,
 По мелочи, какими камнерез
 И плотник, позабывшись, ранят руки,

За молоток сапожника, за круг
 Гончарный, за кадушку и опару,
 За кисть, за ножницы для кройки брюк,
 За скрипку, Господи! и за гитару,

За мех кузнечный, дышащий, как грудь,
 За почерневший тигель лаборантский —
 Простишь ли, Боже, нам когда-нибудь
 Щипцы, и дыбу, и сапог испанский?

* * *

Сограждане!
 Затверживайте стихи наизусть,
 загружайте головы Диккенсом
 и Вальтер Скоттом!
 Три аккорда и песенка
 про испанскую грусть
 обернутся спасительным хлебом,
 а то и компотом.

Истинно говорю вам,
 ибо хочу помочь:
 перечитывайте Майн Рида,
 чтоб избежать расправы.
 Сколько бы ни тянулась
 тысяча первая ночь,
 не обезглавят знающего
 последние главы.

Пересказывайте прочитанное,
 упражняйте память и речь,
 подзубрите Овидия —
 он так уместен на зоне!
 И соседи по камере
 будут вас любить и беречь,
 и возьмут под свое покровительство
 воры в законе.

* * *

Корделия, ты дура! Неужели
Так трудно было старику поддаться?
Сказать ему: «Я тоже, милый папа,
Люблю вас больше жизни». Всех-то дел!
Хотела, чтобы сам он догадался,
Кто лучшая из дочерей? Гордячка!
Теперь он мертв, ты тоже, все мертвы.
А Глостер? О, кровавый ужас детства —
Его глазницы — сцена ослепления —
Как будто раскаленное железо
Пролистывали пальцы, торопясь...
На вот, прочти. Я отвернусь. Тебя же
В том акте не было? Читай, читай,
Смотри, что ты наделала, дуреха!
Ну ладно, не реви. Конечно, автор —
Тот фрукт еще, но в следующий раз
Ты своевольничай, сопротивляйся:
Виола, Розалинда, Катарина
Смогли, а ты чем хуже? Как щенок,
Тяни его зубами за штанину —
В игру, в комедию! Законы жанра
Нас выведут на свет... На, вытри нос.
Давай сюда платок. Его должна я
Перестирать, прогладить и вернуть
Одной венецианской растеряхе
В соседний том. Прости, что накричала.
Отцу привет. И помни: как щенок!

ДВЕНАДЦАТЬ С ДОВЕСКОМ

Пенелопины женихи,
островные царьки-пастухи,
разорались, как петухи.

— Выбирай, — кричат, — выбирай!
Не Ормений, так Агелай!
А не то разорим весь край!

Целый день женихи пируют,
соревнуются, маршируют,
по ночам рабынь дрессируют.

У рабынь интересная жизнь:
то мети, то пляши-кружись,
то скомандуют вдруг: «Ложись!..»

А не ляжешь — побьют отчаянно:
обнаглевший гость — хуже Каина.
Двадцать лет как дом без хозяина.

Но хозяин — уже вот-вот:
У Калипсо лет семь, у Цирцеи год
Погостил — и домой плывет.

Входит — бомж бомжом. Присел у стола.
Тут Меланфо на страннике зло сорвала:
У нее, как на грех, задержка была.

Дальше ясно: резня. Женихам — аминь:
только головы лопались вроде дынь.
Подметать позвали рабынь.

Заодно допросили: ты, тварь! с врагами валялась?
Не реветь! не давить на жалость!
Значит, плохо сопротивлялась!..

Нянька старая, Эвриклея,
указала, от радости млея,
на двенадцать развратниц — почище да покруглее.

А потом Телемах под присмотром бати
их повесил — всех — на одном корабельном канате
(любопытная вышла конструкция, кстати).

Как флажки, трепыхались они у крыльца.
Это ж первое дело для молодца —
заслужить одобренье отца.

Слава Марсу! Смерть голоногим девкам
и Меланфо, горячке дерзкой
с ее двухнедельной задержкой,

о которой никто
никогда
не узнал

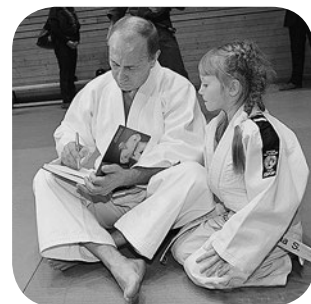

Елена САЗАНОВИЧ

Елена Сазанович — писатель, драматург, сценарист, член Союза писателей России, член Высшего творческого совета Московской городской организации Союза писателей России, главный редактор международного аналитического журнала «Геополитика».

Лауреат литературных премий: журнала «Юность» имени Бориса Полевого; имени Михаила Ломоносова; имени Н. В. Гоголя в конкурсе Московской городской организации Союза писателей России и Союза писателей-переводчиков «Лучшая книга 2008—2010 годов»; Союза писателей России «Светить всегда» имени В. В. Маяковского; международного литературного журнала TRAFIKA (Прага — Нью-Йорк).

Наряду с другими известными писателями и деятелями культуры в 2006 и 2007 годах была представлена в альбоме-ежегоднике «Женщины Москвы».

«Юность» продолжает развивать новую рубрику — «100 книг, которые потрясли мир». Не только потому, что продолжают споры вокруг предложения Владимира Путина о списке 100 книг, которые должен прочитать каждый выпускник школы. Не только потому, чтобы выявить свои вкусы или чье-то безвкусие. И не потому, что в мире существует всего 100 книг, которые почитать еще как стоит. Конечно, их гораздо, гораздо больше. Но на эту сотню книг обратить внимание стоит — чтобы отблагодарить и время, и планету, которые породили великих писателей.

Уважаемые читатели! Редакция предлагает всем вместе составить список 100 книг, которые потрясли мир и которые необходимо прочитать каждому выпускнику. Ждем ваших писем! Всем спасибо за первые отклики!

ФРЭНСИС СКОТТ ФИЦДЖЕРАЛЬД. «ВЕЛИКИЙ ГЭТСБИ» И АМЕРИКАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Иногда кажется, что он сочинил свою жизнь. Легко и мучительно. Точно так же, как сочинял свои романы. Легко и мучительно. Словно не судьба нагнала его. А он захотел, чтобы его судьба была именно такой. Чтобы американская мечта закончилась неизбежной американской трагедией. А джаз неизбежно оборвался реквиемом... Впрочем, не нам судить его судьбу. Потому что он, вполне возможно, ее бы запросто оправдал. Ее «Крушение». И, вполне возможно, не задумываясь бы ее повторил...

Фрэнсис Скотт Фицджеральд. Классик американской литературы «потерянного поколения», появившегося после Первой мировой войны. Писатель редкого и щедрого таланта. Рано познавший, что за талант расплачиваются. За свой талант,

такой неуловимый и неповторимый, такой нежный и лиричный, как «узор бабочки на стекле»... За свой талант он заплатил дорого. Слишком дорого. Хотя все начиналось с «эпохи джаза». Термин, придуманный Фицджеральдом и ставший символом времени. И сам писатель стал неким символом этого времени. Возможно, его талисманом. Или пророком. Нет — скорее, заложником. Эпоха от Первой мировой до Великой депрессии. Он не просто придумал этот термин. Он откровенно принял эту эпоху. И стал жить по ее законам. Слишком уж откровенно. Когда «всю страну охватила жажда наслаждений и погоня за удовольствиями»...

До экономического кризиса 1929 года еще так далеко! А пока «Америка затевала самый массо-

вый, самый шумный карнавал за всю свою историю». И в это время всеобщего карнавала Фицджеральд надевает карнавальный костюм. В это время всеобщего маскарада примеряет на лицо маску. Как весело жить! Сиюминутно. Плевать на честный труд! Плевать на своих отцов и дедов! Места для Бога нет. Можно все взять от жизни — здесь и сейчас! И так хочется, чтобы праздник никогда не кончался. Брызги шампанского, ананасы в шампанском, и мы смеемся в лицо жизни. И жизнь смеется в лицо нам. Да будет вечный праздник! Но праздник не может длиться бесконечно. Впрочем, им, ребятам из джаза, такого ритмичного, хаотичного, так не кажется. А почему бы и нет? Главное, чтобы наступило «прекрасное утро». И потом — все сначала... Пьяно и весело жить! И утолять жажду жизни... Но жизнь получается все-таки с похмелья. И это понимал Фицджеральд. И мало кто понимал его. Что на этом карнавале-маскараде он оставался собой. Мучеником. И каким-то очень уж посторонним. Он всю жизнь доказывал, что необходим этому миру. Что не только мир — для него, но и он — для мира. И назван Скотт был в честь своего двоюродного прадеда, автора текста государственного гимна США «Усеянное звездами знамя» Фрэнсиса Скотта Ки.

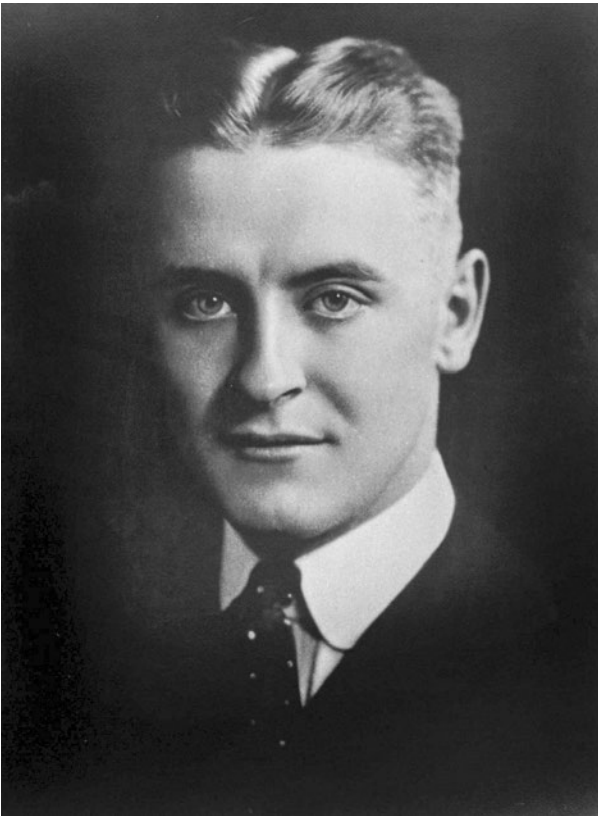
Его семья из знатного ирландского рода знала и богатство, и разорение. Фицджеральд получил прекрасное образование в престижном Принстонском университете. Но его не раз обвиняли (в том числе и его друг-соперник Хэмингуэй), что он очарован миром богатых, так «не похожих на нас с вами». Это — легенда о Фицджеральде. Которая убивала истину. Но он был гораздо умнее этой легенды. Его творчество не нуждалось в демонстрации ужасов войны, крови и пота. В отличие от творчества того же Хемингуэя. Искусство имеет право быть разным. И в этом его сила. Разным почерком писать об одном мире. Творчество Фицджеральда тоньше и глубже доказало, что он сам был полон «незатухающей ненависти» к этим «непохожим». Прекрасно понимая, что осуществление «американской мечты» — всего лишь иллюзия, которая приведет к неизбежной расплате...

Но легенда о Фицджеральде навязчиво завоевывала место под солнцем. Гертруда Стайн писала, что он «создал новое поколение». Значит — виноват? В поколении гламурных бездельников, разрушителей, преклоняющихся перед золотым тельцом? В чем еще виноват? В своей любви к Зельде? Такой экзальтированной, такой остроумной и умной, такой сумасшедшей? За любовь не судят. Это его любовь. И его муза. Музу не судят тем более. Музы, как и творчество, — разные.

Может, Зельда и была «главной ошибкой» Фицджеральда. А может, без нее он вообще ничего бы не написал? Не все трезво переживают свой взлет. И не все — падение. Он трезво не пережил ни то ни другое.

А пока, «По эту сторону рая», его ждал ошеломительный успех. Судьба повернулась к нему лицом. Молодость, слава, любовь. Что еще нужно в жизни? «Прекрасные, но обреченные» в эпоху «Сказок о веке джаза» не думали о своей обреченности. Хотя как знать... Его самым великим романом стал «Великий Гэтсби». Автор и сам считал его вершиной творчества. Время это проверило. «Великий Гэтсби» обязателен для прочтения в старших классах средней школы и в вузах во многих англоязычных странах. А в 1998 году роман был опубликован в списке 100 лучших англоязычных произведений XX столетия по версии издательства Modern Library, в котором это произведение Фицджеральда заняло вторую строчку.

Этот роман можно назвать по-разному. И «Утраченные иллюзии», и «Американская трагедия». И даже — «Братья Карамазовы»... Сам писатель сравнивал «Гэтсби» и «Карамазовых», считая обожаемого им Достоевского идеалом творчества: «"Великий Гэтсби" — не столько драма отдельной личности, сколько драма большой идеи, получившей ложное воплощение...» Но Фицджеральд назвал его «Великий Гэтсби». Здесь и ирония, и разочарование. Ложное и истинное. И между ними — Гэтсби. Ложное время «самой дорогостоящей оргии» под звуки сумасшедшего джаза. Время, которое уничтожило не одну жизнь. Гэтсби, великий незаурядный Гэтсби, типичный американский «мечтатель», даже влюбленный романтик, с грустью вззирающий на звездное небо. А на деле всего лишь нувориш, спекулянт спиртным. И не только. Всю свою жизнь посвятивший убогой, дешевой цели. Богатству. Убога и дешева его любовь, к ногам которой он бросил всю свою судьбу. И за которую заплатил дорого — жизнью. Убог и дешев его «праздник жизни», где гости — манекены в гламурных нарядах. И ни одного друга. И пустота разговоров, где в голосах «звенят деньги». Сплетни, безвкусная роскошь и фейерверк, затмевающий настоящие звезды. А истина в том, что этот насквозь фальшивый праздник не может не закончиться «взрывом». В финале три смерти. Только на первый взгляд кажется, что смерть Гэтсби бессмысленна. Нет, она необратима. Это типичная американская трагедия, в которой нет места для нравственного здоровья и веры. Потому что способы, которые Гэтсби выбрал для осуществления «американской

мечты», — далеко не чисты и не честны... И все же Фицджеральд оставляет место для искреннего сочувствия к Гэтсби. Может быть, из-за яркой неоднозначности героя. Или его тайны. Или интеллигентности, которая гораздо интеллигентней, чем у всех этих аристократов... Но ни за какие деньги не купить любовь, совесть, дружбу, счастье. Биографию. И праздник. И даже «одно прекрасное утро». «Гэтсби верил в зеленый огонек, свет невероятного будущего счастья, которое отодвигается с каждым годом. Пусть оно ускользнуло сегодня, не беда — завтра мы побежим еще быстрее, еще дальше станем протягивать руки... И в одно прекрасное утро... Так мы и пытаемся плыть вперед, борясь с течением, а оно все сносит и сносит наши суденышки обратно в прошлое...»

Его последним романом стал «Последний магнат». Который имел все шансы затмить «Великого Гэтсби», если бы Фицджеральд его дописал. Потому что на смену «эпохе джаза» пришла «эпоха красных». Мало кто знает, что Фицджеральд понял эту эпоху. И ее масштабы, и значимость. Или не хотят знать? Что смелый, порядочный коммунист Бриммер — далеко не случайный герой этого романа. Он появляется в одном — последнем — эпизоде, которым и заканчивается рукопись. Он уже совсем другой герой. Наступало время не

«джазменов», не «потерянных», не пустых идеалистов. И не бутлегеров... Фицджеральд прекрасно знал, что где-то есть и справедливость, и правда. Только не легенда. Но до конца нам это так и не смог сказать. Хотя так хотел... Его герои неизбежно разбивались в шальной погоне за «американской мечтой». Как и его поколение. Поколение разбитой мечты. И зачем мы хотели и еще хотим это повторить? В нашей стране, которая единственная познала и легенду, и правду. Что есть истинное и что ложное. Что есть начало конца. Что есть конец. И что есть — конец для начала...

Между этими двумя романами — «Ночь нежна». Но для писателя уже наступила просто ночь. Как-то быстро судьба повернулась к нему спиной. К концу 20-х годов его популярность упала. До самой смерти он вынужден был выживать, зарабатывая коммерческими рассказами и сценариями. Над ним с удовольствием поиздевались и издательства, и Голливуд. Он сам писал, что его использовали как чернорабочего. Но им он отомстил после смерти. Когда и издательства, и Голливуд уже дрались за право его издавать и экранизировать. Даже великий Феллини в своих «8 1/2» устами одного из героев назвал Фицджеральда по-настоящему единственно великим художником... А тогда он мучился, сжигал себя, пытался свести счеты с жизнью. Любовь оказалась больной. Друзья предавали. Тяжелее всего он переживал, когда Хемингуэй бросил в него ироничную и резкую фразу в «Снегах Килиманджаро» о «бедняге Фицджеральде» и его «восторженном благоговении перед богатыми». Легенда не умирала. Истина еще не родилась. Накануне сорокалетия писателя посетил «чуткий» корреспондент «Нью-Йорк пост» и нашел его не в лучшей форме. А в юбилейной статье назвал его «писателем-пророком послевоенных неврастеников»...

Фрэнсис Скотт Фицджеральд умер в 44 года. Ни одна книга его уже не печаталась. На столе лежал «Последний магнат». Незаконченный... Как жаль, что так все закончилось... В письме к дочери он как-то написал: «Поэзия — это или огонь, горящий в твоей душе, как музыка в душе музыканта, как марксизм в душе коммуниста. Или ничто, пустое и скучное дело...» Фицджеральд выбрал огонь, а не пустоту. Он сжигал свою жизнь. Ради того, чтобы под магическую музыку слов зажечь огонь в сердцах читателей. И зажег. Навсегда. Как и еще 99 писателей, которые потрясли мир.

Михаил ПОПОВ

Окончание. Начало в № 10, 11 за 2014 г.

ОДИНОКАЯ ВОСЬМИКЛАСНИЦА ЖЕЛАЕТ ПОЗНАКОМИТЬСЯ

ПОВЕСТЬ

Рисунок Юлии Спасовской

Фома сидел за столом, составленным из трех обыкновенных обеденных столов и накрытым старой, зеленовато-выгоревшего цвета тканью. Справа от него занимал место Фашист, слева Лера. Перед «великим инквизитором» лежала затертая книжка карманного формата и стоял графин с водой. Действие происходило в пошивочном цеху. Мила вводила по одному мальчиков и девочек на съедение высокой комиссии.

— Итак, юные сеньоры, на повестке этого дождливого дня у нас один, но важнейший вопрос: «Устав караульной и гарнизонной службы, обязанности часового». Не сомневаюсь, вам очень и очень пригодятся в жизни эти выстраданные веками военного прошлого нашей родины знания. К барьеру!

Борин, прищурился правый глаз, левым как будто высматривал паука в отдаленном углу и медленно вываливал слова, как олады:

— Часовой обязан бдительно и стойко защищать свой пост.

— Бдительно охранять и стойко защищать, — поправлял председатель комиссии.

Телефонщик начал с нескольких медленных вздохов и продолжил еще более медленно:

— Он должен нести службу бодро, ни на что не отвлекаться, не выпустить из рук оружия. — И про-

тянул свои руки вперед ладонями вверх, показывая, что у него нет в руках любимого оружия, и замолк.

— Запомни, — заметил ему Фома, немного нырнув вперед корпусом, — бодро! Бодро нести службу и ни на что не отвлекаться. Ты меня понял?!

Шпиляускасов ввели парой. Мила, работавшая привратницей, сделала извиняющийся жест — мол, как мне в них разбираться?

Тату с пирсингом начали фантазировать на пару:

— Продвигаясь так это немного по указанному маршруту...

— Или заседаю высоко на вышке...

— Внимательно смотреть за окрестностями...

— И докладывать, если что, как идет служба.

— Не оставлять поста никому...

— Даже если смерть начнет ему угрожать...

Фома уже было собрался обрушить на них вал поправок, бумажка с текстом зло плясала у него в пальцах, но тут один из Шпиляускасов выдал длинную, абсолютно аутентичную цитату:

— Самовольное оставление поста является преступлением против военной службы.

Фома пожевал губами и махнул рукой: черт с вами — зачет! Муха и Коробков выдумывали ничуть не меньше Шпиляускасов, но им тоже было засчитано.

Голова и Барракуда по просьбе Лизы подготовились как следует, от зубов отскакивало и аж позвякивало. Лиза сказала, что их команда не имеет права дать Фоме повода для формальных придинок.

Интересно, что такая хорошая подготовленность экзаменатора не обрадовала. Он знал, что эти двое из банды Земляникиной. Он прищурился и продолжил допрос:

— А вот изложи-ка мне, Голованов, как ты видишь идейное обоснование суворовской «Науки побеждать».

Разумеется, последовало полнейшее фиаско, особенно неприятное для человека с репутацией интеллектуала.

И вот является пред очи комиссии Лиза. Она-то, естественно, подготовилась великолепно. Знала, что никакого послабления ей не будет. Вот вам ваши «обязанности часового».

Фома выслушал, кивнул. В глазах Десантника (после похода к роднику к нему вернулась прежняя кличка) плавало обычное похмельное равнодушие, Лера и Мила разочарованно подняли брови, они с удовольствием предвкушали расправу шефа над худышкой-выскачкой.

— Земляникина, вы отчего-то захотели проходить испытание по программе, утвержденной для юношей. Так уж извольте соответствовать. Что вы можете сказать про идейное обоснование...

Лиза кивнула и выдала все, что надобно по суворовской части.

Лера и Мила все больше мрачнели по ходу ответа. Когда Лиза закончила, они искоса поглядели с двух сторон на начальника — что теперь будешь делать?

— Ну что ж, отлично. Теоретическую часть вы освоили. Хвалю. Но знаете, Земляникина, что жаль?

— Что? — с вызовом спросила Лиза, уверенная в своих силах.

— Даже при том, что вы зазубрили назубок обязанности часового, я не могу объявить вас представителем мужского пола.

Лиза молчала. Он издевается, но так, что трудно подкопаться.

— Но это еще полбеды.

Лиза прищурилась, собралась внутренне, ожидая, в чем будет заключаться вторая часть беды.

— Я не могу освободить вас от экзамена, предусмотренного для особ пола, более соответствующего вашей природной сущности.

Так, пронеслось в голове неукротимой Лизы, «Домостроем» будет гнобить, корявый гад. В самом начале она ведь была на паре нудных Леро-

Миных лекций по теме. Собраться, что там было? Она собралась, и начали всплывать на поверхность сознания какие-то отдельные слова. «Домострой», «редакция Сильвестра». «Записи на весь год...», «Чин свадебный...», «Ложные молитвы и заговоры...», «Жалости праведного спасения...».

— Я не буду сильно тебя мучить, Лиза. Давай самое простое, без чего человеку на земле не прожить, если, скажем, кризис всемирной финансовой системы сметет спекулятивную экономику, как ветер природы сдувает семена летучие с одуванчика.

«Может, он бредит?» — с надеждой подумала Лиза. К сожалению, демагоги не бредят.

— Расскажи мне главку, да хотя бы перескажи, «Огород и сад как водить».

Лера и Мила расплылись в довольных улыбках, и они становились тем шире, чем дольше молчала Лиза.

— А ведь в домоустроении без них, сада и огорода, не обойтись. Глядь-поглядь, а питание надобно добывать откуда-то. Чтобы того же бдительного часового накормить хотя бы. Я тебя не виню, Лиза. Но не могу отпустить без того, чтобы не дать малый хотя бы тебе урок. Пригласите Елену Даниленко.

Эта влетела, сияя. Лиза покосилась на нее с искренней злостью. Даниленко была выше нее больше чем на голову, с совершенно определившимися формами, от нее исходили особого рода женская свежесть и что-то еще Лизе непонятное, а в данный момент и враждебное.

Без всякого приглашения подсадная утка зататорила:

— А у которого человека огородец и кто пашет огород, сам ли государь дозирует, или государыня, или кому приказано; первое — городьба перекрепити, чтобы в огород собаки, ни свиньи, ни курам, ни гусям, ни уткам и всякой животине взойти не имут ни с чужого двора, ни с своего, ино яблоням и всякому плоду пакости нет, а суседы остуды...

— Полно.

— Что? — сбилась Даниленко.

— В смысле хватит. Кстати, остуды — это по-тогдашнему «упреки». Странно, не слишком, по-моему, точно. Упреки еще никого не остужали. Спасибо, Лена. Тебе — отлично и даже благодарность!

Даниленко засияла, было видно, как ей приятно угодить начальнику. Вот сука, подумала Лиза, и даже не упрекнула себя за то, что думает такое плохое слово. Нельзя же быть такой прислужницей палачей! Эх, Лена, Лена.

— А тебе, Лиза, все равно — зачет. Я же не изверг и вижу: ты старалась. Иди и помни: знание — сила! Старое русское слово, оно огромные возможности в себе таит. Оно нам еще может пригодиться на жизненном пути.

Лиза развернулась и увидела, что дверь в кабинет открыта и битком забита любопытствующими физиономиями. Свидетелей ее экзекуции и триумфа Ленки-приспособленки было много. Голова и Барракуда в их числе.

Общество кучковалось на плацу посреди лагерного двора, когда на внутреннем крыльце появился Граф со свернутым плакатом в руках и загадочным выражением лица. Оглянулся на директора, тот кивнул — давай, и мастер уродования краской разнообразных городских поверхностей развернул и поднял над головой натянутую на две палки простыню. На ней было начертано: «А теперь — дискотека!»

Дети, конечно, не знали, что это цитата из старинного, еще советских времен анекдота, их обрадовала сама сообщаемая в лозунге информация. Девчонки запрыгали, хлопая в ладоши, мальчики одобрительно заревели или присвистнули.

Но оказалось, что «теперь» — это только к вечеру.

— А пока — приборка! — объявил Фома.

— Приборы будем изучать? — с внезапным оживлением поинтересовался телефонщик Тиша.

Директор, понимая, что это не подначка, пояснил — так на флоте называют уборку.

Тиша рассеянно оглянулся, будто спрашивая — мы уже на флоте?

Фома сухо сплюнул, признавая, что с перевоспитанием именно этого подростка он точно не справился, и махнул рукой — пошли! Уже через пятнадцать минут работа кипела по всему корпусу. Метлы, швабры, тряпки, ведра. Десантник потащил на свалку мешок для строительного мусора, в котором выразительно звякали пустые бутылки. Эту работу он хотел доверить кому-нибудь из лагерников, но Фома неостроумно заявил ему «все свое носи с собой». Если бы рядом оказалась Агриппина Александровна, она могла бы подумать, что директор лагеря делает это из педагогических соображений. Но недолго бы пребывала в приятном заблуждении.

— Но мы же сегодня сами им выставим, — довольно удивился Десантник.

— Вот именно, — заметил Фома. — Пусть думают, что для них сделано исключение. А до того у нас тут был сухой закон.

— Ой, боюсь, что они так давно уже не думают, — сказала Лера.

Человек в камуфляже уплелся, сердитым кряхтением осуждая ханжество руководства.

Даниленко назначили бригадиром на приборке «пошивочного цеха» и всей «женской половины».

— Вон то окно — твое, — повелела она Лизе.

— А ты?

— Пересчитаю флаги, — заявила бригадирша, выходя из спальни.

Лиза подошла к окну, подышала на него, попыталась написать на маленьком облачке какое-то слово, но не успела. За окном происходило что-то интересное.

Одновременно из коридора донесся взвизг Каринэ. Лиза невольно обернулась, а когда вновь выглянула в окно, интересное уже завернуло за угол. В коридоре, как выяснилось, ничего особенного не произошло. Там развлекалась Даниленко, она играла в свою новую дурацкую игру — «невидимая рука». Подкравшись к углубившейся в работу девочке, резко хватала ее голень или локоть.

Нет, думала Лиза, надо взять себя в руки и признать поражение. Соратников она растеряла, к решению загадки — что задумал Фома? — не приблизилась, лишилась авторитета в глазах даже самых последних лагерников. Надо просто вымыть это окно, а может быть, и еще одно. Потанцевать на дискотеке, хотя никакого интереса к танцам нет, лечь спать...

Продолжая размышлять в этом направлении, Лиза осторожно открыла створку окна, выглянула, повертела головой и начала выбираться наружу. Она просто посмотрит, куда это отправился директор (именно его крадущаяся фигура вызвала у нее интерес пару минут назад), очень уж у него был сильно заговорщицкий вид, когда он пересек плац и исчезал за углом.

Когда она уже полностью выбралась наружу и попыталась определить, не видит ли ее кто-нибудь из окон «мужского» корпуса, из коридора донесся еще один взвизг: теперь, кажется, Лужина стала жертвой «невидимой руки».

— Надо поговорить, — сказала Лиза Голове и Барракуде.

Она нашла их у волейбольной площадки. Первый медитировал, положив на колени картонную клавиатуру, острые пальцы перебегали по ней с такой скоростью, будто танцевали замечательный молдавский танец жок. Барракуда отрывался на перекладине. Три подряд выхода силой, потом пять подъемов переворотом, и все это ни разу не опустившись на землю.

— Только факты, — продолжила Лиза в ответ на их молчание. — Помните рюкзак Фашиста? Он вернулся без него с кладбища.

— Там был тайно зарезанный младенец?

— Нет, Голова, там была ванна Фомы. Сан Саныч отнес ее на кладбище и спрятал в церкви.

— И что? — сказал все же запыхавшийся Барракуда, спрыгивая с перекладки. — Ну не будет Фома теперь сидеть в походной ванне по вечерам.

— Но зачем именно на кладбище?

Парни ответа не знали и, судя по всему, не на многое были готовы ради того, чтобы узнать.

— Что-то еще? — спросил, вздыхая, Голова.

— Конечно. Я, пока тут то да се, прошлась под видом, что ищу мыло, через весь корпус и нашла в каморке, где малюет Граф, простыню скомканную, а на ней красный крест.

— Ну видела ты такое в избушке у ручья, и что? — сказал Барракуда недовольно, хотя было видно — он понимает: все не так просто.

— Тут есть связь, — сказала Лиза.

— Есть-то есть, Граф малюет по приказу Фомы всякое, поэтому его и в лес не гоняли с лопатой, но нам-то что? — опять вздохнул Голова, пряча картонку за поленницу.

— Избушка эта непростая.

— Да, Лиза, непростая. Как-то она связана с Фомой. Может, Граф делал интерьеры для нее, — усмехнулся Барракуда.

Голова тер переносицу:

— Красное на белом — это тамплиерское сочетание цветов.

Гимнаст покосился на друга: о чем это ты? Тот вздохнул:

— Ну, были рыцари такие. Давно. Их еще сожгли потом.

Лиза прищурилась:

— Рыцари, говоришь? Понятно.

— Что тебе, Лиза, понятно? — устало поинтересовался Голова.

— На избушку эту у Фомы какие-то планы. Барракуда, ты бы поговорил с Графом, может быть...

— Нет, Лиз, нет. Бесполезно. Граф не проболтается, иначе Фома его сошлет на общие работы. Да и вряд ли Фома посвящал его в какие-то планы. Если у него есть какие-то там планы.

Голова тихо и кисло усмехнулся:

— Фома — тамплиер.

— Не всех сожгли, один выжил, — сказала Лиза без улыбки. — С избушкой мы не разобрались, а есть ведь еще и кладбище.

И избушка не вызывала у парней никакого азарта, а уж слово «кладбище» действовало на них подобно зубной боли.

— Туда надо сходить.

— Что? — спросили оба с совершенно одинаковым выражением голоса.

— Ночью.

— Почему ночью?

— Потому что все произойдет именно сегодня ночью, когда мы будем, затанцованные, до упаду дрыхнуть. После дискотеки.

Голова поднял руки успокаивающим движением:

— Послушай, почему ты никогда не хочешь применить принцип Оккама в своих рассуждениях?

Лиза и Барракуда одновременно повернули к нему головы.

— Почему ты не ищешь никогда простого объяснения, а подразумеваешь какое-нибудь очень сложное? И для тряпки с красным крестом, и для ванны Фомы наверняка есть простое объяснение. Просто ты, или пусть мы, его не знаем.

— Так «мы» или уже окончательно «ты»?

— Не придирайся к словам, — заныл Голова, не выносивший морально мучительных ситуаций.

— И вообще, — взвился Барракуда, — куда именно идти ты хочешь ночью: к избушке или на кладбище?

— Вот ты где! — радостно и злобно воскликнула Даниленко, появляясь из-за сосны.

Лиза закусил губу, чтобы не сказать лишнего.

— Кто за тебя помоешь окошко?

— Невидимая рука.

— Ах так... — Бригадирша ушла с угрожающим шагом.

Парни несколько секунд сопели, глядя на щепки в траве. Барракуда не выдержал первым:

— Мы никуда не пойдем ночью. Ни в избушку, ни на кладбище.

Лиза кивнула. Отошла на несколько шагов и полубернувшись бросила:

— Я вам последние новости не сообщила. Кошки пропали. Обе. И Мамка, и Дочка.

— Послушай, — крикнул ей вслед Барракуда, — ты считаешь, что мы трусы?

— Нет, — опять обернулась Лиза. — Вы просто перестали мне верить, а это моя вина. — И ушла.

Парни некоторое время молчали, не глядя друг на друга.

— Стыдно, — сказал Голова.

— Стыдно. Но на кладбище ночью я все равно не хочу идти.

— И в избушку тоже.

Дискотеку устроили на свежем воздухе. На плацу. Установили музыкальный центр на внутреннем крыльце под плакатом Графа. Ужин перенесли

«на попозже» и растянули «на подольше». После этого родниковцев распустили «привести себя в порядок». Когда самоуглубленная Лужина поинтересовалась у Леры, что имеется в виду, та довольно грубо ответила, мол, ноги помой! И уши, добавила Мила.

Темнело об эту пору поздно, дождались первых теней на опушках вокруг лагеря и легкого синего оттенка в воздухе, и тогда родственник дяди Васи врубил технику.

— Мы что, будем танцевать под дедушкины ноты? — тут же раздался голоса.

Сан Саныч, которого назначили диск-жокеем и которому, видимо, было велено сегодня, пусть и через силу, но потакать вкусам публики, мрачно поинтересовался:

— Чего вам надо?

— А дайте нам порыться в вашей коробке! — сказал Муха.

— Черепной! — кто-то пискнул в задних рядах.

Господин Камуфляж сделал вид, что не услышал, и вручил Мухе и Каринэ стопку дисков, зачерпнутых огромной пятерней из коробки.

— Что там есть? — кричали с плаца.

Оказалось, что «старье»: Шевчук, Бутусов, «Чайфы», «Агата Кристи».

Десантник, чтобы снять с себя подозрения в музыкальной отсталости, пояснил, что это «архив шефа».

— А такого я не знаю, какие-то «Новые ворота», альбом называется «Чертополох». — Каринэ показала толпе пластиковый прямоугольник.

— Наверняка чепуха, — поступили мнения из толпы, никто про такую группу не слышал.

— А, вот-вот, нашла-нашла! — радостно сообщила Каринэ.

Музыка заработала.

Постепенно темнело.

Внутренний двор лагеря понемножку начинал напоминать провинциальный молодежный клуб. Обнаружилось, что диск-жокей на сегодня еще и бармен. Он подмигивал то одному, то другому пареньку, уводил в штаб и там давал глотнуть из горла «Арбатского». Мила и Лера, принявшие по паре стаканов, видимо, еще до начала мероприятия, яростно отплясывали «с мальчиками». И Барракуда, и Муха, и Борин, и Шпиляускасы охотно им соответствовали. И даже Голова, и, конечно, Коробков, успевавший между танцами сделать пару затяжек за каким-нибудь углом.

Только Тиша сидел в сторонке. Лиза, топчась среди самых скромных девушек, чтобы не привлекать внимания своим неучастием в танцах, ви-

дела его, издали сочувствовала его позе очень уставшего от этой жизни человека.

Десантник тоже его высмотрел. Подошел, о чем-то они поговорили. Телефонщик встал, поднялся вслед за ним на крыльцо и скрылся в здании. Через пару минут они вышли. Диск-жокей придерживал парня, не превосходящего по толщине миноискатель, одной рукой. В другой руке у него была бутылка. Правда, он ее быстро поставил под стол с музыкальными колонками, но Лизе все стало ясно.

Десантник слегка подтолкнул подпоенного Тишу в толпу танцующих, тот в нее ввинтился, пошатываясь и время от времени выкидывая несуразные коленца, но еще до конца танца вывинтился и за спиной у отвлекшегося распорядителя проскользнул обратно в здание.

Сопьется, поняла Лиза, но не стала ничего сообщать взрослым. Решила действовать сама.

Незаметно.

И очень быстро.

Шустрой тенью скользнула в здание и сразу обнаружила, что парень направляется не к штабу, где хранился, судя по всему, резерв дешевого алкоголя, а в сторону спальни. Там он рухнул навзничь на постель и тихо заплакал.

Лиза вернулась на крыльцо, и вовремя, Десантник уже оглядывался. Сделала вид, что роется в дисках. Когда началась следующая зубдробительная композиция, спустилась к танцующим, пробралась к Голове и дернула его за рукав. Он только поморщился:

— Ли-за, я же...

— Я о другом.

И она быстро изложила ему ситуацию: исихазм телефонщика вошел в стадию обострения.

— Так чего ты от меня хочешь?!

Она объяснила.

— Куда ты зарыл свой телефон?

Голова вздохнул:

— Он же мне его разрядит, если... но если человек так уж мучается.

— Да-да, иди незаметно отрой.

— Да ладно, он давно у меня уже в матрасе.

— Тогда сунь ему в руку, иначе, я не знаю, как бы не свихнулся парень.

Голова, недовольно пыхтя ноздрями, ушел. Через пару минут вернулся.

— Ну что? — спросила Лиза.

— Черт его знает! Может, ты и права, он перестал плакать и даже зачмокал во сне.

— Он спит? Вернее, спал?

— Плакал и спал.

— О чем вы тут? — подкатил Барракуда. — Поглядите, какая вокруг темнотища. Даже если бы я согласился сегодня днем, то сейчас...

— Мы спасли человека, — сказал ему Голова.

— От чего?

— От бессмысленных мучений, — сообщила Лиза.

— Чего-чего?

— От SMS-исихазма, — пояснил Голова.

— А-а, ну да.

— Кстати, ребята, вы обратили внимание, Фома-то нигде нет.

Парни, не сговариваясь, ринулись танцевать.

Лиза вздохнула.

Еще некоторое время она притворялась участницей веселой пьяной дискотеки, внимательно приглядываясь к деталям обстановки. Ей тоже не хотелось в лес. Она была уверена, что прямо сейчас там, в черных мрачных глубинах, начинается что-то ужасное, иначе бы Фома не устроил эту жуткую провокацию с пьянкой. Ему надо полностью парализовать любые попытки любопытствующих. Значит, готовится что-то не только отвратное, но и важное. Думать в такой ситуации о том, что в лесу может быть страшно, просто смешно.

И отправляться на неизбежную разведку надо будет уже скоро.

Только вот ускользнуть нужно незаметно. И Десантник, хоть уже и поднабрался, как всегда, и Мила с Лерой, хоть и отчебучивают всю, и шпионочка Ленка наверняка не дремлют. Кстати, именно она и опаснее всех.

Что делать?

— А почему это вы только мальчиков спаиваете? — подкравшись сзади к диск-жокею, спросила она.

Тот развернулся медленно, как баржа. Один глаз прищурен, другой недоверчив.

— А ты что, хочешь?

— Вот именно.

— Только сделаем вид, что ты сама нашла.

— Само собой.

Держа за спиной якобы найденную в штабе бутылку вина, Лиза позвала, выглянув из окна, Даниленко.

— Лена, можно тебя на два слова.

Та явилась, шумно дыша.

— Чего тебе?

— Давай выпьем. Только штопора нет.

Шпионка хмыкнула и каменным пальцем продавila пробку внутрь. Сделали по первому глотку.

— Ну, говори, чего тебе?

— Слушай, а чего тебе от меня надо, Лена? Чего ты за мной следишь, бегаешь к Фоме, докладываешь. Чего тебе от меня надо?

Сделали еще по глотку, причем Лиза лишь притворилась.

— От тебя, Земляникина, мне ничего не надо.

— Только...

— Уж, поверь, неподруга.

— Но у меня такое впечатление, что ты и приехала сюда из-за меня.

Даниленко чуть не подавилась своим третьим глотком.

— Поверь, я приехала сюда не из-за тебя.

— Я тебе не верю.

— А мне плевать.

Даниленко собралась уходить, но Лиза еще не полностью выполнила свой план. Она потребовала бутылку, сделала вид, что надолго к ней припала, потом вдруг качнулась к стене и изобразила, что ей ужасно плохо.

— Поплыла, малышка?

— Отведи меня...

— В койку захотелось?

— Помоги...

Через десять минут Лиза уже бежала темным лесом в сторону потаенной избушки.

В сторону избушки. Во-первых, потому, что окна девичьей спальни смотрели в ту сторону. Во-вторых, до избушки было раза в два ближе, чем до кладбища. Может быть, удастся разрешить проблему без того, чтобы тащиться ночью на лежбище мертвецов.

И поначалу показалось, что все складывается удачно. На порыве вдохновения, полученного при удачном бегстве из-под надзора подлой Даниленко, Лиза пронеслась половину пути до избушки легко, ни разу не сорвавшись с тропы в тихую, но недружелюбную лесную тьму. А все потому, что у нее появилась союзница — полная, щедрая, застывшая в наилучшем положении луна. Все, что нужно, было освещено, все, что не нужно или страшно, как бы не существовало.

И вот он уже, их напрасный раскоп. Лиза съехала в него по песчаному склону, вскарабкалась на рыхлый бруствер и тут почувствовала, что с этого момента никто ей подыгрывать уже не будет. Луна оставалась висеть, где было велено, но путь лежал теперь правее, куда-то под тяжелый, непроницаемый хвойный навес, и никаких троп там не предполагалось. Чтобы не дать заработать воображению, Лиза глотнула воздуха и решительно, хотя и небыстро зашагала вниз по склону. Тут же слегка подвернула ногу, оцарапала щеку и

потеряла представление, какого же ей держаться маршрута. В дневном лесу она сориентировалась бы легко, но лес-то ночной.

Главное — не останавливаться. Кроме того, известно: нужно идти вниз по пологому склону, пока не наткнешься на ручей.

И шла. Обходила черные пирамиды елей, обирала с лица налипшую паутину, спотыкалась о кочки и валяющиеся ветки. Готова была ко всем страшилкам, которые мог обрушить на нее лес. Заранее думала о них.

Ну, выпь закричит выпью, ежик шуршанет старой листвой. Ведь ни анаконды, ни даже сколько-нибудь полноценные волки в патриотических лесах давно уж не водятся.

«А если баба страшная?» — предательски подсказал из-за угла сознания тонкий голосок. Не могли же Голова с Барракудой выдумать полностью из ничего всю эту страшилку. Она вдруг вспомнила, как они прятались под одеялом в ее кровати.

Чушь!

И тут...

Нет, не выпь. Блеснуло что-то впереди. А-а, текущая водица. Надо взять левее, это ручей. Далеко он или близко? Лиза сделала несколько осторожных шагов, потом еще несколько, еще более осторожных, и съехала куда-то вниз обеими ногами. Как давеча в темный окоп. В хлюп и холод. Это он! Ручей.

Кроссовки и джинсы до колен, конечно... Но только вперед! Трудно бродить по ночному ручью почти в полной темноте, да еще и не вполне различая, каков противоположный берег. Что это под ногами? Наверное, поваленный ствол. Ну не анаконда же, в самом деле. А, это дерн, противоположный берег, и днем он был чуть выше и обрывист. Выбралась. Осмотрелась, хотя ничего видно не было. Переобулась. Выжала носки, вытрясла мокрый мусор из кроссовок. Опять осмотрелась. Было такое впечатление, что тьма, стоящая прямо перед нею, темнее, чем тьма в других направлениях.

Помедлила так с полминуты, пока не сообразила, что стоит прямо напротив той самой избушки. Как будто это не Лиза ее разыскивала, а, наоборот, избушка ее высмотрела и встретила. И луна вдруг проявила стыдливость, освещает что угодно — текущую воду, вершины елей, край пепельно-синего облака, — только не таинственную эту дачку. Лиза помотала головой: только бы не похолодеть от какой-нибудь идиотской мысли, типа место здесь не чистое.

Взяла себя в руки, но руки эти стали настоятельно разворачивать ее в обратном направле-

нии: пора нам, голубушка, и домой возвращаться, все ведь разведано, никакого преступления здесь не обнаружено, и Фома замышления свои рядит где-то в иных местах, и поэтому никакого резона торчать в расшифрованной темноте нет.

А не дурочка ли ты, в самом деле, спросила она себя и долго медлила с ответом. Не может же быть так, что все, и даже очень неплохие парни, как Голова и Барракуда, ошибались, и только она была права. Никто ничего не видит и не чувствует, а она и видит, и чувствует.

Только все время ловит пустышку.

Домой, девушка. Ножки сушить, переодеваться, рыдать в подушку от жестокой обиды на свою собственную глупость. Ты и так сделала немало. Все струсили, а ты вон куда забралась одна. Ты роиня, Лиза, хотя пока тебе не повезло.

Но тут из-за холма с окопами донесся обрывок звука продолжающейся дискотеки, и Лиза ехидно над собой усмехнулась. Тоже мне покорительница пещер и дебрей. К тому же она вспомнила фразу, оброненную как-то вскользь и не для ее слуха Фомой: «Я люблю природу, но желательно, чтобы на горизонте все время маячил официант». Он был так противен в этот момент, так самодоволен... Лиза поняла, что признает его победу, победу его отношения к жизни, если сейчас струсит среди темной, мокрой природы, в то время как на горизонте слуха маячит музыкальная белиберда и пьянствует целый лагерь.

Лагерь пьянствует, а Фома-то действует. Нет ведь его на танцах. Он не просто спрятался где-то, чтобы не отвечать потом за всеобщую пьяную вакханалию, он удалился по делу.

Куда удалился?

«И ты еще спрашиваешь?» — спросила Лиза себя.

Теперь-то окончательно ясно — кладбище!

Пусть и тупым методом исключения, но враг локализован.

«Да не боюсь я вашего кладбища!» — внутренне крикнула Лиза, чтобы заглушить мысль о том, как ей страшно.

Чтобы доказать себе отсутствие страха, она обошла вокруг намертво темной избушки и даже заглянула в одно из окошек. Страшно было?

Если бы в этот момент там, на дискотеке, включили «Эти глаза напротив», наверное, вздрогнула бы, хотя это любимая песня бабушки и она всегда крутит ее, когда выпивает с одноклассницей, районным прокурором Татьяной Ивановной.

Ну хорошо, ты не боишься, но ты ведь не знаешь дороги. Даже приблизительно. География всегда была самым нелюбимым предметом Лизы,

и в этом она походила на всех других женщин, хотя почти ни в чем другом на них не походила.

И стоило ей найти серьезную причину вернуться, как она увидела... Ведь это просека? Та самая, для электрических вышек? По ней ходили мы походом. Провода угодливо лоснятся под луной. Ночное светило опять на нашей стороне.

Еще шагов за пятьдесят до кладбищенской ограды Лиза притормозила и стала двигаться перебежками от ствола к кусту, пережидая и прислушиваясь.

Было понятно, что впереди что-то не так.

Лиза забыла о мокрых ногах да и вообще о чем бы то ни было. Даже если бы мимо проползла анаконда с двадцатью кричащими выпями на спине, она бы не обратила на нее внимания. Хорошо еще, что сосны подходили к кладбищу вплотную, да еще и в сопровождении негустого подлеска. На ограду Лиза просто-таки налетела, схватилась вытянутыми руками за граненые ржавые прутья. Дала себе приказ — спокойно! Закрыла глаза, воспроизвела в голове схему окрестности, пытаюсь определить, где у объекта вход, и отправилась приставным шагом вправо, к ближайшему углу, перебирая железные штыри. Если бы у нее была возможность, она могла бы подивиться устройству ограды: некоторые прутья были погнуты, другие вовсе отсутствовали, как зубы в челюсти старца. Можно подумать, что некогда между окружающим миром и погостом шло интенсивное, и не через законные ворота, общение, кто-то силой проникал туда или вырывался оттуда. При том что вход не платный. Ворот вообще никаких нет, насколько она помнила.

Лиза выглянула из-за углового кирпичного столба, изгрызенного временем. На площадке перед входом стояла тихая эскадра внедорожников с погашенными фарами. Замеченный ею еще на просеке колеблющийся свет, стало быть, производился не ими. В центре строя располагался полуавтобус с лестницей из никелированной стали, шедшей по гребню от ветрового стекла до выхлопной трубы. Вожак динозавров. На спинах машин лежал лунный лак, но богато хромированные морды переливались не чистым серебром, к нему добавлялись всполохи живого, подвижного света из ворот кладбища. Оттуда же шел и приглушенный гул голосов. Лиза прикинула, получалось, что метрах в двадцати или тридцати от входа, где-то на площадке перед провалившейся внутрь себя церковью, происходило нечто...

Лиза поняла, что умрет, если не увидит, что именно.

Но как туда подобраться?

Мимо этого черно-лунного архипелага — немыслимо. Ни за что не рассмотреть, остался внутри кто-нибудь или нет. Слишком рискованно.

Но тогда что? Через эту дыру в ограде и затем тихо между заросшими могилками, приседая за кустами и выглядывая из-за памятников. И тут Лиза поняла, что хоть план правильный и единственный, она очень не хочет приступать к его исполнению. Может, все-таки рискнуть и вдоль заборчика к машинам, а потом... там все освещено, и ближе все равно не подберешься. Народу явно немало, один случайный взгляд...

Но лезть на территорию запущенного захоронения остро не хотелось.

Уж не страшно ли тебе, Лиза? Чего ты боишься? Просто надо быть осторожной и удрать, если станет горячо.

Она подняла ногу, вдруг ощутив, что нога все еще влажная — забыла об этом от волнения, — и просунула ее в широкий просвет между прутьями. Следом отправила голову и плечо. И, наконец, переступила внутрь и второй ногой.

Куда двигаться, было понятно и даже уже обдуманно, как. Да, именно что приседая, гусиным шагом, опираясь о холодные бока памятников. Главное — не шуметь. Взять левее. Отдышаться. Тут на четвереньках, а тут можно и по-пластунски. Отличная позиция, если чуть втиснуться между валуном и гранитной плитой, то... нет, мешает разлапистый кленовый лист, невинно трепыхающийся на ночном ветерке. Лиза протянула вперед руку, переломила двумя ногтями его черешок, и тогда перед нею открылась картина.

— Эй, дисковод, чего спим?! — крикнул Барракуда, когда музыка прекратилась минуты на три.

— А тут никого нет, — сообщил взбежавший на крыльцо Коробков.

— Ну так поставь чего-нибудь, — чуть развязно попросила Лужина, пряча за спиной переданную ей бутылку вина. Она хотела выпить, но только чтобы на нее не смотрели.

— Поройся в коробке, Коробков, — был еще совет от кого-то.

— А давайте вот это, группа «Новые ворота», композишен — «Чертополох». — Курильщик, прищурившись, рассматривал добытый из коробки диск.

— Не надо! — скомандовала Даниленко, появляясь откуда-то и как всегда в самый нужный момент. — Никто не разрешал.

— Что значит, никто не разрешал? — возмутился Коробков, а за ним многие из тех, кто еще мог стоять на ногах и кого не рвало где-нибудь за углом.

— Фашист нам разрешил ставить что захотим, — настаивала Каринэ.

— Так и ставьте что хотите, а этого не надо.

— Почему? — явился на крыльцо Борин.

Лена толкнула его в грудь, так что он отступил на две ступеньки вниз.

— Потому что все равно ничего не поймете.

— Что там понимать, «Новые ворота» какие-то, мы что, бараны? — Борин попытался вернуться на прежние позиции.

— Вот именно, — буркнула Даниленко и тут же сменила тему разговора: — А где Фашист? Где Сан Саныч?

— И Леры с Милой тоже нет, — зевнула уже успевшая хлебнуть Каринэ.

— Где он? — строго спросила Даниленко тоном бригадирши, с которой полномочия не сняты.

— Тебе говорят — никого, и непонятно где, — сказал Коробков.

— И не надо никого звать, — высказали хором общее мнение Лужина, поэтесса и еще кто-то.

Даниленко вырвала из рук Коробкова компакт-диск и решительно двинулась внутрь здания. Но курильщик показал ей вслед язык, и извлек из кармана другой, и был очень удивлен, когда обнаружилось, что он держит в руках опять те же самые «Новые ворота».

— Давай, — кричали ему, — ставь!

Он потряс запяневшей головой.

— Ничего не понимаю.

— Чего тебе там понимать, ставь!

Борин вернулся на крыльцо, взял из рук Коробкова его непонятную добычу, прищурился на нее мощной щекой, а потом громко объявил:

— А знаете, кто автор? Олег Фоменко. «Новые ворота» — это его ворота!

Несколько секунд стояло молчание, потом быстрее всех соображавший Муха присвистнул:

— Так это Фомы песенки!

Снова появилась Даниленко и бросилась к Борину, но он отстранил ее тяжелой рукой. А Коробков крикнул:

— Да тут их целая упаковка!

— Ой-ой-ой! — опять присвистнул Муха. — Мы бараны, а он, что, — серый волк?!

— Давайте поставим, хоть поржем!

Точка обзора была не очень-то удобная, немного снизу вверх, отчего наблюдаемая сцена приобретала дополнительную значительность.

По углам площадки стояли люди в темных и длинных одеждах с неестественно белыми лицами, они держали в каждой руке по полыхающему факелу, как в фильмах про средневековье. Ко-

лебания пламени создавали тревожное настроение. Центром композиции была, конечно же, та плита с нечитаемыми письменами. На ней стояло какое-то дополнительное сооружение, вроде как еще одна плита. По углам этого двухэтажного сооружения располагались люди, опять-таки в черном, но лица не белые, а в отсвечивающих нервным золотом масках. Глаза — черные провалы. В руках непонятные предметы: у одного, кажется, нож, у другого — черная палка, что у третьего и четвертого — не разобрать.

Тихо. Только потрескивают факелы.

Было понятно, что действие находится в изготавившемся состоянии и для запуска нужен еще кто-то.

Прибежал человек со стороны автомобильной стоянки, звучно скрипя песком. По пояс голый. В руках у него был продолговатый ящик. Он не задержался у плиты и бросился к церковной руине. Только тут Лиза обнаружила, что вход в нее закрыт черным занавесом. Человек с ящиком исчез внутри. Значит, Фома там, решила Лиза. Он не последний перец на этом костюмированном представлении.

Из-за занавеса раздался металлический звук, как будто ударили один раз в не очень звонкие литавры, а вслед за этим донеслось низкое, очень низкое, на грани слышимости гудение. У Лизы мелькнула мысль о каком-то старинном роге.

Полы занавеса разошлись, и появился... нет, не Фома. Огромный дядька, голый по пояс, устрашающе пузатый, в правой руке толстый жезл с навершием в виде черного орла. На голове огромный, развесистый убор из рогов, перьев и всякого другого торчащего. Через плечо у него висела шкура леопарда. Выступал он важно, медленно. За ним семенил тот самый, что прибежал со стороны стоянки, давешний футляр он нес на вытянутых руках, на глазах у него теперь была полумаска из серебристого материала. Почему-то от вида этой полумаски Лизе сделалось невыносимо смешно. Она даже на секунду уткнулась лицом в холодную траву, чтобы скрыть возможные звуки.

Мужчина с жезлом подошел к двухэтажной плите и встал в вершине сооружения, всем своим жреческим фасадом в сторону затаившейся Лизы. Ударил жезлом в землю, удар невидимых литавр раздался почти в то же самое мгновение, совпадение получилось впечатляющим. И даже пламя факелов рвануло куда-то в почти едином порыве.

Занавес опять разошелся, и вот тут уж явился и Фома. Лиза уткнулась лицом в ладони, чтобы не прыснуть. Настоятель лагеря «Родник родины» был в черном одеянии на манер пончо, но из-под

него торчали джинсовые ноги. Видимо, не нашлось одежды в полный рост. В вытянутой правой руке он нес мешок. Мешок вел себя, как живой. Он шевелился и даже издавал звуки. Хотя они были не очень кошачьими, Лиза поняла — Мамка и Дочка. Ах ты, сволочь!

Фома с поклоном протянул мешок мужчине с плоским ящиком. Тот засуетился — в этом месте явно имелась недоработка в сценарии, торопливо отворил ящик, достал оттуда большой кривой нож с широченным лезвием и рукоятью в металлических кружевах. Все это обливалось факельным огнем, поблескивало, и становилось понятно, что нож очень непростой. Нож был передан «жрецу». После этого у Фомы взяли мешок, и он получил возможность ретироваться, что и сделал, шагая задом наперед и в полупоклоне. Какой актер погибает, подумала Лиза, но ей уже было не до юмора. Она лихорадочно прикидывала, как бы помочь кошкам, которых явно сейчас как минимум будут мучить. Крикнуть что-нибудь из-за могилки и тикать, ведь перетрухнут и не сразу бросятся искать. Или не испугаются, сразу поймут — голос детский, но все равно Фоме с их стороны respekта не будет за то, что не оградил кладбище от вторжения своих диких воспитанников.

Черный служка достал за шиворот бедного зверька. И это была не кошка, что сбило с Лизу с толку.

Леопардовый принял кролика и почти сразу же полоснул его своим ножиком, держа над верхней плитой. Кровь из ушастого брызнула, люди с факелами в это же самое мгновение что-то запели сквозь зубы, негромко, не слишком и слаженно, но это еще сильнее подействовало на Лизу. И она никак не смогла отреагировать на то, как «жрец» расправлялся со следующей жертвой, с Мамкой. После этого была еще и курица. Убивец отсек ей голову и довольно долго держал в перевернутом виде над сооружением. Лиза слышала, что деревенские куры, лишившись головы, еще могут бегать по двору. Эта свое последнее путешествие совершила в пятернях рогатого уroda. Потом он ее отбросил. Тут же подбежал Фома и забрал ее тушку в мешок, как до этого поступил и с кроликом, и с кошкой. Прислужник палачей!

Лизу бесшумно подташнивало, она укрывала эти судороги в ту самую траву, в которую она прятала свой смех.

А потом стало еще противнее.

«Жрец» поднял свой жезл и воткнул нижний конец в верхнюю плиту, и тут Лиза поняла, что никакая это не плита. Он воткнул и стал там размещать что-то. Не камень же.

Это была походная ванна Фомы.

Родниковая вода с животной кровью.

Лиза опять ощутила порыв подступающей рвоты, но не дала ему развиваться, несколько раз быстро сглотнув.

Раздался удар гонга, и из-за раздвинувшегося занавеса появилась... нет, не невинная девушка, как была уверена Лиза, а мужичок лет тридцати пяти, с острой бородкой, выпученными глазами, странноватой улыбкой и абсолютно голый. За ним явились две девы в белых одеяниях. Они не вели мужичка, а сопровождали, а он даже как бы выказывал что-то вроде радости от того, что с ним происходит.

Когда он медленно полез в кровавую купальню, Лиза отвернулась. Не хватало еще...

«Жрец» начал читать «молитву». На языке, звучащем знакомо, или нет, все же незнакомо. Эх, Голову бы сюда. И этот в купели начал отвечать.

«Жрец» три раза ударил жезлом в землю, голоса факельщиков стали звучнее, принимающий ванну хрипло и истерично воскликнул что-то. Леопардовый вознес руки вверх. Купальщик стал подниматься из кровавой своей жижи, и Лиза снова быстро упала лбом в траву. Этого, вновь народившегося из волшебного котла, обмазанного разведенной животной кровью, она видеть не хотела.

Пролежала она в таком положении с минуту, давая возможность окунувшемуся выбраться из ванны и во что-нибудь облачиться. Предполагавшаяся ею процедура происходила на уже привычном звуковом фоне: что-то гундосил на незнакомом языке леопардовый, редкими восклицаниями отвечали факельщики, хором и непонятно, имели место и звуки не вполне идентифицируемые, но они не были на первом плане.

И в этот момент Лиза ощутила некое движение у себя за спиной. Как будто кто-то очень осторожный крался от ограды кладбища к освещенной площадке. Примерно так же, как она давеча.

Первая мысль — служба охраны шабаша, кто-то же должен следить, чтобы никто не подсматривал. Бродит вокруг парочка скрытных специалистов, вынохивает и высматривает.

Тогда надо затаиться еще сильнее. Авось бродят на авось, и именно ее проникновения внутрь никто не видел.

А если это та громадная бабица? Все же Голова с Барракудой видели кого-то. В сложившейся ситуации Лиза почувствовала, что скептицизма у нее сильно поубавилось.

А «это» подбирается все ближе. Не собака, потому что, чувствуется, откуда-то сверху, с высоты метра в два. Но тогда этого гостя должно

быть видно участникам шабаша. А может, их, наоборот, успокаивает вид бдительной охраны, блуждающей меж могилками.

В этот момент Лиза почувствовала, что шум действия вокруг кроватной ванны стих. И сразу стало очень-очень страшно. Тем более что не посмотришь, что там. Лиза знала — шевелиться нельзя.

Сколько секунд длилось чудовищное общее молчание, Лиза не считала, а кончилось оно страшным звуковым взрывом.

Завопили все. И мужчины, и женщины. Тут уж затаившаяся девочка чуть выехала лицом из ладоней и кое-что увидела. Последний день Помпеев. Полуголые люди, вопя, бегут в разные стороны, мечутся огни факелов. Хлещет темная вода из перевернутой ванны.

Лиза не утратила хладнокровия и очень быстро сообразила, что нужно делать. Надо тикать. Именно тикать, а не убегать. Основная толпа валила в сторону кладбищенских ворот. Да так быстро!

Лиза осторожно вывернула шею, чтобы одним прищуренным глазком глянуть, что там, за спиной, не нависла ли над ней какая-нибудь оскаленная пасть.

Нет, никого.

И тоже стала пробираться почти ползком в сторону выхода, огибая памятники, чтобы не бежать по открытому пространству. Из-за этого она потеряла несколько секунд, и в тот момент, когда она еще только собиралась выскользнуть за ворота, уже всю хлопали двери лендкрузеров.

Лиза понимала, что ей тоже нужно уехать на машине, бежать до лагеря по ночной дороге после всего этого... Лиза вскочила, опершись о ближайший памятник, и тут случились сразу две вещи. Во-первых, она зашипела, отдернув руку, потому что памятник показался ей горячим, как сковородка. Во-вторых, в этот момент она смотрела назад, туда, где... Сцена освещалась мощным, истерическим светом ночного светила. Директор лагеря в одиночестве стоял, задрвав огромную кудрявую голову. Он закричал что-то страшным и одновременно виноватым голосом и, раскинув руки, повалился спиной на залитый отвратительной жидкостью камень. Как будто в лоб ему попал невидимый камень.

Больше Лиза ничего не увидела, она со всех ног летела к последнему из уезжавших авто. Микроавтобус тяжело, дергано выворачивал к дороге. Лиза едва успела догнать его и прыгнула сзади на металлическую лестницу, вцепившись в нее всеми четырьмя конечностями.

Качаясь на волнах проселочной дороги, как корабль, автобус, ноя, словно и ему было страшно, набирал скорость.

Лиза оглянулась.

Никого. Никакой монстр не скакал, перебирая шестью лапами, по дороге вслед за автобусом.

Когда подъезжали к повороту в сторону «Родника», Лиза постучала ладонью в заднее стекло. Изнутри раздался испуганный визг сразу нескольких молоденьких сатанисток. Насмотрелись всякой дряни по мистическому каналу, вот и решили, что кто-то их догнал, как всегда бывает в мистических фильмах. Автобус дернулся, потерял на мгновение скорость. Лизе этого хватило. Она спрыгнула в кучу песка, даже не полетев с ног. И побежала к лагерю, время от времени оглядываясь.

Первой мыслью было — организовать оборону! Если на кладбище что-то такое очнулось и взбесилось, оно может и в «Родник» явиться. Для начала надо всех собрать в одном месте.

У внутреннего крыльца еще продолжалось расслабленное коловращение. Некоторые, конечно, перебрали «Арбатского» и отдыхали кто по углам, кто в травке, но основная часть все же еще резвилась.

Лиза решительно выключила музмашину и доходчиво, кратко, но с впечатляющими деталями изложила, что произошло. Ее вид подтверждал слова. Щека расцарапана, комбинезон в грязи... Не то чтобы ей так прямо взяли и поверили. Были и язвительные шуточки в ее адрес и отмахивания: да иди ты, Земляникина!

С самой напористой критикой накинулась отодвинутая с первого места иерархии Даниленко, но услышав про то, что случилось с Фомой, сникла и выглядела ошарашеннее других. И среди прочих обалдевших она выглядела самой обалдевшей.

— Надо Десантника звать и Леру с Милой! — предложил кто-то.

— Так зовите! — сказала Лиза.

Даниленко первой бросилась исполнять приказание. Молодец, подумала ей вслед Лиза, все же быстро одумывается.

— Так что это было? — спросил Борин, последним осознавший услышанное.

Лиза честно пожала плечами: не знаю. Скорей всего, Фома обслуживал ночную сходку сатанистов-кошкодавов, на этом он, наверное, и зарабатывает основные деньги. Все шло пышно, с дурацкой театральностью, но почему-то бац — вдруг все чего-то испугались, а чего именно, она не рассмотрела.

— А точно там было... что-то? — спросил Граф.

— А чего бы все так рванули?

— А ты сама все-таки что видела? Конкретно! — Это уже Коробков.

Лиза обвела собравшихся взглядом, которым в таких ситуациях обводят собравшихся. Рассказ, как подкрадывалось сзади чье-то дыхание, был все же не слишком внятн, она это понимала. И дыхание ли это было? Но кто-то же подсек Фому, так что здоровый дяденька рухнул спиной вперед. Пусть с остальными был просто приступ паники, но Фома-то лежит там — то ли раненый, то ли еще хуже.

— Нет, — прибежала Даниленко, — они там заперлись. Втроем.

— Что они там делают?

— Спят, — доложила Лужина.

— Надо позвонить в скорую. И в ментовку, — предложил Голова.

— Позвони, — подсказали ему.

Он убежал.

— Надо что-то делать! — нервно пискнула Даниленко.

Лиза кивнула, в общем, бригадирша была права, только бы побольше конкретики.

— Может, лучше этих разбудить? — имея в виду руководство, заметил Коробков.

Даниленко сокрушенно и отрицательно покачала головой.

Появился Голова. С телефоном. Он держал его двумя руками и что-то пытался из него выдавить нервными пальцами.

— Посадил батарею. Вы только посмотрите, сколько он послал эсэмэсок!

Барракуда посмотрел, и брови его полезли на лоб.

Вслед за ним вышел, зевая, телефонщик Тиша. У него был счастливый, похмелившийся вид.

— Ты кому писал?! — накинулся на него Голова.

Тот непонимающе вертел головой.

— А все-таки, может, этих как-то можно вытащить? Сказать, что пожар, — предложила Каринэ план мобилизации уединившегося руководства.

— Да! Вытащить! — поддержал ее Гарик.

— Идите попробуйте, — зло буркнула Даниленко. — Они там... Что же делать?!

— Надо самим что-то придумать, — заявила Лиза голосом человека, уже все придумавшего.

— Самим? Что самим? — усомнился Борин и за ним Шпиляускасы.

— Самим вытаскивать Фому.

— Ты имеешь в виду, туда идти, на кладбище?

— Да, Борин, да! Фома же лежит на кладбище — значит, туда! — твердо сказала Лиза.

— Пусть полежит, не замерзнет! — жестко отрезала Лужина.

— Мы должны его вытащить.

— Иди, Земляникина, сама и вытаскивай. Ты уж там была, дорожку знаешь, — усмехнулся Граф.

— Да, правда, он взрослый человек. Может, он уже и сам сюда идет! — сказала Каринэ, глядя в землю.

Все прекрасно понимали: это начальник лагеря должен защищать их, а не наоборот.

Лиза старалась не смотреть на Голову и Барракуда. Она специально их никак не выделяла, как бы снимая с них старую присягу.

— Нельзя же бросать человека одного ночью. Я видела, как он упал. Как раненый. Может, он сознание потерял, а может, и чего похуже.

— А что случилось? — спросил телефонщик.

— Пожа-ар! — раздался крик внутри здания. Все невольно обернулись. Орала Даниленко, очень громко и даже как-то диковато: — Пожа-а-ар!!!

Послышалось какое-то движение. Крики, мат, и вскоре на крыльце показался голый по пояс Десантник. В руках у него — неработающий огнетушитель, лицо покрывал толстый слой бессмысленного выражения. Почти сразу же вслед за ним явились биологичка и химичка. Они стреляли вокруг злыми глазами и все время поправляли то прическу, то одежду. Мужчина ничего не понимал, и объяснения Лизы выслушали учительницы. Станным образом они быстро и легко поверили рассказу Лизы, как будто заранее были готовы к тому, что рано или поздно нечто подобное случится.

— Никто никуда не пойдет, — заявила Лера.

— Нет, я пойду и позвоню, — сказала Мила.

Был момент общего беспорядка и организационной бессмыслицы. Телефон Милы не работал, телефон Леры работал плохо. Там, куда она дозванивалась, никто ничего не мог понять. Да она и не могла объяснить толком, что ей нужно.

Наконец что-то дошло и до Десантника. Он заявил, что должен идти «вынимать шефа с кичи», но сделав всего лишь несколько шагов, подвернул ногу и треснулся щекой о выскочившее из темноты дерево, избородил лоб, и его сразу стало жалче, чем лежащего на кладбище. Лера и Мила захлопотали над ним и заявили, что он, конечно же, никуда идти не может.

— Ладно, — сказала Лиза спокойно, — вы тут до кого-нибудь дозванивайтесь, я сама схожу посмотрю. Я его бросила, я и...

Заявив это почти общему собранию лагерников, уже очухавшемуся от дешевого вина и сильно встревоженному, она развернулась и пошла к сараю, собираясь взять металлическую тележку на колесах. Сначала ее провожали общим молчанием. Потом вдруг из молчаливой толпы выскочила Даниленко:

— Я пойду с тобой!

Лиза думала, что в этот вечер ее уже ничто не сможет удивить.

— Пойдешь?

— Да, давай быстрее. А то он там замерзнет.

— А если эта фигня на нас нападет?

— Но ты же сказала, что и не видела ничего. Она только дышала над тобой.

— Мы не можем вас отпустить! — воскликнула Лера, но на нее никто не обратил внимания.

Однако Лиза немного играла, демонстрируя непреклонность. Одной идти на кладбище во второй раз ей жуть как не хотелось, потому что страшно теперь было не по-детски! Она рассчитывала, что все устыдятся, или большинство хотя бы, и пойдут все вместе. А теперь все складывалось совсем плохо. Теперь, если она сама раздумает, то получится, что эта Ленка...

Они дошли до сарая, отвязали трехколесную тележку и, грохоча расхлябанным железом, потащили ее в ночь, держа за проволочный повод.

— Стойте! — Это был не Барракуда, как надеялась Лиза.

Муха побежал к ним.

— Не надо телегу. Вон там стоит школьный пикап, я вам заведу, открою и заведу. Но на кладбище я, ну, не поеду... Вы водить-то пробовали?

— Нет, — сказала Лиза, Даниленко помотала головой.

— Ладно, — вздохнул Барракуда, появляясь из темноты. — Я немного учился.

Муха, как и обещал, буквально за пару секунд разобрался с поцарапанным китайским полугрузовичком.

— Так, действуем очень быстро, — сказала Лиза, когда они втроем уселись в кабину.

— Можно, я буду это говорить? — буркнул Барракуда.

В дверь стукнули снаружи. Даниленко вскрикнула. Лиза поняла, до какой степени напряжены у нее нервы.

Это был Голова.

— Он тяжелый, втроем не поднимите, — хмуро сообщил он.

— Может, останешься? — спросила Лиза у Даниленко.

— Молчи, сука, — прошипела та едва слышно.

— Ну, по газам!

Водить машину Барракуда, конечно же, не умел, и без того полурассыпавшееся дитя китайского экономического чуда виляло, дребезжало, налетая на кочку или корень, коробка скоростей хрустела, как коробка костей. Но никто не сказал пилоту ни слова. Все остальные умели в этом смыс-

ле еще меньше. Да и, кроме того, заняты были пристальным осмотром пересекаемых окрестностей. Вздрагивали, заведев подозрительную тень или дернувшийся куст. До вскриков не доходило.

Барракуда рулил, от волнения у него текло из носа, он все время тер там тыльными сторонами ладоней, отчего в его облике добавлялось лихости.

Даже со скоростью тридцать в час добрались быстро. Вот они, ворота. Впереди что-то мигнуло — непогасший факел? Или «оно»?

— Надо задом, — просипел Голова.

— Не умею задом. Заглохнем.

— Можно объехать кругом того камня, — сказала Лиза.

— Никого, — сообщила Даниленко, почти прилипшая лицом к лобовому стеклу.

Барракуда нажал по ошибке на тормоз, машину тряхнуло, она даже на мгновение захлебнулась, но перевалила эту неприятность, и вот они на кладбище. Луна уже уходила по своим делам, но в качестве подарка появилась напоследок как раз в том месте, где некогда был купол церкви.

— Вон он! — прошептала Даниленко.

Фома съехал со своего каменного ложа и теперь полусидел, прижавшись спиной к плите, свалившись головой на правое плечо, руки упирались в землю. Корыто с кошачьей кровью валялось, видимо, по другую сторону камня. Еще можно было разглядеть чадающий, попискивающий светом факел, кто-то в момент бегства воткнул его в песок.

Грузовичок Барракуды старательно рисовал колесами крендель вокруг этой картинки, население кабины вертело головами — откуда «оно» рванет на них?

Сделав полный круг, грузовик стал бампером к воротам и полукузовом к сидящему. И тут выяснилось, что никто не спешит покинуть кабину. Хоть какая-то, но защита.

— Ну, — сказал Барракуда.

Как и все шоферы, он не считал погрузку своим делом.

— Пусти, — резко сказала Даниленко сидевшему у двери Голове и двинула его бедром. Он вылетел первым, но прижался спиной к машине. Бригадирша сразу кинулась к сидящему.

— Олег!

Лиза старалась не отстать.

— А вдруг оно уже там? — прошептал Голова.

Даниленко подняла голову директора, и из его рта не высунулся язык вселившегося чудовища, и глаза не распахнулись струями адского пламени.

Барракуда уже возился с замками заднего борта. Потом подошел к девушкам.

— Так, — скомандовала Лиза, — вы с Головой — за ноги, мы — за руки.

Быстрая, тревожная рука Даниленко гладила Фому по волосам, по лицу.

— Голова, ты где? Иди сюда... Где он, Барракуда?

— Сейчас, Лиза.

Щукин обогнул машину.

— Нашел время!

— Я не знаю, я не знаю. — Голова стремительно застегивал штаны.

Человек без чувств намного тяжелее человека с чувствами. На раз-два не вышло. Фома зацепился карманом за выступ в днище кузова. Треснула ткань, пыхтящие дети несколько раз перегруппировывались, наконец, «завалили» директора, как выразился Барракуда. Лицом в железное дно.

— Все, валим!

— Да, Барракуда, валим.

— Я с ним, — объявила Даниленко, забираясь в кузов.

Лиза не могла допустить, чтобы кто-то проявил больше смелости, чем она.

— Я с тобой.

— Сиди в кабине, — процедила ей Даниленко, — я сама.

Обратно ехали веселей, с ощущением, что, кажется, проскочили! Сделали хорошее дело — ах, какие мы все-таки молодцы! — и проскочили.

Трясущийся Голова поинтересовался:

— А чего это она так с ним? Прямо любовь.

— А ты не знал? Я давно догадывался. Ленка из-за Фомы в лагерь рванула. Именно что любовь.

Лиза мысленно присвистнула. Вот оно, оказывается, в чем дело! И как это Барракуда догадался, а она нет?

На середине пути Даниленко, державшая голову директора на коленях, вдруг постучала в заднее окно кабины. И стала показывать одной рукой какие-то знаки.

— Что там у нее? — срывающимся голосом спросил Голова.

— Как что, погоня! — сказала Лиза.

— Ты кого-то видишь? — напрягся Барракуда.

— Я вижу Даниленко. На ней лица нет. Даже в темноте понятно, что ей страшно.

— Гони! — крикнул Голова.

— Да гоню я, гоню! Что там за грохот?

— Задний борт открылся.

Но вот уже поворот к лагерю, еще каких-то пятьдесят метров — и грузовичок тормозит у внешнего крыльца. На нем все свои. Немного протрезвевший, с забинтованной мордой Десантник, покачиваясь, бежит к машине. Борин и

Шпиляускасы помогают ему взять на плечо тело директора.

— А Ленка тоже без сознания, — говорит Лужина. — Ни фига себе...

— Она что-то видела, — сказала Лиза.

— Что? — хором повернулись к ней Лера и Мила.

— Откуда я знаю, у нее спросите.

— Ей чем-то надо потереть виски, — посоветовала Каринэ.

Лиза подошла к Барракуде:

— Ты закрывал задний борт?

— Что ты хочешь сказать?

— Если он мог сам открыться от тряски — это одно. Если нет...

— Что? Что, если нет?

— Если не сам, то эта штука придет за нами сюда.

— Да? — Барракуда повернул в сторону невидимого кладбища.

— Куда ты его отнес? — спросила Лиза почти протрезвевшего Десантника.

— К нему в кабинет.

— Неправильно. Неси в штаб. Всем там собратись! — Она повернулась к Миле и Лере: — Обеспечьте явку. Никому нельзя оставаться на улице.

— Да-да, я, кстати, дозвонилась, кажется, до МЧС, — затараторила Мила.

Лера схватила первую попавшуюся — поэтесу — и пихнула ее в сторону крыльца.

— МЧС прибудет после катастрофы, — усмехнулась Лиза. — Такая у них работа.

— Так чего нам ждать, как думаешь? — Барракуда продолжал всматриваться, медленно ворочая головой.

— Кажется, придумала.

— А откуда знаешь, что нужно делать? — спросил Голова.

— Само в голову приходит. Теперь вот точно знаю: нам надо забаррикадироваться. В штабе.

Десантник бросился к ближайшему сараю.

— Далеко не уходить! Из поля видимости не пропадать! — крикнула Лиза, он кивнул на бегу. Шумно сгреб кучу лопат и, широко дыша перегаром, уже спешил обратно.

— Подопрем, — сообщил он. — Изнутри.

Лиза кивнула и сказала Миле:

— А в милицию вы звонили, в скорую?

— Звонила, только что я им скажу?

— Так, значит, не звонили.

— Что я им скажу?!

— Рыдайте в трубку, визжите, мол, режут-убивают! Пусть хоть кто-нибудь приедет.

Лужина попыталась схватить Лизу за локоть, та зашипела:

— Смотрите!..

Между деревьями двигались какие-то, можно сказать, силуэты, но не человеческие. Вертикальные сооружения из очень бледного тумана. Они были раза в два выше человеческого роста, но, главное, их очертания...

— Что это? — спросили сразу несколько бес- сильных, сдавшихся голосов.

— Туман, — сказала Лиза.

— Туман? — не поверили ей сразу несколько человек.

— Назад! — повернула к Лужиной страшное в этот момент лицо Лиза. — Всем назад, в штаб.

Барракуда дольше всех задержался на крыльце, прежде чем отступить под защиту стен в предбанник перед штабом, как бы всех прикрывая. Лизе пришлось с силой рвануть его за поясной ремень — давай внутрь! Десантник тут же подпер дверь, как и обещал, штыковой лопатой, очень умело, как будто всегда этим занимался.

— Что это, такое белесоватое, как ель? Их два?

— Нет, Голова, — сказал Муха. — Не белесоватое, и главное — не два.

— Больше?

— Больше, чем два?

— Больше, чем ель, и больше, чем два.

— А может, все же туман? — просительным тоном поинтересовалась Мила.

— Как вам сказать, — начал Барракуда. — Конечно, что-то есть. Но, скорее, воздушное. Такое не могло сломать борт. И оно не прямо тут около крыльца, туман этот, он далеко, он...

И в этот самый момент снаружи что-то надавило на подпертую дверь. Медленно надавило, тяжело. Дверь — хорошая, массивная — захрустела.

Лужина присела от страха. Лера тоже присела рядом, инстинктивно обнимая девочку. Десантник отступил на шаг, Барракуда прижался спиной к стене предбанника.

Прошло несколько секунд. И уже кое-кто начал надеяться — просто почудилось... Но оказалось, что первое тяжелое прикосновение было пробным. И как бы даже слепым. Второе явило и силу, и решительность. Хруст двери стал сильнее, она страдала в нескольких местах на пределе, штык лопаты поехал по полу, снимая стружку. И было ясно, что со всем этим ничего поделаться нельзя, сейчас дверь распахнется.

— Пошла вон! — крикнула Лиза, просто чтобы хоть что-нибудь сделать.

Странно, но это подействовало.

Напор стих.

Вся компания из предбанника, не сговариваясь, отступала и отползала вглубь здания. То, что было

за дверью — они это чувствовали все, — никуда не делось.

Вбежали в штаб, Десантник трясущимися руками, но все же быстро и умело укрепил и вторую дверь.

Лиза взялась пересчитывать людей. Пересчитывать было трудно, кто-то прятался под столами, кто-то скулил за сейфом, Шпиляускасы стояли, обнявшись, за шкафом, где хранилась «библиотека». Коробков нервно курил.

Фома и Даниленко лежали рядышком на диване, оба по-прежнему без сознания.

— Кажется, все здесь, — сказала Лиза.

— Чего оно ждет? — спросил Барракуда, беря наперевес штыковую лопату, врученную ему Десантником. Другие парни — Борин, Муха, Граф, Коробков — тоже получили по увесистому предмету, но ни у кого в глазах не горела жажда боя.

— Оно все еще соображает, почему ты обратилась к нему в женском роде, — хихикнул Голова, обнаруживая то ли присутствие духа, то ли начало истерики.

И как бы в ответ на эти слова задребезжало окно штаба, выходящее во внутренний двор. Активная и нервная сила трясла рамы, да так, что из них посыпалась старинная замазка и стекла уже были готовы вылететь. Внутри было светлее, чем снаружи, из-за горящей настольной лампы, поэтому ничего определенного об облике нападающей силы сказать было нельзя.

— Она зашла с тыла! — просипел Барракуда.

Десантник с криком: «Ах ты, сука!» кинулся к окну, от которого все отшатнулись, с монтировкой в руках. Он был все еще обнажен по пояс, потен от страха и замер у самого стекла, остановленный криком Лизы:

— Не надо!

И атака на стекла прервалась.

Сан Саныч несколько секунд стоял, всматриваясь в непроницаемую темноту за замершими стеклами, рука с железкой медленно опускалась.

Опровергая тактическое соображение Барракуды, вновь раздался грохот с внешней стороны, входная дверь не выдержала, или не выдержала первая лопата. Заскрипела теперь дверь из предбанника в штаб. «Она», уже все о ней думали так, перемещалась почти мгновенно.

— Убирайся! — крикнула Лиза, и это опять подействовало, но не до конца, напор был лишь приглушен, и тут же опять стал нарастать.

Тяжело, как-то даже обреченно дыша, Десантник от окна подошел к двери, его трясло, но было понятно: он решил, что в любом случае первым примет удар.

— Убирайся!

Но крик Лизы на этот раз не помог.

— Не действует! — крикнул Барракуда, выставляя вперед штык своей лопаты. — Ну-ка, парни!

Он встал рядом с Десантником, справа и слева, дрожа, поднялись еще два черенка.

— Нет-нет, не так! — Лиза растирала пальцами виски и уши. — Я поняла: словами надо. Словами! Она слышит.

— Какими еще словами? — обалдело спросила Лера.

— Мы должны найти какие-то слова.

Одновременно с трескающейся дверью загрохотали оба окна.

— Надо ударить каким-то сильным словом, только это может подействовать.

— Каким? Каким словом?! — одновременно спрашивали несколько голосов.

— Да не знаю, любим!

— Заклинание, — вымолвила Каринэ. — Надо заклинание!

— Ну так давай! — велела Лиза.

Каринэ зажмурилась, потеряла ладони друг о друга, как будто вращая невидимую палочку для добычи огня, и затараторила:

— Акцио! Сонорус! Квиетус! Мортморде! Редудио! Круцио! Энгорио! Авода Кентавра!

«Она» явно прислушивалась к этим выкрикам, давление стихло, и собравшимся показалось, что маленькая армянка сейчас всех спасет. Заграничная магия переберет отечественную кладбищенскую чертовщину. Но когда она дошла до «Кентавра», внешняя сила вдруг снова взъярилась и поперла в атаку.

Форточка в одном из окон резко отворилась внутрь, хотя должна была по конструкции открываться только наружу.

— Молчи! — крикнула Лиза.

Каринэ зажала ладонями рот. Все смотрели на Лизу, молчаливо, но выразительно требуя: делай что-нибудь, если уж начала командовать.

— Сам погибай, но товарища выручай! — наугад почти взвизгнула Лиза, вырвав цитату из недавно усвоенного материала. Это не остановило кошмар полностью, но ничего в проломленную внутрь форточку не влезло, хотя все этого с ужасом ждали.

— Йес! — выбросила Земляникина вверх острый кулак.

— Пуля — дура, штык — молодец!

И опять это как минимум не ухудшило состояние дел. Что-то надавливало, роилось, скапливалось там, за дверью и за окнами, слышны были даже звуки передвижения по коридору чего-то

тяжкого, даже, кажется, ползучего. Но, похоже, есть что противопоставить ему.

— Говорите! — крикнула Лиза.

— Что? Что? Чего? — заголосили изо всех углов.

Было такое впечатление, что огромная ноздря с той стороны двери припала к замочной скважине и втянула воздух, а потом выдохнула. Вымпел «Спартака» взмыл под потолок.

— Слова! Нужны любые слова!

Вымпел вспорхнул, отброшенный струей воздуха.

— Пуля дура, штык молодец!

То, что клубилось за окнами и в коридоре, на несколько мгновений как бы осело, озадачилось. Но ненадолго. А потом опять! За спиной вывалился кусок стекла из некогда треснувшей рамы. Лиза сделала шаг вперед и начала быстро ритмически говорить:

— Стреляй редко, но метко! Нога руку подкрепляет, рука руку усиляет! Атакуй, с чем пришел! Руби, коли, гони, отрезывай, не упускай!

Атакующая сила продолжала роиться за дверьми и стеклами, но не переходила к физическому воздействию. Было понятно, что получена только временная передышка, чуть что — атака возобновится.

— Эй, вы, — крикнула Лиза между суворовскими фразами Лере и Миле. — Что вы там знаете?! Гоните «Домострой»!

Всклооченные учительницы переглянулись с видом «чего-чего?». Приказ казался им идиотским, но на них рыкнул Десантник, и они кое-как кое-что загундосили. В этот момент получился неожиданный камбэк. Лежавшая на диване Даниленко резко села и, не открывая глаз, выдала:

— А у доброго человека и у доброй жены, у порядочной и у смышленных, и у разумных, и у благорассудных, и у богобоязненных людей...

— Молодец! — поглядывая на всех воодушевленно, крикнула Лиза и обернулась к остальным: — Шпилюскасы — обязанности часового на посту!

Братья точно так же, как на экзамене, заработали двухтактным двигателем: один — фразу и другой — фразу.

Трудно сказать, до какой степени это действовало, но внутрь эта жуть с улицы все еще не проникла. Она там невидимо бурлила в темноте, похрустывала рамами и дверными створками, шевелила ручки, но напор уже не носил нарастающего характера. Всем было понятно, что метод Земляникиной непонятно почему, непонятно как, но работает.

— А я, а я, мне что говорить? — схватила Лизу за рукав Лужина.

— Да хоть матерись, — сказала Лиза.

Та схватилась руками за щеки и, присев в углу на пол, стала бубнить.

— Е-два, е-четыре! Е-семь, е-пять!

— Так, слушай мою команду! Ни в коем случае не молчать! «Домострой», «Обязанности часового», «Наука побеждать» — все, кто что знает!

Вылетело сразу две шибы, сорвало фиговый листок вымпела, и он аж прилип к низкому потолку.

— Хором, вместе!

Включились все. Голова с Барракудой образovali вторую пару знатоков обязанностей часового на посту и теперь неслись наперегонки к финишу вместе с двойкой Шпиляускасов.

Коробков, Борин, Муха, мало что запомнившие, только подпрыгивали рядом и старались вложиться хоть в какие-то слова. Лиза, не прерывая своего суворовского бубнения, вдруг скомандовала:

— Тихо!

Ей подчинялись беспрекословно. В наступившей тишине было слышно копошение враждебной силы за границами помещения. Нарастающее копошение. Все понятно — стоит им перестать декламировать, «она» снова крепнет и подступает. Скандирование «Науки побеждать» и «Домостроя» позволяло лишь держать оборону.

Кроме звуков внешней нечисти, в кристальной тишине штаба были слышны и еще какие-то звуки. Фома, кажется, начал очухиваться. Глаза его были закрыты, но он, судя по всему, что-то напевал из своей полукомы.

— Гимн! — озаренно гикнула Лиза.

Все всё поняли мгновенно, и по взмаху Лизиной руки нестройно, но совместно грянули.

Один пел Россия «сакральная» наша держава. Второй — «великая», третий — «священная», кто-то — «огромная», и все были правы.

И «она» явно споткнулась, резко сбавила обороты, отворотила невидимую морду.

— Правильно, правильно, — закричала Лиза, — Суворов сдерживает, гимн отгоняет, но надо, для закрепления, еще что-то священное.

— Молитву кто-нибудь знает какую-нибудь?

Тишина за окном, отсутствие «этого неизвестно чего» было недолгим. Пока шли растирание лбов, разнообразные попытки перекреститься, в полуразбитые окна с жутким шлепком врезалась какая-то уже вполне материальная тварь. Как будто кусок паутины жутких размеров насекомого зверя. Она налипла на рамы и стекла и стала медленно сползать.

В коридоре стало тихо.

— Это волейбольная сетка, — сообразил первым Барракуда.

— Это напоследок, — сказал Граф.

Десантник опустил монтировку и, тяжело дыша, вытер лоб.

— Мы ее почти отогнали, но не совсем. Кажется, сейчас будет последний удар. Может быть, самый страшный, — сказала Лиза.

— Откуда ты знаешь? — спросила неприязненно Мила, и было видно, что Лера поддерживает ее в этой неприязни.

Опасность вроде как миновала, и им уже хотелось перестать подчиняться этой резвой пигалице.

Но бунт в штабе был коротким. Послышался откуда-то снаружи неприятный, подколодезный свист, и в окна с тупым грохотом ударил град картофелин.

— Кухня, — сказала спокойно Лиза.

Стекла трескались и вылетали. Вслед за ними принеслась стая алюминиевых мисок. Какая-то металлическая истерика крушила остатки стекол.

— Все по местам! — скомандовала Лиза, но все и так были по местам.

— Вспомнила! — крикнула поэтесса. — Вспомнила стихотворение с божественным. «Садом шел Христос с учениками!»

Лиза кивнула: давай.

Телефонщик вцепился в руку Головы.

— Дай телефон!

— Отстань. Да он разряжен! — пытался объяснить Голова.

— Я как-то на спор быстрее всех настучал молотву, — объяснил Тиша.

— Так кричи ее вслух!

— Я могу только пальцами!

— Отдай! — приказала Лиза Голове.

Голова подчинился.

— Так, всем полная готовность. Начинается!!!

И правда, что-то начиналось. Что-то происходило с воздухом, с темнотой, низенькое здание скрипело и тряслось, как японский небоскреб во время землетрясения, за окном мелькали белые призраки — полотенца и простыни.

— Все, началось! Все помнят свои обязанности. Хором — гимн, «Домострой», «Часовой»! И держать строй, как завещал нам Александр Васильевич.

Этот шторм был куда страшнее, чем всё, что пришлось пережить обитателям «Родника» до этого, но никто не сдался и, главное, не нарушил строй. Сколько минут это продолжалось? В едином порыве слились и «Наука побеждать», и все три хора — «Часовой», «Домострой» и гимн России, и совершенно непонятные звуки, издаваемые

Лужиной и поэтессой. Телефонщик Тиша рухнул на пол и, уже в состоянии лежачей судороги, зажмурившись, с бешеной скоростью жал на клавиши. И в момент наивысшего напряжения борьбы, когда раздалось мощное, из четырех глоток сразу: «Услышав лай караульной собаки», и писк поэтессы: «Зубы у него, как жемчуга», и пошел нарастающий припев: «Славь-ся-я, о-оте-ечество, на-ше-е сво-о-обод-ное», вдруг за стенами все по-настоящему стихло.

Не на время. А совсем.

Наступила тишина.

Настоящая тишина.

Тишина, про которую понятно — ничего плохого от нее ждать не надо.

И в подтверждение этого послышались звуки и голоса, которым можно только обрадоваться и которых совсем не надо бояться.

И раздался настоящий, нормальный, небаскервильный собачий лай.

Послышались звуки нескольких подъехавших машин. Лиза сразу поняла, что это какие-то свои, а не вернувшиеся с кладбища сатанисты.

После секундного замешательства и воспитатели, и почти все воспитанники бросились наружу.

Остались только двое, вернее — трое, если считать все еще вырубленного начальника лагеря.

Лена Даниленко сидела рядом с ним и гладила его по голове.

Лиза сидела, прислонившись спиной к сейфу. Она бы встала, но знала, что ноги не послушаются.

— Ты никому ничего не рассказывай, ладно? — попросила Даниленко, не глядя на Лизу.

— Как это, столько свидетелей.

— Ты не поняла. То, что происходило на кладбище. Ведь видела ты одна.

— А что я видела?

Даниленко то ли вздохнула, то ли усмехнулась.

— Я не знаю, как это называется, только он заставил Олега этим заниматься.

— Кто «он»?

— Чтобы долг отдать. Дал денег записать диск. Много денег, а у Олега нечем отдавать.

— Диск не пошел?

— Олега никто не понимает. Он гений.

— Бывает.

— Он и лагерь этот затеял дурацкий, и слепых по ночам нанимал работать для этого. Большие деньги. И попробуй не отдай.

— Кто «он»?

— Так ты никому не говори, а то он... отомстит.

— Да кто этот «он»?

— Спартак Арнольдович.

В коридоре раздалась шаги.

Даниленко нехотя пересела с дивана на стоящий рядом стул.

Дверь распахнулась, и вошли директор с заучем.

И если бы только школьное руководство.

Прибыли полиция, МЧС, пожарные, скорая помощь.

Скорая почти сразу уехала вместе с Фомой и Даниленко.

Для пожарных тоже нашлась работа. Вдруг разгорелся сильнейший пожар в лесу, примерно в том месте, где располагались окопы.

Первое следствие было произведено еще в бледном свете раннего июньского утра.

Особенно вопиющее зрелище представлял пиццблок. Тотальный разгром, картофельный ящик перевернут, стеллажи с посудой повалены, кружки и тарелки разбросаны по всей территории, основные скопища — у окон штаба.

— Что мы тете Тоне скажем? — вздохнул кто-то.

Лиза почему-то в ответ на эти слова только улыбнулась.

Два заспанных и очень недовольных жизнью и именно сегодняшним днем офицера МЧС выслушали сбивчивые рассказы очевидцев. Очень плохо, когда очевидцев много и все рвутся поговорить.

Спартак Арнольдович был все это время предметом особого внимания Лизы. Он бродил по пострадавшему объекту, прижимая платок к правой щеке. Губы его все время что-то шептали. Что-то вроде «ах, Олег, ах, Олежка!». Можно было подумать, что он жалеет пострадавшего.

Вернулись пожарные и сообщили, что в лощине на берегу ручья сгорела маленькая избушка. Дотла. Один из эмчезсовцев, местный житель, сказал, что никогда там не было никакой избушки. Пожарный вздохнул, вытер копоть с лица, и они стали грузиться, сказав, что акт составят на месте, а пока — спать.

Агриппина Александровна взяла внучку за локоть, и они отошли в сторону к скамейке под сосной.

— Скажи, ба, а Спартак Арнольдович так боится зубных врачей, что все ходит с дуплом?

Агриппина Александровна ответила непонятно.

— Я не думала, что она на такое пойдет.

— А ты все-таки думаешь, это она?

Старая учительница вздохнула, закурила и, кажется, даже по-пацански сплюнула в траву какую-то тихую нецензурщину.

— Если нет, то придется признать факт существования нечистой силы.

Лиза бодро помотала головой.

— Эти вон, МЧС, уже заводят речь о каком-то локальном смерче. Я думаю, они даже в ежедневный отчет о происшествиях на территории, или как там у них это называется, ничего не включают.

Агриппина Александровна затушила сигарету, увидев, что к ним направляется Спартак Арнольдович. Искоса поглядев на внуку, сказала:

— Ты воображаешь, что это был поединок и ты победила?

— Насчет «победила» не скажу, но отбилась. Подручными средствами, между прочим. Спасибо, кстати, Фоме, вооружил.

— Отцу ничего не говори.

— Да знаю, знаю, он у нас добренький.

Директор школы был в плохом состоянии. И не только из-за зуба.

— Что будем делать, Агриппина Александровна?

— Работу надо сворачивать. Начальник лагеря в шоковом состоянии. Воспитательский состав в состоянии разобранном. Пищеблок разгромлен. Детей надо отправлять в город.

Директор вздохнул. Потом еще раз.

— Огромная неустойка.

— А что говорят наши специалисты из МЧС?

Директор махнул платком.

— Природный какой-то феномен. В июне тут иногда бывают вихревые явления.

— А с избушкой разобрались?

— Избушка, Агриппина Александровна, — это уж совсем не по нашей части. Знаете, вокруг всякого дела иной раз столько наболтают.

— А что болтают про кладбище, там же ночью что-то происходило? — влезла из-за плеча бабушки Лиза.

— Этого никто не видел, — твердо сказал директор.

— А говорят...

— Вот и я говорю: говорят. Слишком много говорят. — Директор развернулся и пошел к зданию.

Похлопав по-стариковски себя ладонями по коленям, Агриппина Александровна поднялась со словами:

— Это ее, ее дела, ты же знаешь, чем она там у них заведует.

— Бабуль, послушай, а как ты узнала среди ночи, что здесь у нас что-то произошло?

— Мне, — ветеран педагогического движения задумалась, — позвонил Спартак Арнольдович. Ему, по его словам, пришло паническое SMS-общение. Я продрала глаза и, знаешь, на своем телефоне тоже обнаружила крик о помощи: приезжайте! спасайте!

Лиза кивнула.

— Ну, это понятно. Тиша.

— Почему тише?

— Нет, ба, это так просто. Мне другое интересно. Ты можешь поверить, что это она затеяла такое? И ведь никаких следов специальной техники — ну, этих автобусов с проводами.

Старая женщина развела руками.

— А кто ж еще? И кто может знать, какие там у них могут теперь быть проекты?

Старушка отошла на несколько шагов.

— Ты с нами едешь, на машине?

— Нет, я со всеми, на автобусе.

Агриппина Александровна усмехнулась:

— Следствие не закончено.

Возвращались уже довольно поздно вечером. Солнце садилось, свет в салоне не зажгли, закатные лучи временами заливали его, а то вдруг резко темнело в тени какой-нибудь лесной стены. Народ по большей части помалкивал, а то и похрапывал, слишком много переживаний пришлось на последние сутки, и не все поняли, участниками чего оказались, а кому-то и не хотелось узнавать.

Лиза соскользнула со своего места. Ей нужно было переговорить с телефонщиком и Головой, они сидели в самом конце салона. По дороге она сначала оказалась рядом с Каринэ, потом рядом с Лужиной. Начитанная девушка искоса поглядела на Лизу:

— Ты пришла, чтобы сказать мне, что «Гарри Поттер» — игрушечная ерунда и в настоящем деле не годится?

— Не знаю, не знаю, но у меня такое впечатление, ты напутала с буквами в заклинаниях. Насколько помню, не было в книжке никакого «Кентавра».

— Да, — признала Каринэ, нужно было «Авода Кедавра». Получается, эта штука на меня, что ли, обиделась?

— Не знаю, не знаю, — повторила Лиза и пересела к Лужиной. Растолкала почти уснувшую Защиту.

— Послушай, Дефа, а что ты там шептала, ну в тот самый момент?

Шахматистка прошептала.

— Е-два — е-четыре, е-семь — е-пять, ферзь дэ-один — аш-пять, конь бэ-восемь — цэ-шесть, слон эф-один — цэ-четыре, конь гэ-восемь — эф-шесть, ферзь аш-пять — цэ-семь.

— А что это?

— Ну ты же велела мне материться.

— Ну?

— Так это детский мат.

Голова тоже дремал, когда Лиза принялась его тормошить. Он пытался притвориться спящим, зря.

— Лиза, на сегодня хватит, — вступился за него Барракуда, остужавший голову о холодное окно.

— На один вопрос дай мне один ответ.

— Какой еще?

— Когда ты отвел телефонщика в спальню, ты дал ему телефон без симки, правда?

Голова застонал в нос.

— А как ты хотела, ему же все равно было, во что тыкать сонному и пьяному. А нам без связи оставаться?

— Так, а когда...

— Ты говорила, Лиза, один вопрос.

— Второй вытекает из первого. А уже когда он вернул тебе телефон, ты симку вставил и второй раз дал ему телефон заряженный?

— Слушайте, не мешайте спать! — Над спинками кресел с разных сторон выросли головы Шпилюскасов, Борина, Мухи и Каринэ.

Барракуда ткнул в бок медлящего с ответом соседа. Голова кивнул.

— Да, да и да, во второй раз я дал Тихе телефон, готовый к работе.

Лиза рванула к заднему сиденью, где, свернувшись калачиком, сопел телефонщик. Разбуженный, он долго хлопал глазами и, конечно же, гад, отказывался понять, чего от него хотят.

— Молитву? Какую молитву?

— Ты сказал, что быстрее всех умеешь наступать на клавишах какую-то молитву.

— Что это была за молитва?

— Давай, вынимай из памяти.

Лиза и Барракуда атаковали его одновременно. Остальные молча и напряженно ждали ответа, хотя, сказать по правде, деталей замысла и не знали. Просто охотничий азарт, и вообще привыкли, что Лизина активность обещает какие-то плоды. Куда только сонливость подевалась.

— Молитва?

— Ну да, да, да!

Телефонщик длинно зевнул.

— А-а, так это молитва Франсуа Вийона.

И тут из-за спин сгрудившихся детей раздался гитарный перебор:

Зеленоглазый мой!
Пока земля еще вертится
И это ей странно самой,
Пока еще хватает времени и огня,
Дай же ты всем понемногу,
И не сердите меня!

Десантник прижал струны ладонью искомандовал:

— По местам!

Телефонщик побрел в голову салона, подальше от дурацких расспросов. На заднем обширном сиденье остались только Лиза и два ее соратника.

Голова очень сосредоточенно смотрел в окно, а потом вдруг повернулся к товарищам и с криковой улыбкой спросил:

— Послушайте, а вы знаете, что я вспомнил? Вот ты ищешь молитву, а ведь гимн, это, как сказал Михалков, гражданская молитва.

Лиза выпятила нижнюю губу и поскребла правый висок.

— Михалков?

Голова кивнул.

— Я как-то к нему... хотя, если так, то все становится на свои места.

— Найдено недостающее звено? — встрял Барракуда, радуясь, что у него есть возможность сказать умное.

Лиза откинулась на сиденье. Соратники переглянулись, им уже было знакомо.

— Чего тебе еще не хватает? — спросил Барракуда. — Все же вроде сошлось.

Лиза улыбнулась в ответ, но как-то не до конца.

— Спрашивай, — вздохнул Голова.

— Вы не обидитесь?

— Давай уж, — сказал Барракуда.

— Вы можете описать ту страшную старушку?

— Какую? — спросили одновременно и сразу поняли, о чем речь.

— Ну худая, толстая, высокая, одноглазая, хромая — какая?

— А тебе зачем?

— Слушай, Голова, — зашептала Лиза, — раз спрашиваю, значит, надо. Что, трудно сказать?

— Да в том-то и дело, что трудно! — сказал Барракуда. — Мы же... ну, трясло нас.

— А голос? Хоть какая-нибудь приметка. Вы поймите, я ведь сначала думала, что это такая подставная бабка от Фомы. Теперь-то ясно, что нет.

— А что теперь думаешь?

— А теперь я думаю, Барракуда, самое отвратительное из того, что можно подумать.

Голова наклонился к самому уху Лизы и прошептал:

— Думаешь, настоящая ведьма?

Лиза вздохнула:

— Я на это надеялась. Почему и Тишу пыталась, мне показалось, что он молитвой чертовщину

отогнал. Сначала подумала, что он ее призвал, эту ночную дрянь с кладбища, когда пьяный и во сне жал на клавиши. Представляете, на какие адреса он мог сдуру попасть?

Барракуда помотал головой.

— Стой, ты хочешь сказать, что у нечистой силы есть мобильный номер?

Лиза смущенно наморщила лоб.

— Ну, не так прям примитивно, но что-то такое мелькнуло.

— Вообще вся эта электронная реальность, возможно, где-то и переходит в какой-то мистический план, смыкается с метафизикой.

— Чушь! — махнул на него рукой Барракуда. — Ну, Спартака он еще мог вызвать случайно во сне, но ни во что другое я уже не поверю.

Лиза помотала головой.

— Все версии — прах.

— Да, — сказал Барракуда, — если не он, то кто тогда всех вызвал — и ментов, и скорую?

— Чего молчишь, Лиз?

— Чего вздыхаешь?

— Кажется, я знаю, в чем тут дело. Мы с бабушкой почти в шутку на эту тему говорили, но, судя по всему, тут не до шуток.

— Да говори ты уже! — прошипела Лужина, высовываясь в проход.

— Это была моя мама.

Прошла неделя после описанных выше событий.

Семейная идиллия. Ранний ужин. Иван Сергеевич подкладывает Агриппине Александровне жареной картошки. Лиза тоже тянет тарелку к сковородке. У нее прекрасный аппетит и боевой настрой.

— Бабушка, ты же хочешь со мной поговорить, начинай!

Теща делает жест бровями зятю: мол, погляди на это ретивое сокровище.

Лиза, не дождавшись реакции, переводит острый взгляд на маленький телевизор, гундосящий на высоком холодильнике, и кричит:

— Тихо!

Вскакивает, добавляет громкости. Симпатичная женщина в полицейской форме сообщает, что в городе раскрыта группа педофилов. Свою отвратительную деятельность они маскировали под...

— Что? — восхищенно кричит Лиза.

— Послушай, — говорит Иван Сергеевич, — ты как будто рада, что у нас повсюду засели эти извращенцы.

— Нет, папа, дело в другом.

— В чем? — искоса и как бы исследующе поглядела на нее Агриппина Александровна.

— В том, что они под нумизматов маскировались.

— И что? — одновременно и с одинаковым недовольным недоумением в голосе спросили бабушка и отец.

— Голова, оказывается, не дурак. Помните эту историю, как я залезла в ящик для новорожденных?

— Как такое можно забыть, — ответил Иван Сергеевич.

— Я тогда никак не могла понять, почему Голова, ну Голованов, выдумал, что педофила надо ловить среди нумизматов. Глупость какая-то. Совсем поехала компьютерная башка. Оказывается, нет. Все верно. Сейчас же надо позвонить.

Лиза вскочила с места, не переставая тыкать вилкой в картошку.

— Я понимаю, это важно, но...

— В том-то и дело, папа, что важно. Не люблю, когда кто-то обижен, даже жизнью. Понимаете, так получилось, что я после «Родника» полный молодец, девочка-герой. Барракуда все же успел поехать на соревнования и заработал себе пояса и грамоты. И только Голова несчастный сидит с одними неудачами. И началось все с того, что он глупо втравил нас в ту историю с нумизматами, а теперь выясняется, что был он в общем-то прав.

Агриппина Александровна взяла внучку за локоть:

— Обрадуешь друга чуть позже. Но сначала ответишь на несколько моих вопросов.

Лиза деловито села.

Товарищ педагог вытерла салфеткой рот, так тщательно, как будто заботилась о словах, которые будут из этого рта возникать.

— Скажи мне, внуча, что это у тебя происходит со Спартаком Арнольдовичем?

— А что? — захлопала Лиза невинными глазами.

Иван Сергеевич тоже заинтересовался.

— Не надо так со мной, Лиза. Объясни, что происходит с директором нашей школы.

— А что с ним происходит? — придвинулся поближе Иван Сергеевич.

— Я тебе расскажу, а Лиза пусть объяснит. Спартак Арнольдович иногда, вдруг, на первый взгляд, ни с того с сего хватается за голову и кричит: «Я лох, я лох, я лох, чертополох!»

— Что это значит?

— Вот пусть твоя дочь и объяснит.

Лиза насупленно смотрела на свои колени.

— Мы ждем.

— А зачем он взял в финансовое рабство Олега Олеговича?

— Рабство? — не понял Иван Сергеевич.

— Он дал в долг Олегу Олеговичу денег, чтобы тот выпустил альбом, прекрасно понимая, что тот с его музычкой разорится, не продаст ни одного диска. А деньги отдавать надо, вот он его и запряг: отдавай, раз брал. Вот мы и решили Спартаку Арнольдовичу отомстить. Теперь он время от времени начинает орать одну из песен Олега Олеговича из его альбома «Чертополох». Признаю, дурацко-го альбома. Он только Ленке Даниленко нравится.

Бабушка и отец Лизы несколько секунд молча переглядывались. Иван Сергеевич первым смог сформулировать вопрос.

— А скажи-ка, дочь, кто это «мы» и как вы сумели запихнуть «музычку» в голову директора школы.

Лиза презрительно дернула щекой.

— Через зуб, это просто.

Взрослые опять стали переглядываться.

— Это не просто, это совершенно непонятно. Объясни подробно и как следует.

Лиза вздохнула, ей было трудно общаться на той малой скорости, на которой привыкли общаться взрослые. Но она решила постараться.

— Спартак Арнольдович очень жадный. Я устроила ему бесплатный прием у дантиста, с бесплатной пломбой. В зуб вставили приемник. На квартире у Барракуды стоит передатчик. Он поет «Древнегреческую песенку» Фомы: «Я лох, я лох, суперлох, я Архилох, я чер-то-по-ло-о-ох», самая большая дрянь в этом альбоме.

— Постой-постой... — Иван Сергеевич поднял руку. — Откуда у тебя знакомые дантисты, да еще такие, что идут на должностное преступление по твоей просьбе?

— Это все бар «Арена», папа. У тамошнего хорошего мужика есть друг-знакомый, который решил сваливать из стоматологии, и он согласился напоследок наказать одного гада. Теперь все понятно?

Бабушка и отец ничего не ответили.

— Мне на секунду — на пруд, надо переговорить с Головой, я позвоню, он подойдет.

— Стой, — сказала, бабушка, — ты сейчас же позвонишь своим... я не знаю там кому. И вы немедленно прекратите издевательство над Спартак-ом Арнольдовичем.

Лиза поморщилась.

— Ты меня поняла?

— Ладно. Он и так уж... Ну, я пошла. — Лиза выскочила из кухни.

Бабушка и отец остались сидеть за столом.

Оба старших родственника только вздохнули.

Молчали довольно долго.

Хлопнула входная дверь.

— Еще картошечки? — спросил врач у педагога.

— Что мы будем делать, Ванечка?

— О чем вы, Агриппина Александровна?

— Мы не справимся с нашей девочкой, ведь дальше не будет проще.

— Вы думаете, когда она подрастет, станет легче?

— Хочется надеяться, что она перенесет свою энергию на какого-нибудь молодца, и тогда окружающий мир окажется в относительно спокойном состоянии.

Раздался звонок в дверь. Находящиеся на кухне переглянулись.

— Это не Лиза, — сказала бабушка.

Иван Сергеевич поставил сковородку и отправился в прихожую.

Через несколько секунд в кухню, напоенную закатным солнцем, проникающим сквозь крону старого тополя, вошла крупная статная блондинка в белом брючном костюме, очень дорогом, очень подчеркивающим высокий класс посетительницы. Лицо у нее было чуть удлинненное, внешние уголки глаз слегка приподняты, что создавало впечатление острой, активной пронизательности.

— Ну вот, — сказала она, — почти вся семья в сборе.

— Лизы нет, — хмуро сообщил Иван Сергеевич.

— Я знаю. Поскольку я собираюсь говорить о ней, правильно будет это делать без нее.

— Напрасно ты пришла, Вероника. — Агриппина Александровна смотрела в окно на тихо трепещущую крону старого дерева. — Ты же знаешь, Лиза не хочет жить с тобой. Она тебе говорила, и не раз.

Гостя села, хотя ей никто не предлагал стула. И закурила.

— У нас по-прежнему не курят, — сказал Иван Сергеевич, но больше для того, чтобы угодить сильной теще, чем для того, чтобы поставить на место бывшую жену.

Женщина в белом не обратила на его слова никакого внимания. Одной рукой придерживая сигарету, она поставила на стол свою сумочку и достала оттуда листок бумаги.

— Знаете, что это? Рылась в бумагах, нашла в ящике для игрушек на даче. У нас была такая игра с Лизой, помните? Ей тогда было лет девять. Мы обратили внимание на ее необыкновенные умственные способности. Мы задавали ей вопросы, а она не задумываясь отвечала, только успевай записывать. Вот. — Гостя затянулась. — Куда-то потом эти записи подевались, один листок. Я спрашиваю: «Зебра?» Она отвечает: «Конь Матроскин, спираль — вор, мальчик-с-пальчик — соня, Антиной — утопленник, Великобритания — страна велосипедов, клубень — артист самодеятельности, царь — одна власть, помои — жидкий мусор». «А пиво? — это я ее пытаюсь сбить. — Пиво это что — жидкий хлеб?» «Нет, — отвечает Лиза, — это подставка для пены».

— Зачем ты нам это читаешь, — сказала Агриппина Александровна, — мы все прекрасно помним. Все эти бумажки я сохранила, у меня таких много. Но что ты хочешь сказать?

Блондинка спрятала листок.

— Я хочу сказать, что девочка развивается. Этап следует за этапом, период за периодом. Был период словесной талантливости, и я подумала: может, у нас растет новая Вика Турбина?

— Не дай бог, — сказал Иван Сергеевич.

Бывшая супруга усмехнулась:

— Потом ее, как нынче говорят, пробило по морали. Другие дети спасают выпавших из гнезда птенцов, наша девочка взялась за людей.

— И сбежала от тебя к нам, — сказала Агриппина Александровна.

— Да, мама, да, она увидела вблизи то, чем я занимаюсь, и сделала неправильные выводы. Она решила, что я людей презираю, измываюсь над ними, заставляю делать то, что им противно. А я просто даю им возможность реализоваться, закончить. Я просто повитуха.

— А должна была бы быть матерью.

Вероника не посмотрела в сторону бывшего мужа.

— Лиза, будучи ребенком, все неправильно поняла и сбежала.

— Она все правильно поняла и потому сбежала.

— Не будем спорить, мама. Я пришла для другого, я пришла сообщить вам, что Лиза переходит в следующий этап своего развития. Она и раньше была человечком не из трусливых, теперь же она становится просто богатырем духа. Какое-то необыкновенное бесстрашие демонстрирует.

— Откуда ты это знаешь?

— А несколько последних недель, Ваня, я за ней наблюдала.

— Как? Где?

— Все просто, родственники, вы забываете, что я мать своей дочки, а яблоня не уходит далеко от яблочка. Я изобретательная, и у меня есть возможности. Узнав про этот лесной лагерь, — кстати, богатая идея, — я легко внедрила туда своего человека. Ни за что не узнаете, кого.

— Ты сама расскажешь.

— Да, мама, расскажу. Повариху. Но это была не просто повариха.

— Да, говорят, она готовила отвратительно.

— Правильно, она плохо готовит, но это совпало с планами лагерного начальства. Но не готовка ее фишка. Она шаманка. Самая, не выпучивайте глаза, настоящая. Они есть в природе, шаманы, и самая строгая наука их существование признает. Я придумала шоу, по сравнению с которым «Битва экстрасенсов» — это детский сад. Я придумала, и мне доставили целую свору колдунов, друидов, магов, ну и, разумеется, шаманов. Все хотят в телевизор.

Агриппина Александровна длинно вздохнула, у нее была идиосинкразия на разговоры о телевидении.

— Так вам интересно или нет?

— Говори, говори.

— Спасибо, Ваня.

— Так вот, я проверила всех этих претендентов. Будучи уверена, что все они шарлатаны, я с удивлением обнаружила среди них парочку реальных экземпляров. А одна так просто — чудо дикой природы. И тогда у меня созрел план.

— Ты хочешь сказать, что твоя «повариха» распугала всех во время этих сатанинских игр на кладбище, а потом лупила по стеклам картошкой?

Гостья радостно кивнула.

— Именно. Повторяю — настоящая наследственная шаманка, колдунья, ведунья, мхи, мухоморы и прочее и прочее. Редчайший экземпляр.

— И Лиза...

— Да, мама, и Лиза как-то от нее сумела отбиться. Моя «повариха» сказала, что еще никогда ей не было так трудно. Какая-то суматошная, но реальная сила ей противодействовала, о чем эта мрачная тетенька мне и сообщила. Ей было даже

интересно. Одно дело бродить возле кладбища и пугать заблудившихся школьников, другое дело — живая схватка. И это, заметьте, выпускница восьмого класса.

Наступило довольно продолжительное молчание. Телевизионщица встала, подошла к открытому окну и выбросила окурочек.

— Чего ты от нас хочешь?

— Как будто, мама, непонятно. Нельзя зарывать талант в землю.

— Ты хочешь сделать из нашей девочки шаманку?

Гостья очень недовольно поморщилась, отчего ее лицо на мгновение сделалось неприятным.

— Да нет, конечно. Если бы я хотела сделать из нее шаманку, я бы должна была ее взять не к себе, а отдать этой шаманке. Я уверена, Лиза перерастет этот шаманизм, как и многое уже переросла. И вот этому росту я смогу способствовать лучше, чем вы. Что вы ей сможете дать? Я понимаю: любовь — это немало, но я ведь тоже ее люблю. Очень. И у меня есть возможность открыть для нее совсем другие горизонты, а вы превратите ее в тихую отличницу.

— Почему, Вероника, ты все время говоришь «вы», «вы», — решил вдруг на отпор Иван Сергеевич. — Она сама к тебе не хочет, а хочет к нам. Ей не нравится то, что ты делаешь. Повторяю, она видела, как ты обращаешься с людьми, и ей это однозначно и сильно не понравилось.

— Я говорю «вы», потому что она все же всего лишь девочка пятнадцати лет. И если вы повлияете на нее в правильном смысле, она перейдет с кривой, глухой, окольной тропы на прямую дорожку, и тогда ее ждет по-настоящему счастливое будущее. Очень может быть, и не связанное с телевидением, которое, между прочим, не надо тотально демонизировать. Вы хотите ее загнать рядовым овощем на общественную грядку, я выращу отдельное, ни на что не похожее растение.

— Дай мне сигарету, — сказала Агриппина Александровна. Закурила, сделала несколько затяжек, дочь и зять смотрели на нее: с веселым удивлением — она и растерянно — он.

— Ты сказала всего лишь одно правильное слово — «девочка». Я мечтаю, чтобы она поскорее с этим, чтобы она... Влюбиться она должна, и тогда все у нее в голове встанет на свои места.

— А как ты собираешься ускорить этот процесс? Подбросить ей незаметно кого-нибудь? Можно дать объявление: «Одинокая восьмиклассница желает познакомиться». Пусть опытный человек «расколдует» ее.

— Слушай, лучше уходи, — глядя в пол, сказал Иван Сергеевич.

Гостья встала.

— Эх, господа охранители... — Обернулась, стоя в дверях. — Вы ведь понимаете — будет по-моему. Потому что я права.

Она удалилась, безапелляционно щелкнув входной дверью. Зять с тещей остались на кухне в полном молчании. Сидели так с минуту, пока не услышали, как хлопнула дверь подъезда. Агриппина Александровна встала и выбросила закуренную сигарету в окно таким жестом, словно собиралась попасть в уходящую дочь.

— Знаешь, Ваня, что самое противное?

— Знаю, вы не уверены, что Лизу удастся долго удерживать от прямой дороги. Рано или поздно «она» ее сманит.

— Да к тому же я время от времени думаю, правильно ли мы все делаем.

Открылась входная дверь. Появилась Лиза. Задумчивая, сосредоточенная. Медленно подошла к столу, села. Принюхалась. Теща и зять напряглись.

— Яблонька приходила за своим яблочком?

То, что дочь произнесла фразу матери, подействовало на отца и бабушку очень сильно. Они растерялись.

— Понимаешь, Лиза...

— Да, Лиза, мы тут с твоим отцом...

— Опять задумались, правильно ли вы на меня влияете? Отставить! На эту тему мне думать лень, неактуально.

Она сама себе положила остывшей уже картошки и стала быстро ее поедать, хрустя крепким соленым огурцом.

— А почему бы тебе, Лиза, не навесить Лену Даниленко? Какой она интересный человек, правда?

— Пряма декабристка, но наоборот. Потаскилась в глушь за своим возлюбленным, хотя он не герой, а тюремщик.

— В общем, да, но любовь — она не выбирает.

— Да, бабуля, империя зла — полюбишь и козла.

— Вульгарненько звучит.

— А еще вульгарнее то, папочка, как вы хотите меня канализировать в русло стандартного девчачьего развития. Тем более что я уже была в больнице. Ленка действительно героиня. Она прямо рожать собирается от Фомы, когда ему

зрение подправят. Еще не забеременела, а уже рожать. Сильно, конечно, но меня не манит такая мощная естественность.

Агриппина Александровна и Иван Сергеевич разглядывали свою девочку с привычным легким смятием в глазах.

— Ленка, кстати, кое-что мне и по-настоящему интересного порассказала. Оказывается, наша тетя Тоня была не просто тетка с кухни.

— Да?

— Да, бабуль. Это она мне открыла решетку в изоляторе. Ленка за мной следила почти каждую ночь, и подсмотрела, и донесла Фоме, естественно, из-за чего он, наверное, и получил больше всех. Что было нужно нашей поварихе, пока непонятно. Взрослые иногда совершают немотивированные поступки.

Лиза достала из кармана зазвонивший телефон. Некоторое время слушала поступавшую оттуда информацию. Потом известила старших.

— Мне нужно еще на минутку отлучиться.

Возражений не последовало.

Старая учительница и стареющий врач обреченно ждали, чем закончится сегодняшний вечер. Ждать пришлось недолго. Опять хлопнула входная дверь. На пороге кухни появился крупный тридцатилетний мужчина в потертом и помятом камуфляжном комбинезоне.

— Это Десантник, Сан Саныч. Возможно, бабушка, ты его уже видела краем глаза. Я это все к чему? Вот вы все время придумываете, как бы это мне начать личную женскую жизнь. Чем не вариант?

Десантник вошел в кухню, подталкиваемый сзади Лизой, сел на свободный табурет и сказал, улыбаясь довольно глупо:

— Саша.

— Шучу, — обратилась Лиза к своим, не давая развиваться чудовищной паузе. — Просто надо помочь мужику. Его достали Мила с Лерой. Никак не могут поделить. Ему надо хотя бы сегодня от них схорониться. Представляете, ему совершенно не к кому обратиться. А сейчас я напоследок попрошу, чтобы уважаемого Спартака Арнольдовича как следует продрали «Чертополохом».

Бабушка и папа молчали.

— Вот, сигнал дан. А вы говорите — любовь, любовь. Видите, сколько еще в жизни серьезных дел.

Марианна ТАРАСЕНКО

Марианна Тарасенко родилась в Новосибирске. Окончила филологический факультет Тартуского университета (специальность «филолог-русист, преподаватель»). Работала учителем в школе, затем на кафедре русского языка Таллинского политехнического института. После ликвидации кафедры еще пять лет проработала в школе. В настоящее время работает редактором (в том числе и литературным) выходящего в Эстонии на русском языке еженедельника «День за днем».

КАПУСТНАЯ ВАННА ДЛЯ МОЛОДОГО ПЕТУШКА

Близятся новогодние праздники, поэтому самое время поговорить о маскараде — развлечении не только для людей, но и для слов. Правда, они не надевают масок и карнавальных костюмов по собственной воле: за них стараются люди. Подруга моего детства, когда ей было лет десять, осваивала новое для нее выражение. И, зная, что повторенье — мать ученья, к месту и не к месту сообщала: «Я это смугло помню». Девочка путала два созвучных слова — «смугло» и «смутно», чем немало веселила взрослых. Но взрослые и сами время от времени выдают такое, что впору и смеяться, и плакать одновременно. И если за ними начинают повторять другие, то с течением времени выражение искажается и... теряет смысл. Так, например, поговорка «попал, как кур в ощи́п» превратилась в «попал, как кур во щи», «пока суд да дело» — в «пока суть да дело», а «на те, небоже (или убоже), что нам негоже» — в «на тебе, боже». Естественно, можно сварить щи на основе курятины, но это уже будет не традиционный русский суп, а нечто принципиально новое,

в том числе и для птицы. И если каждому понятно, что петух, которого ощипывают, уже не жилец, то не вполне ясно, как относиться к его помещению в щи: а может, это очень хорошо? Может, щи уже готовы и даже остыли, а птичка просто принимает оздоровительную капустную ванну...

Какая «суть» в паре со словом «дело», если это не «суть дела»? А вот «суд да дело» явно намекают на длительный судебный процесс. И совсем непонятно, какому богу мы отдаем не нужное нам и как обставляем это жертвоприношение. Зато употребление в данном контексте слов «небоже» или «убоже» (звательный падеж слова «небогий», означавшего то же самое, что и «убогий», а в ряде диалектов — небогатую родню, например, племянника) все ставит на свои места. Но как бы мы по этому поводу теперь ни шумели, черное дело сделано: в языке давно закрепились неправильные варианты, и активно сопротивляться пытается лишь не желающий становиться «сутью» «суд». И только некоторые эстеты, вызывая недоуменные взгляды окружающих, продолжают говорить так, как нуж-

но. Печальна и доля слова «бесталаный», образованного при помощи приставки «бес» от имеющего тюркское происхождение слова «талан» (добыча), которое в русском языке приобрело значение «судьба, удача, счастье». Даже старая поговорка сохранилась — «кому есть талант, тот будет атаман». А бесталаный — это несчастливый, невезучий. Надо ли напоминать, в каком значении подавляющее большинство носителей русского языка употребляет это слово сейчас?

В нелегкой схватке выстояло — во всяком случае, я на это надеюсь — выражение «скрепя сердце», которое и дети, и взрослые упорно пытаются переделать в «скрипя сердцем». Хотя в данном случае особенно дикого ужаса нет: даже в исковерканном варианте сохраняется и остается понятным и логичным смысл — до такой степени не хочу, что всем сердцем скриплю, причем, скорее всего, громко. Превращения происходят постоянно: наверное, каждый учитель, редактор или корректор встречается с такими перлами, как «по

средствам» вместо «посредством» и «в независимости» вместо «вне зависимости». Но подобное заметно только в письменном виде, а кроме того, в языке существуют оба варианта, — другой разговор, что употребить нужно правильный.

А вот пример, с которым, надеюсь, столкнулась только я — во всяком случае, ни от кого больше о таком не слышала и поэтому претендую на право первооткрывателя — «из-за кормов» вместо... «из закров». Такие «письменные оговорки» происходят по той печальной причине, что люди мало читают и ловят что-то на слух... Но тем, кто не читает книжек, на слух в приведенных случаях правильно поймать трудно — вот такой замкнутый круг. Подобные забавные оговорки свойственны маленьким детям, еще не умеющим читать. Множество примеров этого приводит в своей книге «От двух до пяти» Корней Чуковский — «любимый город, синий дым Китая», «терпи коза, а то мамой будешь» и т. д. Но милым и трогательным все это воспринимается только из детских уст.

Хелью РЕБАНЕ

Продолжение. Начало в № 7, 8, 9, 10, 11 за 2014 г.

ПУБЛИЧНОЕ СОКРОВИЩЕ

ПОВЕСТЬ¹

18.

Когда я проснулась, часы показывали половину седьмого. Я обрадовалась: просыпаясь рано, кажется, что даришь себе еще один день. В семь откроется кафе. После завтрака — на пляж, ловить утреннее, не опасное солнце. Зайдя в ванную и увидев себя в зеркале, я поняла, что пляж исключен. «Белле руссе» была похожа на гладкую оранжево-красную очковую змею¹.

Не пылали только большие белые круги вокруг глаз — обгореть им помешали солнечные очки. Щеки пламенели. А нос! О-о... Разница температур между верхней, пылающей частью руки и нижней, выглядевшей по контрасту белой, как рыбий живот, казалось, была градусов сорок.

Постояв довольно долго перед зеркалом в раздумьях «интересно, с меня слезет вся кожа или не вся?», я спустилась на первый этаж, в кафе, где подавался *пти дежюне*². Ах, *пти дежюне*! Звучит так же красиво, как Малларме³, но означает всего лишь «завтрак». О! Какой красивый зеленый роляль

у входа в кафе! Крашеный и расписанный цветами! А как изысканно оформлено кафе! И шторы подобраны в бело-зеленую полоску, и ковролин блекло-зеленый, и приглушенно-зеленые, словно покрытые патиной, крашеные деревянные стулья с резьбой на спинках. Скромное обаяние трехзвездочности.

На маленьких квадратных столиках, накрытых на две персоны, — белоснежные скатерти, на них — небольшие подносы с белоснежными салфетками и белые чашки с блюдцами. В углу пофыркивает кофейный автомат. И ни души! Соплеменники — финны еще спали. Я могла бы *стибрить* столько круассанов... Но, конечно же, именно сегодня взяла с собой лишь небольшую косметичку, в которой хранила двойной ключ от сейфа, поминутно проверяя, цела ли еще эта моя *последняя реликвия*⁴. В сейфе, помимо паспорта, фотоаппарата и обратного билета, у меня хранилось уже всего-навсего двести долларов.

¹ Журнальный вариант. Полный текст повести будет издан отдельной книгой.

² *Petit déjeuner* — завтрак (фр.).

³ Стефан Малларме (Stephane Mallarme, 1842–1898) — французский поэт, один из вождей символистов.

⁴ Намек на кинофильм *Viimne reliikvia* (эст.) — «Последняя реликвия», «Таллифильм».

Убедившись в очередной раз в своей несостоятельности в качестве угонщицы круассанов, пылая и пламенея, я приступила к *пти дежюэнэ*.

И тут в кафе вошла еще одна *ранняя пташка* — рослая финка в парусиновых бермудах. Она имела при себе полиэтиленовый пакет, в который и принялась без малейшего стеснения загружать круассаны, а также крохотные запечатанные корытца с джемом или медом, прекрасно понимая, что я все вижу.

«Вот как следует умыкать круассаны! — одобрительно думала я, наслаждаясь кофе со сливками и исподволь наблюдая за ней. — Чтобы дети твои могли с гордостью взирать на тебя».

Вместо того, чтобы обратиться сразу в бегство, она преспокойно принялась завтракать.

Выйдя из кафе, я хотела взять из сейфа фотоаппарат. Портье на посту не было. Можно было взламывать чужие сейфы хоть до *второго пришествия*. Поджидая его и внимательно разглядывая обстановку, я вдруг удивилась — а что, собственно, мне здесь не понравилось? Холл чистый, пол, выстланный плиткой, залит солнцем сквозь большую, сверкающую чистотой стеклянную дверь. Турецкий рисунок на декоративной плитке у входа чудесно сочетается с бледно-голубой плиткой на полу и пастельно-желтыми стенами. Синее плюс желтое — отличное сочетание. Как жаль, что уже завтра меня выгонят отсюда в *вопиющую скромность*.

* * *

На высоком парапете вдоль набережной на тонконогих стульях сидели, *млея*, отдыхающие в пляжных шляпах, в солнечных очках. Кто-то — подставив лицо солнцу, кто-то — лениво перебрасываясь словами с друзьями. Что ж, пока с меня слезает кожа, посижу в тени, решила я, нашла свободный стул под пальмой, села и принялась изучать французско-эстонский разговорник.

На соседний стул вскоре сел сухопарый, совершенно лысый старик в серых шортах и белой футболке. Он долго шуршал газетой (краем глаза я заметила, что это *Nice matin* — «Утро Ниццы»), потом заговорил со мной, вынудив отложить разговорник и повернуться в его сторону. После моего *фирменного* «же не компра па-а-а» он перешел на английский. Встречаются, однако, французы, знающие английский.

Старик поведал мне, что зовут его Арман, он, *кстати*, вдовец. Сейчас он пенсионер, раньше работал в банке *Crédit Lyonnais*.

Услышав, что я приехала в Ниццу всего пару дней назад, Арман начал с воодушевлением объяснять мне, сколько я выгадаю, если буду ходить на *plage publique*¹, а не за семьдесят «фроон»² в день на платный пляж с лежаками, мягкими матрасиками и *umbrella*³ над головой.

— *Tuа*⁴ может много раз сходить в кафе на эти деньги.

Все, что он говорил, было разумно. Но скучно. *Очень скучно*.

Все-таки профессия оставляет неизгладимый отпечаток на человеке. Учитель и на пенсии всех *поучает*. Врач... стоит маме вечером чихнуть, как на следующее утро, *ни свет ни заря*, раздается звонок в дверь — ее брат, хирург, прихватив стетоскоп, пришел ее *спасать*.

У Армана ключевым словом были *деньги*.

— Пойдемте ко мне ужинать, — предложил он вдруг.

— Я не ужинаю, — вежливо улыбнулась я.

— Пуркуа па?⁵

— *A Paris je plus three kilogram*⁶, — доверительно поведала я и похлопала себя по бокам.

— *Tuа боку жоли!*⁷ — воскликнул он.

Я поняла. Не зря я тут подучила французский. Но... что хорошего он увидел в этой пламенеющей *кобре*? Я хочу нравиться себе, а не тебе, *старый лицемер*, подумала я сердито. Кстати — когда ты последний раз смотрел на себя в зеркало? И вообще — что у вас всех за манера сразу тащить в *бэдрум*? Вы что, не читали Антуана де Сент-Экзюпери? «Высшая роскошь — это роскошь человеческого общения»! Ваш, кстати, писатель.

— Тогда, *пет этр*⁸, выпьем кофе? — с ходу сориентировался Арман и прикоснулся к моей руке худой старческой рукой.

Я вздрогнула. Его рука была холодна, как сама смерть. Что бы там ни писали о невероятных способностях столетних стариков, имеющих тридцать человек детей, некоторые даже еще в пеленках, мне это прикосновение было крайне неприятно.

Я осторожно отстранилась.

— *You are married?*⁹ — спросил Арман.

¹ Публичный пляж (фр.).

² Франков — по-французски произносится «фроон».

³ Зонтиками (англ.).

⁴ Ты (фр.).

⁵ Почему нет? (фр.).

⁶ В Париже я плюс три килограмма (ломаный фр. и англ.).

⁷ Ты очень красивая! (фр.).

⁸ Может быть (фр.).

⁹ Вы замужем? (англ.).

— No. I have friend¹.

Честность, говорил Линкольн, *лучшая политика*, но стоило ли применять это изречение к данному случаю, я не вполне уверена.

Арман повертел головой по сторонам в поисках *френда*, мокнувшего в Москве под непрекращающимся дождем и, будучи старым и умным французом, настаивать на кофе не стал. Он понял, что ему *не светит*, и утратил ко мне интерес. *Очко в его пользу*. В роскоши человеческого общения он определенно не нуждался. Впрочем, учитывая возраст, времени у него оставалось в обрез. Стоило ли тратить его на роскошь?

Я поднялась с шаткого стула, виртуозно выговорила «орев-вар». *Мое время в Ницце* тоже скоро истекает, а я чувствовала, что начинаю ее любить. Это сулило боль при расставании.

— Шопинг, — пояснила я Арману, которому, впрочем, ничего не надо было пояснять. Он и так все понял.

На местном Арбате, рю Массена, на знакомом перекрестке, там, где вечером стояла маска, теперь сидел нищий в лохмотьях, худющий, грудь в татуировках, курносое лицо в красных ссадинах, и молча протягивал в сторону прохожих худые ладони.

Ну вот, *нищий*, размышляла я, подавая ему мелочь, в Ницце. Скажи кому-нибудь об этом в Москве — не поверят. Я и сама не хотела бы верить. Не лишайте меня иллюзий. На них держится многое. Кто знает, возможно, именно на них все и держится...

Теперь, при свете дня, мне уже издалека бросилась в глаза вывеска на русском языке: «Женская одежда. Большие размеры». Китайцы заполнили сейчас весь мир. Но и русские не отстают. Вывесок на эстонском языке я ни в Париже, ни в Ницце не встретила. В конце концов, все решает количество. Хотя... Хемингуэй писал, что в любом порту мира можно повстречать эстонца, который в корчме пьет пиво и пишет путевые заметки.

Ничего не купив, я вернулась в гостиницу за купальником — схожу хотя бы поплавать, когда спадет жара.

В дверь моего номера постучали. Вошла *аф-рофранцуженка*. Увидев меня, расплылась в широкой, как принято считать, *дежурной* улыбке. Мы взаимно поулыбались. Она (в униформе с белым фартуком) — здоровой белокрепкозубой улыбкой, я (в воздушном платье до пят), пламенеющая от вчерашнего перебора солнца, но все

равно — краснея и смущаясь. Ничто не могло изжить во мне чувство вины за неубранную постель.

Она:

— *Après?*² — сделав жест в сторону постели.

Я:

— Уи, уи³.

Она обвела взглядом комнату. Я прочитала ее мысль: «*Cherchez le homme*»⁴ и на мгновение почувствовала себя отличницей, сдавшей экзамен на пять. Что вы, что вы! Я мужчин не вожу!

«Ну и зря, — сказала я себе, когда она вышла. — Надо водить мужчин, а не кичиться тем, что ты этого не делаешь. Сказал же тебе Стас, что *мужик должен...* А почему же женщина не должна? Паритет в отношениях необходим. Чтобы... чтобы что? Чтобы не страдать, вот что...»

Неожиданно я почувствовала, что соскучилась по сыну. По его трезвому взгляду на вещи, по его способности к обобщениям, по его не пошлому юмору. Женщине нужен мужчина — неважно, муж это или любовник, отец или сын — мужчина...

Вечером, когда я вернулась к морю, дул ветер, он поднял высокие волны. Сначала я лихо плавала в восхитительно теплой воде, взмывая вверх и опускаясь вниз вместе с каждой новой волной. Но когда решила выйти из воды и подплыла к берегу, волны повели себя коварно. Они шумно накатывали на берег и, стоило мне встать на ноги, больно швыряли меня сначала о гальку, снова сбивая с ног, затем волокли обратно, вслед за собой, не выпуская из сильных объятий. Сила бушующей воды невероятна. В какой-то момент я усомнилась, справлюсь ли с ней или мне суждено здесь и погибнуть.

Выбравшись наконец, где-то после двадцатой попытки, на берег, я в изнеможении, дрожа, опустилась на гальку, понимая, что мой страх не был пустой фантазией.

Отругав себя за легкомыслие (взбредет же в голову лезть в воду накануне шторма), я в сгущающихся сумерках вернулась в мою, уже милую, гостиницу «Флоранс» и, недолго думая, позвонила Стасу.

Разговор с ним безмерно удивил меня.

— Когда вернешься? — спросил он.

— В середине сентября буду.

Последовала пауза.

— Прекрасно обходишься без меня. А говоришь, что и недели не можешь, — произнес он, наконец.

² Потом? (фр.).

³ Да, да (фр.).

⁴ Ищите мужчину (фр.).

¹ Нет. У меня есть друг (англ.).

Я на секунду онемела. *Не может быть*. Он, что же, заметил, что меня там нет? Затем принялась оправдываться:

— Я и не обхожусь. Постоянно думаю тут о тебе. И, кроме того, это я тебе звоню, а не ты мне.

— Ты знаешь, где я нахожусь, — сказал он, подумав.

Резонно...

— А ты? Ты думаешь обо мне?

Он замялся.

— Ну, понятно.

Временами. Все то же. *Sometimes*¹. Только почему он вдруг перешел с английского на русский?

— Как погода? — спросил он.

— В Париже была гроза, — сообщила я как сенсацию.

— А в Москве был потоп. Я у машины поддон отбил... Ты сыну звонишь?

— Нет. У меня нет его номера в Америке.

— Ну и что?

«И тут он лучше знает!» — мысленно возмутилась я. Я, как всегда, запаздывала на шаг. Не сразу понимала, на что он намекает.

— У меня тут РУОП, БУОП. Хуже ГУЛАГа, — продолжал он.

— Это так унизительно, эти проверки, — вздохнула я сочувственно.

— Ну, у меня все в порядке. Но все равно — противно. А что ты делаешь по вечерам?

По вечерам я *плаваю*. Чуть не утонула.

— Скучаю, — ответила я растерянно. Не жаловаться же на собственную неосторожность.

— Ну-ну, — иронично сказал он, и было ясно, что он мне *очень верит*.

Повесив трубку, я подошла к зеркалу и уставилась на себя. Зря я обвинила Армана в лицемерии. Давно я так великолепно не выглядела. На меня смотрело здоровое, свежее, холеное, как местная пальмочка, лицо, полное жизнерадостности. Краснота прошла, сменившись золотистым южным загаром.

Что ж, если Стас не звонит мне потому, что *не знает, где я нахожусь*, дам ему свой телефон. А если и тогда не позвонит, ну уж тогда... тогда отдамся в Париже Фредерику. Альфонс он или нет — все равно у меня к тому времени останется только сто долларов. Невелика потеря.

Я мысленно отрепетировала следующий разговор со Стасом. Он скажет: «У меня нет твоего телефона». И тут-то я дам ему его! «Запиши. Дома я бываю либо рано утром, либо поздно вечером. Когда у тебя десять вечера, у меня восемь».

Вдруг я опомнилась. Ты что? Хочешь и в Ницце устроить себе Москву? Собираешься и здесь с утра до позднего вечера безвылазно сидеть в комнате в ожидании звонка?

Koursk и так незримо плывет тут вслед за тобой. Глубоко под водой...

19.

Я шла по узкой улице, ведущей в гору, в сторону вокзала и своей *вопиющей скромности* — двухзвездочной гостиницы *Normandie*. Мамина синяя сумка, набитая до отказа, послушно, как дрессированная толстая собака, катилась за мной. Навстречу мне, переступая короткими шажками, шла маленькая седовласая *древняя* старушка.

«Похоже, здешний климат способствует тому, чтобы люди доживали до очень преклонного возраста», — подумала я. Не успела я продолжить свою мысль: «Может, им здесь так же хорошо, как пальмам», как старушка, поравнявшись со мной, что-то произнесла. Это прозвучало как «ванхандридя». До меня дошло не сразу. Когда дошло, я остановилась и оперлась на свою высокую грузную синюю собаку, провожая старушку взглядом. Вот что она сказала: «*One hundred years*» — сто лет!

«Значит, она не зря так долго прожила на свете, — думала я, — раз теперь может мимоходом читать чужие мысли». Но через секунду решила, что просто у *белле руссе* открытое, как букварь, лицо. Ее мысли прочтет любой, кому не лень.

Я смотрела ей вслед: она шла медленно, но твердо. Видно было, что жизнь ей еще не в тягость. «Вот бы моей маме дожить до такого возраста», — подумала я. Но не верила, что это возможно. Последние годы я жила с мрачным предчувствием очередной утраты. Как канатоходец, который боится, что шест вот-вот выпадет из рук.

Ему я даже не желала такого возраста. Я и не верила в такое, и — мне больно было представить его столетним стариком. Ведь я все-таки видела в нем в первую очередь сильного человека, *мужчину*.

Я дошла до угла *rue Paganini*, вошла в просторный прохладный холл гостиницы, где работал кондиционер.

«Ну и зачем же ты противилась судьбе?» — спросила я себя, осмотрев свой новый номер. Холл здесь больше, юноша-африканец за стойкой администратора расторопнее, сейф не на виду. Лифт просторный, старинный, с интересными двойными деревянными дверьми. Комната по размеру такая же, как во *Florance*. Чистая,

¹ Временами (англ.).

приятно прохладная после знойной улицы. Стол и шкафы почти как родные — красный пластик точь-в-точь как у тебя дома на кухне. В этой комнате тоже можно делать себе макияж, сидя на краешке *трехспальной* кровати.

Включив свет в ванной комнате, одобрила светло-бежевый кафель, окаймленный красивым цветочным бордюром. Тут ванна, а не душ. Нет биде? Перебьешься. Дома ведь обходишься. Нет цапли в камышах? Ну и не надо.

Зато — окно номера, с приподнятыми белыми деревянными ставнями, выходит на тихую улочку, а вдаль виднеются горы. На улице под окном в каменной чаше бьет фонтан. Зачем же ты противилась судьбе, твердила «не хочу, не хочу?»

Может быть, ты совершенно зря противилась и Фредерику? Может, ты и в нем обнаружила бы именно то, чего хотела, но не получила в трехзвездочном отеле на рю Поля Дерулады, возможно, оно — здесь, в двухзвездочном на рю Паганини (уж это-то я выговорю, будьте уверены)? Фредерик хотел сразу пойти в *your bedroom, спальню*, а не камуфлировал свои намерения — «выпьем чашку кофе», как Арман. Впрочем, тем самым Фредерик нарушил *правила игры*...

* * *

На пляж я приплыла по улице Альфонса Карра (*Альфонса... а может, это знак, Фредерик?*) к обеду. Меня все еще мучило сомнение, ошиблась я насчет него или нет. Надо было так же прямолинейно спросить: «You want money? I don't have money»...¹ Но, если он не *альфонс*, это его оскорбило бы.

По пути на пляж я зашла в маленький обувной магазинчик. В его кондиционированной прохладе я увидела только одну покупательницу, очень худую, очень пожилую, очень морщинистую даму с настолько ярко накрашенными губами, что они казались кровавыми. Такие дамы встречались в Ницце буквально на каждом шагу.

Глядя на нее, мне захотелось немедленно отправить ее к одному из проживающих в Ницце многочисленных пластических хирургов. Она могла себе это позволить — туфли в этом магазине стоили не менее пятисот долларов за пару. Продавец, молодой худощавый брюнет, помогал ей надевать какие-то невообразимо модные, почти прямоугольные, похожие на маленький каток для асфальта, туфли. Дама сидела на рыжем кожа-

ном топчане, а он почтительно, двумя пальцами прикасаясь к ее пятке, натягивал ей на ногу туфлю.

По-видимому, его галантность не имела *грации*, так как я услышала, как в ответ на его тихий вопрос она громко и насмешливо ответила: «No, no, my husband...²»

Вот, сказала я себе: учись! Заруби себе на носу: хазбанд, а не френд!

Осмотрев очень дорогие туфли, делая вид, как будто мне *по карману* их купить, и, снова совершив языком замысловатый пируэт, чтобы произвести «оревуар» так, как произносят сами французы («ореввар»), я вернулась в парную духоту улицы, где на каждом шагу блаженствовали пальмы, над высокими белеными каменными оградами виднелись роскошные сады, а тут и там на табличках у ворот было написано «пластический хирург такой-то».

Из нескольких *plage publique* я выбрала опять первый, самый маленький, самый густонаселенный.

Лежа на спине, в которую сквозь хилое гостиничное банное полотенце впечатывалась галька, млея от солнца и горячего ветра, я в общем шуме волн и голосов слышала, как девочка-разносчица ломтиков арбуза громко, монотонно повторяет a-la-la. Это напоминало «цып-цып-цып...»

— Красота на ваш выбор, — послышался мужской голос где-то рядом.

Наши тоже созерцали груди, выставленные на всеобщее обозрение. Картина для *бывших советских людей* непривычная. И — неприличная.

— Раньше это было повальное явление, — сказала мне соседка, перехватившая мой взгляд. — А теперь выяснилось, что от этого вроде бы бывает рак груди, и многие перестали.

Оказывается, солнце тоже может *сглазить*, подумала я.

Женщина, заговорившая со мной, привлекла мое внимание уже раньше. Меня поразило, что она пришла на пляж в дорогих бриллиантовых кольцах. Я видела, что она и купаться ходила, не снимая колец, нанизанных почти на все пальцы. Они с подругой лежали на расстеленных на гальке полотенцах прямо рядом со мной и громко разговаривали по-русски. То и дело звучало имя Марина.

Возможно, наши мысли притягивают даже незнакомых людей. Неожиданно соседка обратилась ко мне с вопросом.

— Вы из России? — уточнила она сначала.

Я кивнула.

¹ Вы хотите денег? У меня нет денег... (англ.).

² Нет, нет, мой муж... (англ.).

— Вот как вы считаете, — продолжала она, — рассудите нас, пожалуйста...

Ее интересовало, кто прав — она или ее подруга. А именно: *альфонс* новый ухажер дочери подруги или нет.

Оказывается, если долго о чем-то напряженно размышлять, окружающие подхватят ту же тему, мысленно изумилась я.

Такое *совпадение* сразу расположило меня к ней. Я тут же подробно рассказала ей о Фредерике. *Какая из меня советчица! И к своим сомнениям ума не приложу.*

— Насчет альфонса — не знаю. Но для него вы — экзотика, — уверенно сказала Раиса (она представилась и даже дала мне визитную карточку). — И вообще — *легкая добыча*. Когда я сюда приехала, Ницца тогда была провинция, русские туристы сюда вообще не ездили. А теперь — шестствие. Французы знают, что женщина — это *дорого*. А наши... *легкая добыча*, — повторила она и поинтересовалась, сколько мне лет.

— Пятьдесят — еще хороший возраст, — сказала она и вздохнула: — Мне шестьдесят — это уже много.

На ее смуглом *шестидесятилетнем* лице не было ни морщинки. Только фигура с узкими бедрами, но слегка выпяченным животом выдавала возраст. И еще — окрашенный в блондинку ежик на голове отрос, ей пора было окрашивать седые корни.

— А для мужчины? — спросила я через некоторое время.

— Ну, есть, кто сдал, но это совсем не обязательно.

Когда-то, очень давно, я читала (по-моему, у Торнтон Уайлдера¹), что апломб и независимость неизменно производили на него глубокое впечатление.

С тех пор мне не раз приходилось наблюдать, что такое поведение производит впечатление решительно на всех. Я — не исключение. *Апломб и независимость*. Я бы их объединила под общим именем: *Стас*.

У моей новой знакомой эти два качества, безусловно, тоже были. Все, что она говорила, звучало как *аксиома*. А я как никогда нуждалась в совете. Что мне делать дальше? Из добровольного *изгнания* придется возвратиться. Мне безумно захотелось рассказать ей мою *лав стори*.

Ее подруга, мама *Марины*, к которой *привязался какой-то альфонс*, куда-то спешила. Она оделась и ушла. Мы с Раисой остались одни.

Сначала она рассказала о себе. Во Франции живет давно. Еще в *советское* время вышла замуж за француза. Потом муж умер. У нее остались его фамилия и несколько небольших квартир — две в Париже, две в Ницце. Она их сдает и живет безбедно. Кроме того, составляет сейчас путеводитель по Ницце. Здесь похоронен Герцен...

Я слушала ее, как замороженная. Волны все ближе накатывали на гальку, приятно охлаждая ее. Они уже лизали мне пятки. Передо мной сидела *воплотившаяся мечта* многих советских женщин. Точнее, уехать мы тогда и не мечтали, а она уехала. *Хотеть и мечтать* — разные вещи.

Вдруг я с ужасом обнаружила, что нищий, которого видела на Арбате, лежал все это время тут же, неподалеку. Он внезапно вскочил, как ужаленный, и принялся трясти и выбивать о гальку свою подстилку, чем и привлек к себе внимание.

— Его блохи замучили, — сказала Раиса. — Климат теплый, вот он и приходит сюда днем спать. Ему негде жить.

Мы схватили свои вещи и быстро отошли подалее и от блохастого бомжика, и от моря.

«Нет уж, надо взяться за ум и ходить на платный пляж», — подумала я.

Мы расположились на новом месте, и я продолжила свой рассказ. Раиса слушала меня очень внимательно, не перебивая, только один раз задумчиво покачала стриженной головой:

— Нет, он не денди, вовсе нет.

— Денди? — я улыбнулась. — Он из простой семьи.

— Это ничего не значит. Из простых можно быть таким воспитанным, одетым с иголки, с хорошими манерами... — Она задумалась.

— Уж что-то, а одет он с иголки. *Ноблес обли-и-иж*², — вздохнула я.

— Да будь он хоть министр, хоть сам Ельцин, но он не ваш, вот и все, — сказала она убежденно. — Поймите, Сильви! «Хочу любить именно этого мужчину!» Это роскошь, непозволительная роскошь — любить! В условиях Запада... нет, это немыслимо. Вы еще вполне можете найти себе мужа, и это будет *ваше*... Вы, русские, не понимаете западной жизни.

¹ Торнтон Уайлдер (1897–1975) — американский прозаик, драматург и эссеист, лауреат Пулитцеровской премии.

² *Noblesse oblige* (ноблес оближ) — французский фразеологизм, буквально означающий «благородное (дворянское) происхождение обязывает». Переносный смысл — «честь обязывает» или «положение обязывает» — власть и престиж накладывают известную ответственность.

— Еще как понимаю. Я же эстонка. Прибалтика — тот же Запад.

— Какая Прибалтика — Запад! Это *несравнимо!* Поймите же, все изменилось за десять лет, что вы не виделись. Советский Союз рухнул. Мир перевернулся! — воскликнула она. — И Париж тоже уже не тот! Двадцать пять лет назад все время бастовали, хотя и жили лучше. А теперь... — Она зажала рот двумя пальцами, как бельевой прищепкой. — У нас теперь здесь каждый шаг прослеживается. Это так неприятно, так жить, что о тебе все известно. Все изменилось. А вы хотите вернуться к старому. Осталось только воспоминание о вашей любви, не больше того. И еще — почему вы во всем чувствуете себя виноватой? Он себя ни в чем не ограничивает, почему вы должны?!

Я чувствовала, что она не просто рассердилась, она буквально *разгневалась* от услышанного, и, казалось, на меня прогневалось все Средиземное море.

Стемнело, стал дуть сильный ветер, все более высокие волны накатывали на пляж, почти достигая нас и на новом месте.

— Снимите же это! — воскликнула вдруг она.

Я послушно сняла солнечные очки, хотя мне и было удобнее *изливать душу* в темных очках.

— Да нет же — бумажку с носа!

Я машинально сняла с носа обрывок газеты, продолжая свое повествование.

— И это все? Вы с ним никуда не ездите на выходные и так далее? — спросила она, сверля меня карими глазами под прямыми короткими густыми черными бровями, когда я закончила. От нее разило табаком, как от Фредерика. Не дождавшись ответа, она сказала: — «Корми меня»? А ты принеси, чем тебя кормить? — Она в лицах изобразила этот диалог. Без возмущения, без злости, спокойно и уверенно в себе. — Вы не сможете это сказать? — Она изучающе смотрела на меня. — Не сможете. Я тоже когда-то была такой. Француженки не такие, и он тоже это прекрасно знает. Сколько вам было, когда вы познакомились? Тридцать? Почему вы во всем чувствуете себя виноватой? У вас перед ним не было никаких обязательств. И у него — перед вами. Вот что он делает и даже не скрывает этого, а вы — *виноваты*. Вы имеете право любить его, но встречаться и с другими!

Я промолчала. Я знала, что одно обязательство у меня все же было. Перед самой собой. *Не увеличивать количество цинизма в мире.*

И, тем не менее, увеличивала. Что сейчас думает Фредерик? Что *все женщины — обманщи-*

цы. Следующую *пассию*, если понадобится, он с полным моральным правом обманет. Ну почему, почему я честно не сказала ему: breakfast¹ — да, а bed² — нет?

Когда мы с Раисой, наконец, последними оделись и ушли с пляжа, огни казино Ruhl на первом этаже гостиницы Le Meridien уже зажглись. Проходя мимо нее, Раиса махнула рукой в сторону входа, горящего широкой аркой из пунктирных лампочек.

— Вот, прихожу сюда, спущу пару тысяч франков и опять успокоюсь.

Я, как заколдованная, шла за ней, не в силах отцепиться от этой коренастой смуглой женщины с кустистыми бровями, с прокуренным голосом. Она говорила то, что я и сама смутно чувствовала. То, что мог бы сказать даже мой сын. Есть все-таки женщины, способные к обобщениям!

А вот и «Макдоналдс», где Жан-Клод не Ван Дамм так *галантно* угостил меня минеральной водой. Впрочем, всех угощать — разориться можно. Если уж угощать, то с гарантией продолжения.

— Летом здесь гамбургер можно за пять франков купить, — сказала Раиса, указывая на красную букву «М». — Хотите, зайдём?

Похоже, все пути в современном мире, обходя всякие там «Негреско» стороной, вели в «Макдоналдс».

Открыв для меня как нельзя вовремя местный оазис дешевизны, она взяла себе стакан какао и бигмак. Я только стакан чая. У меня, наконец, пропал аппетит.

— Да вы как школьница! — сказала Раиса, когда мы получили подносы с заказом и сели за столик друг против друга. — Она даже стала руками избражать, как скромница поправляет свой белый воротничок. — Застряли в старых представлениях и понятиях. За десять лет, что вы с ним не виделись, подросло новое поколение — молодых девиц, циничных, всему прекрасно обученных.

У меня внутри что-то замерло. Внезапно я усомнилась в том, что жизнь начинается в пятьдесят. Или же — если начинается, то в пятьдесят два уже и кончается...

Она говорила, а я отказывалась верить, несмотря на то, что и сама чувствовала, что до него не достучаться. Бесполезно, как стучать по окаменелому яйцу динозавра и ждать изнутри ответа. Но где-то ведь должен был быть он? Тот, кто был способен многое понять, а значит, и почувствовать. И — поверить. Если даже холод не может

¹ Завтрак (англ.).

² Постель (англ.).

возникнуть, не породив где-то тепла, то как может возникнуть цинизм, не породив где-то доверия и веры?

— Да он и жену свою не любит, она просто для него родное существо, вот и все, — сказала Раиса, отливая мне из своего пластикового стаканчика половину какао, которое я терпеть не могу и никогда не пью. А сейчас, слушая ее как завороченная, выпила за милую душу, чувствуя, как эта самая душа уходит в пятки. Я словно стояла у врат ада — ведь «оставь надежду» написано там.

«Верно, не любит», — подумала я. Говорил же он, уже двадцать лет назад, что любовь — болезнь. Он умный, болеть не хочет.

— Ну зачем, заче-ем он вам? — вопрошала Раиса. Она никак не могла успокоиться. — Знаете, чтобы раздеть женщину, мужчина должен ее сначала одеть! Зачем вы все это терпите?!

— Я все прощаю ему потому, что боюсь, что он вот-вот умрет, — сказала я.

— Почему это шестидесятилетний мужчина должен вдруг умереть? — удивилась она.

Я вздохнула. Почему должен был умереть мой отец, шестидесятивосьмилетний? Внезапно, без предупреждения. А разве восемь лет не вот-вот?

— Вы сами себе внушили, что — он и только он, — воскликнула она. — Поймите же — он вам не принадлежит! Выходите замуж. Это сейчас вам сын помогает. Все может измениться в одночасье. Сын женится на какой-нибудь стерве... Ищите себе мужа.

«Ну и к чему она пришла? — подумала я вдруг. — Моя соотечественница из того времени, когда нам и не снился свободный Париж?»

Я тоже начинала сердиться. Не так просто пережить тьму низких истин. Возвышающий обман — почему-то милее.

«Впрочем, тебе еще не шестьдесят, — осадила я себя. — Посмотрим, как ты будешь выглядеть через восемь лет. Не появятся ли у тебя морщины? Будут ли у тебя бриллианты? Будешь ли беспечно ходить в них купаться? Пусть даже в Балтийское море. А почему даже? Оно холодное, но какой там великолепный чистый песок! И блохастых бомжей там нет...»

— Я видела, TGV идет дальше, в Монако, — сказала я, чтобы сменить тему.

— О, Монако! — мечтательно сказала Раиса. — Быть здесь и не посетить Монако! Монако — тот оазис, который богатые создали для себя... Дайте, я посмотрю вашу руку, мне интересно, что вас ждет. — Так... вы доживете до глубокой старости. Линия жизни длинная.

— Ну если только ученые что-нибудь изобретут, — сказала я. — Иначе не стоит.

Как ни меняй систему координат, ванхандри-дьяр¹ кажутся в пятьдесят два таким же ужасом, как пятьдесят два в двадцать пять.

Она продолжала внимательно разглядывать мою руку.

— Странно, у вас ум превалирует над чувствами, — сказала она, удивленно посмотрев на меня. — Вы сможете себя сдерживать.

Ну вот, наконец она обнаружила во мне нечто эстонское.

— А вы довольны своей жизнью здесь? — спросила я.

— Я же говорю — мир перевернулся! У меня подруга тоже полька, как ваш Станислав. Когда началась перестройка, она продала свою двушку в Бирюлеве, половину денег пустила в оборот, и давно уже мультимиллионерша! У нее теперь квартира на улице Горького, рядом с метро «Пушкинская». А я... сидела тут, в этой провинции, в Ницце, возилась со своими жильцами.

Мне невольно вспомнился труп, впечатанный в обгоревший ларек в подземном переходе у станции «Пушкинская». Я постаралась поскорее убрать жуткую картину с экрана, затолкать ее обратно в мусорный бак подсознания. Скоро погибшим там будут отмечать сорок дней. Я даже еще не могла радоваться тому, что такая везучая...

— О, почувствовав запах денег, с человеком происходят такие метаморфозы! — продолжала Раиса. — Я знаю нескольких почти хронических алкоголиков, которые завязали и вышли в бизнесе на золотую жилу. Сильви, очнитесь! Все изменилось! Нет той страны, от вашей любви осталось лишь воспоминание.

— И что же, мне выбросить за борт двадцать два года любви?

— Да вы сами внушили себе эту любовь!

Конечно, внушила. Любовь всегда — внушение. Как человек мог жить без этого человека, и вдруг — не может?

Но почему-то внушить себе полюбить кого-то другого у меня не получалось. Ну, например, того же Жан-Клода. За стаканом минеральной воды в «Макдоналдсе» он успел рассказать мне, что разведен. Жена с сыном живут в Париже, он — в Ницце. Сыну пятнадцать лет. Короче, не Ван Дамм никому не принадлежит. Или, опять же, Арман. Вдовец. Кучу денег вместе сэкономили бы.

¹ Ванхандридар — см. выше, где героиня встретила столетнюю старушку.

Мы вышли из забегаловки и свернули на «Арбат» как раз в том месте, где, как я была почти убеждена, увижу театр Вахтангова. Театра там не оказалось. Моя последняя иллюзия развеялась, как дым.

С Арбата мы свернули на улицу, где находилась ее квартира.

На стене над узкой, низкой дверью одного дома, напомнившей мне почему-то дверь за нарисованным очагом у Буратино, ярко горела неоновая надпись Dancing. Раиса указала мне на нее рукой:

— Вот. Дансинг. Сходите. Для дам вход бесплатный.

Я поняла — что бы я ни говорила, она не верила, что я не хочу замуж. По большому счету, она и не заблуждалась. Разве я не хотела бы замуж, если бы не Стас?

Мне было лень поставить себя на ее место. Посмотреть на себя ее глазами и понять, почему она меня так и не *услышала*. У меня даже закралось подозрение, что у людей стоят в мозгу какие-то фильтры. Возможно, они пропускают далеко не всякую информацию.

Но на место заплативших за вход мужчин я себя мысленно поставила. Включила ум, коль скоро Раиса так уверена, что он у меня есть. Стас придерживается противоположного мнения.

Блок-схема получалась такая. Мужчина пошел на *дансинг* с целью удовлетворить свои мужские потребности. Допустим, он не женат. Значит, надо вправлять ему мозги, напоминать о *настоящей роскоши*, держать морковку секса на горизонте. Внушать: «Любишь кататься, люби и саночки возить». То есть вместо запланированного им веселого секса без каких-либо обязательств сурово тащить к алтарю. А я не хочу. Мне лень. Вариант второй: он женат. Брака ни у него, ни у меня и в *мыслях не было*. Все равно — почти все — то же самое. Только будет вести себя, как загнанный заяц. Поглядывать на часы, озираться по сторонам. Ничего не скажешь, *романтично*. Дружба? Кого-то из мужчин такая постановка вопроса удивит. А кого-то откровенно возмутит. Есть же какие-то игры, есть правила, наконец. А ты нарушаешь. Ах, на танцы ты пришла, чтобы *подружиться* с мужчиной? Плати штраф. Получай конфликты, разборки.

Раиса в принципе не понимала, как можно хотеть жить без *хазбанда*. Меня никто не понимал, даже сам Стас. Как не понимали бы человека, который в наше время решил жить без холодильника.

Наверное, они правы, подумала я. В былые времена *бесхазбандные* ютились в приживалках

у замужней сестры. Или уходили в монастырь. Не мозолили людям глаза.

— Выходите замуж, тогда и сын женится, вы с него снимете чувство вины, — сказала она мне на прощание.

— За что? — изумилась я.

— Что вы десять лет из-за него отказывали себе в жизни.

Мы расстались у ее дома, договорившись, что я ей позвоню на днях из гостиницы. Она мне объяснит, как добраться до Монако.

В гостинице я долго лежала в темноте в постели, перебирая в памяти не те, *давнишние* встречи со Стасом, а *новые*, в *новое* время. Как он заставил меня ждать, хотя у него и не было ничего неотложного. Мне вспомнились каминные часы в его кабинете, безвкусные, с позолотой, современные часы, которые я разглядывала, пока ждала, а он что-то писал за столом. Но потом даже забыл взять с собой эти бумаги и возвращаться не стал.

До меня вдруг дошло: ни один человек в мире, чего бы он ни достиг, не имеет полной уверенности в себе. Это снизошло на меня вдруг, как озарение. Может быть, потому, что он уже не готов за что-то умереть, может, потому, что у него нет веры. Не знаю, как было *раньше*, но сейчас это так. Что же тогда удивляться, что он боится других людей. Даже такую *советскую школьницу*, как я. Сейчас любой будет бледнеть, и краснеть и ерзать, как Билл Клинтон на допросе по поводу связи с Моникой Левински. А раньше были другие люди. Я в это *вроде бы* верила. Как *только что* почти верила, что на *рю Массена* за поворотом увижу театр Вахтангова...

Утром я уже почти сожалела, что разоткровенничалась, и новой знакомой звонить не стала. Главное — она отняла у меня надежду. Лишь перед отъездом из Ниццы я позвонила ей и поблагодарила, что она посоветовала мне съездить в Монако.

20.

Проснувшись в новой гостинице «Нормандия» позже, чем обычно, я сначала ушам не поверила. Я словно бы присутствовала на собственном отпевании. «Hallelujah¹, hallelujah, hallelujah, amen», — отчетливо доносилось из коридора за моей дверью.

Выйдя из номера, я увидела, что в коридоре за маленьким столиком, на котором горит свеча и стоит распятие, сидит священнослужитель в

¹ Hallelujah — аллилуйя.

черном одеянии. Он читал Библию, а несколько человек, стоявших вокруг него, повторяли за ним целые фразы — молились. По-итальянски. Я услышала имя Мария Магдалина. То и дело повторялось *атен*.

Прошмыгнув, тихо бормоча извинения, мимо них, я спустилась в столовую. Здесь это большое, но скромное помещение назвать кафе язык не поворачивался.

Не было тут ни рояля, ни изысканного интерьера. Завтрак *континентальный*. То есть калорийный и *антивитаминовый*. Две круглые пресные булочки, масло и джем. То, чего я дома не ем. Невкусный кофе. Интересно, какой *скромный континент* предпочитает такие завтраки?

Высокий стройный юноша на ресепшен (конечно же, *афрофранцуз*) объяснил мне, что до Монако ехать на TGV всего двадцать минут, а вокзал находится чуть ли не за углом.

Я вышла из гостиницы и вздохнула полной грудью — занимался чудный летний денек. Конец августа в Ницце далеко еще не осень.

Всю дорогу от Ниццы до Монако меня трогательно опекали.

На вокзале пожилой худощавый француз, у которого я спросила: «У э *ticket*¹ to Монасо», сначала объяснил, а потом следил издали, как я справляюсь с покупкой билета и, увидев, что, получив билет, стою в растерянности — а где же вход? — подошел и проводил меня к оранжевому автомату. На перроне худенькая, очень пожилая, но очень подтянутая женщина из Бразилии любезно показала мне, где находится туннель, ведущий на третий путь, и *лично* проводила меня до вагона, заодно выяснив, откуда я, и рассказав мне, откуда она.

Хотите вернуться в детство, снова окунуться в атмосферу всеобщего умиления? Поезжайте в одиночестве за рубеж, не зная языка. Впрочем, я это уже говорила.

Малазийка, сидевшая со мною рядом, узнав, что я боюсь проморгать Монако, вовремя вывела меня из прохлады вагона. Поездка длилась всего двадцать минут, как и полагалось. Меня, правда, удивило, что в вагоне, наполовину полном, ехали в сей утренний час почему-то одни женщины.

В путеводителе я за эти двадцать минут узнала только, что площадь перед Княжеским дворцом окружена батареей пушек, отлитых в эпоху Людовика Четырнадцатого, и что с нее открывается уникальный панорамный вид на порт Монте-Карло. Каждый день, ровно в одиннадцать часов пятьдесят пять минут, перед главным входом во дворец

начинается церемония смены караула. Карабинеры в парадном обмундировании совершают ритуал, который не менялся более века.

Мне, конечно же, тут же вспомнился блондин *Людовик* с ресепшен «Резиданс Клебер», успешней за это время, как ни странно, уже *померкнуть* в моих глазах. Ну да, я же *влюбилась в Ниццу*.

В Монако, или, если вам угодно, Монте-Карло, что одно и то же — город и государство здесь удачно совпадают, — я с легкостью все нашла. И гору. И дворец на ней. И даже на смену караула успела. Хороши все-таки эти крохотные государства!

Вот только длиннющая петляющая очередь перед дворцом меня ввергла в некоторое уныние. В мини-государстве хотелось и мини-очереди.

Я вышла из нее, предупредив стоявших за мной, что я непременно *кам бяк*², и уселась неподалеку в уличном кафе на площади за небольшой квадратный столик.

Рядом со мной появилась большая группа галдящих итальянцев. Русским, которые в глазах эстонцев выглядят порой чересчур шумными, до такой экспрессии далеко. Итальянцы щебетали, восклицали, хохотали. *Очень громко*.

Из этой группы вышел и попросил разрешения сесть за мой столик седой полноватый *господин*. Усевшись, он задал мне какой-то вопрос, который я не поняла. Но на всякий случай сказала единственное, что знала по-итальянски: «Рюссе». «Белле» я опустила. Из скромности, как понимаете. Итальянец потараторил-потараторил на родном языке и, поняв, что мой словарный запас так же скуден словами, как «нулевой» обезжиренный творог жиром, с надеждой в голосе спросил: «Кофе?»

Солнце так сильно напекло мне макушку, что я, напрочь забыв про волшебное слово *хазбанд*, а также про то, что означает «выпьем кофе» на мужском языке, опрометчиво согласилась.

— Джорджио, — представился он.

— Сильви.

Нам принесли две миниатюрные белые чашечки крепкого кофе, и пока мы пили (я, нервно поглядывая в сторону очереди), он перешел на английский и устроил себе, так сказать, *презентацию*. Он всю жизнь занимается виноделием. Помимо виноградников у него десять человек детей.

Сначала я подумала, что не так его поняла, и, оттопырив все десять пальцев, переспросила его.

— Тен³, — важно повторил он.

² Вернусь (англ.).

³ Десять (англ.).

¹ У э *ticket* — где билет (смесь фр. и англ.).

Молодец! Зря отпущенное ему время жизни не терял.

Допив кофе, я приветливо улыбнулась отцу семейства и попыталась заплатить подошедшей официантке. Итальянец решительно отстранил мою руку и рассчитался сам.

Теперь я почувствовала себя обязанной продолжить общение с ним. Точнее, сначала я попыталась вернуться в очередь, но Джорджио неуклонно, как железо за магнитом, последовал за мной. Вернее, за моей грудью в кружевном лифчике, просвечивающем сквозь бирюзовый шифон. *Сама виновата. Кто надел регулятор одиночества?*

Очередь продвинулась человек на пятнадцать, но это была капля в море. Ладно, решила я. Жалко огорчать дедулю. Ему уже под восемьдесят, наверное. Пойду прогуляюсь с ним. За это время и очередь подойдет. Не стоять же долгие часы здесь, перед дворцом, на солнцепеке.

Джорджио обрадовался, тут же взял инициативу в свои руки и повел меня показывать местные достопримечательности. Сначала в собор.

Из вопроса, который он мне задал в полумраке собора, купив и поставив свечи, я поняла, что он категорически не хочет думать о вечном. Он спросил, *одна ли я живу в гостинице*. В очередной раз прозвучало слово *бэдрум*, и у меня стало складываться впечатление, что это такое же любимое мужчинами слово, как детьми — слово *мороженое*.

Мысленно возмутившись (даже в соборе заставят врать!), я тут же сочинила себе несуществующую соседку по гостиничному номеру и даже сказала, что ее зовут Магдалина. Это имя пришло мне в голову, по-видимому, потому, что именно оно звучало сегодня утром в гостинице за моей дверью.

— *Two women!*, — ответила я сердито, теряя всякое уважение к его возрасту. Сама виновата, как сказала бы моя мама, и была бы в данном случае права.

Но и то, что живу не одна, его не остановило. По-видимому, десятерых наследников ему было маловато. Теперь ему взбрело в голову водить рукой по моей спине, невзирая на то, что в соборе помимо туристов были и верующие.

— *Массаж не надо*, — мрачно отодвинулась я.

— *O, sole mio!*² — ни с того ни с сего, довольно громко, дребезжащим голосом, пропел вдруг Джорджио и попытался чмокнуть меня в щеку.

— *Джорджио! Amigos!*³ — строго напомнила я.

А ты жестока, корила я себя потом. Он ведь как раз хотел отвлечься от мыслей о вечном. Забыть-ся *сном жизни*, как писал Толстой. «Надо было уважить старикашку», — я словно услышала ехидный голос Лены. И неспроста, ведь именно сегодня был ее день рождения. Не забыть поздравить.

Выйдя из собора, Джорджио твердой рукой повел меня еще куда-то. Пройдя метров сорок, мы оказались в красивом, типично южном парке. Знакомый запах южного знойного лета. Огромные, средние и маленькие пальмы, олеандры, кипарисы. Цветущие кусты гибискуса. И тут, среди всего этого цветения и благоухания, я увидела интересную скульптурную группу, за что я Джорджио благодарна, — «Гектор и Андромаха». Я подошла поближе. Такого я не ожидала.

Когда Гектор прощался с Андромахой, на нем *просто лица не было*. В самом прямом смысле этого слова. Он стоял, отбросив шлем, а под ним... — овальное гладкое яйцо. Ни глаз, ни рта.

Левая рука его прижимала плачущую на его груди Андромаху так, что было ясно — лицо скрывает чувства, а рука выдает.

Гектора совершенно не волновало, не запачкает ли она его доспехи тушью.

«Определенно, со Стасом надо рвать», — думала я, глядя на Гектора. *Выдернуть и растоптать*. И тут я вдруг обратила внимание на то, кто скульптор. Джорджио де Кирико. Впервые о нем я услышала двадцать лет назад... от Стаса. Стас внезапно незримо появился рядом со мной.

«С другой стороны — отчистить тушь от доспехов все-таки проще, чем отстирать от сорочки», — тут же подумала я.

Осмотрев парк, мы пошли по магазинам. Узкие улочки. Домики, где все первые этажи занимали маленькие магазинчики, рассчитанные именно на туристов.

Магазинчики здесь были сквозные. Если бы мне, как преступнику в кино, потребовалось *избавиться от хвоста*, то они были просто идеальны.

Несколько шагов — следующая красивая стеклянная дверь — и ты уже на другой узкой, чистой, защищенной от ветра и налогов улице.

У меня не было *хвоста*, если не считать, конечно, Джорджио. Увидев, что я задумчиво верчу в руках бирюзовую кофту за пятьдесят долларов, он обрадовался, попытался меня отстранить и снова заплатить вместо меня. Тут уж я категорически запретила ему это делать. Джорджио продолжал настаивать. Он не понимал, что я не торгуюсь. Что

¹ Две женщины (англ.).

² О, мое солнце! (ит.).

³ Друзья! (ит.).

я, согласившись составить ему компанию, всего-навсего, пожалела старичка. В итоге я и сама не смогла купить кофту. Из вежливости пришлось сказать ему, что она мне не нравится: «Do not like me».

«Нет, от мужчин одни неудобства и хлопоты», — подумала я, увидев, что очередь в кассы дворца за мое отсутствие увеличилась вдвое. «Разве это мыслимо, чтобы женщина вела себя подобным образом? Мешала бы записывать, кто похоронен в соборе, пытаюсь то ли пересчитать мои позвонки, то ли без надобности (и так жаркий день!) согреть мне спину, вода по ней широкой ладонью?»

Да, но женщина и не рвалась бы заплатить за бирюзовый свитер», — пришла мне в голову диалектическая мысль.

В конце концов мне удалось *стряхнуть хвост*, только сделав вид, что я намерена выстоять эту очередь. Перед таким героизмом Джорджи спасовал и ретировался.

А я решила приехать сюда на следующий день с утра пораньше, занять очередь вовремя, и, озираясь по сторонам (не видит ли он), вышла из очереди.

Гуляя с Джорджио, я обратила внимание, что перед красивым белым зданием аквапарка очереди не было, и пошла туда. План осмотра достопримечательностей следовало выполнить.

Первым делом я остановилась перед аквариумом, в котором жили мурены. Высота аквариума намного превосходила мой рост. Мурена, тяжело дыша, как Джорджио, уставший бегать за мной по тропическому саду, нависла с той стороны стекла, где-то на уровне моих глаз. Она определенно видела меня, находилась со мной *в контакте*, и на физиономии у нее было написано, что она со мной сделала бы, если бы могла, если бы между нами не было стены аквариума, удерживающей и толщу воды, и ее, понимание невозможности этого и даже немое томление духа по этому поводу.

Не одну меня заворожил ее откровенный плотоядный взгляд. От других аквариумов туристы отходили быстро, а здесь задерживались надолго. На табличке на стене о ней тоже не было написано ничего хорошего.

Мурена нависла надо мной, как *древний змий*, — было видно, что она меня не боится. В ее позе не было угрозы. Угрожает тот, кто боится сам.

Похоже, я действительно аппетитна, отметила я, удалившись. Бедный Джорджио... Но за десять минут, что я простояла перед муреной, до меня стало смутно доходить, почему люди ходят на фильмы ужасов.

В следующем аквариуме жили целых четыре мурены, поменьше. Они так же вождеденно смотрели на меня. «И от вас, мои дорогие, уйду», — сказала я, нацелив на них фотоаппарат.

В следующем... из каменного грота торчало нечто резиновое, короткой колбаской лежавшее на песчаном дне. Какой-то бледно-зеленый кусок резины, муляж из фильма. Внезапно до меня дошло.

Вот чудак! Замаскировался под *дерьмо*. Что ж, пожалуй, неплохое решение, в наше-то время...

Один аквариум меня просто потряс. В нем небольшой стайкой плавали обычные худенькие рыбки, похожие на кильку. Но плавали они *вниз головой*! Я подождала несколько минут, когда они займут нормальное положение: пошутили и хватит. Но они и не подумали!

Здесь же, в этом аквариуме, творилось еще что-то жутковато-непонятное. Дома у меня в книжном шкафу на полке лежала шероховатая окаменелая белая ветка коралла. На дне этого аквариума было множество таких же веток. Они лежали единым пластом и... *шевелились*. Такое бывает во сне. Во сне даже камни могут начать шевелиться. Это шевеление странных, каких-то даже *развратных* щупалец завораживало, в этом было что-то мистическое, как в фильмах Тарковского.

На заднем плане картину дополняли странные бледно-розовые существа, похожие на больших кузнечиков, с длинными усами, длинными тонкими ногами. Их было восемь, они задумчиво гуляли по небольшим шероховатым камням, изображавшим скалы. Этот подводный мир был определенно *крейзи*¹, особенно эти полупрозрачные кильки, бодро плавающие стоя на голове.

Продолжение следует.

¹ Crazy — сумасшедший (англ.).

ФОРУМ «ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ»

В сентябре постоянный автор журнала «Юность» Хелью Ребане приняла участие в работе 12-й сессии международного общественного форума «Диалог цивилизаций», которая состоялась на греческом острове Родос. Это был для нее уже четвертый «диалог».

Очередной форум проходил под девизом «100 лет спустя: предотвращение мировой войны силами глобальной солидарности» и был посвящен изучению уроков Первой мировой войны. Кроме повторения общих сентенций «лучше плохой мир, чем хорошая война», сегодня, когда кровопролитные действия разных цивилизаций продолжаются, изучение этих уроков имеет не только символическое значение.

Хелью Ребане не только поделилась своими впечатлениями о форуме с «Юностью», но и дала интервью корреспондентке агентства Синьхуа. Она подчеркнула, как важно ясное понимание первопричин войны. В своем творчестве она касалась проблем эгоизма и альтруизма в книге «Город на Альтрусе»¹ (2011). Хелью считает, что хотя для всех и очевидно, что главной причиной развязывания военных конфликтов является доминирование воинствующего эгоизма над безоружным альтруизмом, альтруизма в современном мире становится все меньше. «Мир устал ненавидеть», — утверждал Махатма Ганди. Но ненависть,

увы, в разных, даже более изощренных и опасных формах, активна и поныне.

Президент и основатель форума, известный общественный и государственный деятель Владимир Иванович Якунин подчеркнул: «Будущее, которое теперь стало настоящим, было предсказано на форуме уже давно. Но точность нашего прогноза вовсе не означает, что нам нравится жить в таком настоящем — в эпоху перемен, которая характеризуется системным кризисом, затронувшим не только мировую экономику, но и цивилизационные основы и понятие человеческой идентичности... Более того, сегодня мы озабочены угрозой новой мировой войны».

«В связи с форумом может возникнуть вопрос, что могут слова против танков, — заметила Хелью Ребане. — Мне вспоминается, что у Хемингуэя спросили, зачем он пишет книги против войн. Якобы с таким же «успехом» он мог бы писать книги против горных лавин. Так ли это? В последнее время в СМИ часто звучит высказывание: «Мысль материальна». Это даже не оспаривается. Ну, раз уж мы допускаем, что мысль материальна, то слово — тем более. И такие мощные акции, как состоявшийся форум, своим авторитетным анализом, предвидением и предупреждением способны остановить нарастание разрушительных процессов на нашей планете».

Борис Рябухин

Хелью Ребане среди участников форума

¹ Повесть Хелью Ребане «Город на Альтрусе», перевод с эстонского Бориса Рябухина.

Александр АНАШКИН

Александр Анашкин родился в 1964 году в Москве, окончил Московский горный институт. Печатался в журналах «Волга», «Знамя», «Крещатик», «Новый Берег», «Юность» и др. Автор книги стихотворений «Другая метрика» (2006). Лауреат премии имени Анны Ахматовой. Живет и работает в Москве.

ДЕНЬ ГОРОДА

Едем к цыганам, что ли?!
Хрена ли нам, татарам,
не разгуляться в поле
с водочкой под гитару?

Или заложим бричку?
Сам Николай Василич,
от суеты столичной,
выдумал пол-России
к ентому экипажу,
можно сказать, в придачу.

Можно представить даже,
как мы с тобой поскачем!
Тройку коней — не мене!
Дело не в лошадиных
силах, а в перемене
(альтернативе роста)
участи пешеходной.

Жаль, на столбах не версты.
Если взглянуть с исходной,
внутренняя свобода —
вот о чем пишет классик!
Чичиков там, Манилов —
это для дяди Васи
что по воскресеньям.
Главное, как покатит
способ перемещения.

Впрочем, не хочешь бричку —
двинемся по проспекту.
Медленно, единичным
взглядом лова соседних
барышень перспективы.
Методом заграничным
в местный аспект вплетая
злую определенность,
правило Лопиталья,
если угодно дамам.

Дня через три, когда мы
вырвемся из запоя,
ты мне напомни, право,
я предложу такое...

* * *

От нечего делать уеду на юг
и там, еще больше собой недоволен,
на снег раскаленный, который песок,
возлягу. И пялиться стану на волны,
и в тайну проникну песочных часов.

И прочего. Мысли мои холодны,
у каждой два полюса, ось и орбита —
системы в них нет, и любая планида
способна влиять на меня, извини.

Что делать нам в памяти нашей без нас?
С какими еще временами обедать?
За каждой победой скучает рассказ,
и степень свободы горит сигаретой,
на степень соответствия пеплом ложась.

Переселение душ

Дереву уподоблюсь,
стану шуметь листвою,
громче, чем твой автобус
фыркает, уходя.
Или останусь строгим,
как молчаливый глобус, —
очень похож на Землю,
но не сама Земля.

Улицей буду мерить,
 гневно сверкать домами,
 стеклами отражая
 солнце тебе в висок.
 Рыжим пятнистым зверем,
 кошкой или собакой,
 перебегу дорогу,
 брошусь под колесо.

Не попаду — тем хуже!
 Дворники без работы —
 словно портвейн в бутылках,
 если его не пьют, —
 портят хороший ужин.
 С пятницы до субботы
 новым побуду русским.
 Может, меня убьют

выстрелом из базуки
 в собственном мерседесе,
 скромном и незаметном,
 типа кабриолет.
 Чтобы, ломая руки,
 корреспонденты прессы
 пели тебе об этом
 телом своих газет.

Или, по водной глади
 черной московской речки,
 выйду, как тот философ,
 с дворниками на бис
 ладить, забавы ради,
 матерные отмычки
 для основных вопросов
 ненависти и любви.

РАЗВЛЕЧЕНИЕ

Не понимай меня,
 Не принимай на веру
 Плоские, как химеры,
 Доводы бунтаря.

Есть у тебя окно,
 Есть за окном дорога,
 Мало ли, что не много
 Видеть на ней дано.

В спальне твоей стена
С ковриком и картиной,
Где на манер старинный
Скука нанесена.

Для тишины души
В красном углу икона,
Ликом, вполне законно,
Требует — не спеши!

Просит: не пей вина
С гостем своим на равных,
Жестов и мыслей плавных
Не поднимай со дна.

Вспомни, в который раз,
Словно не в этом дело,
Смешивать неумело
Хочешь портвейн и квас?

Лучше возьми кота
Рыжего на колени,
Может, в его вселенной
Правда не так проста.

Может быть, там рассвет
Не допускает связи
Между цветами в вазе
И тишиной в ответ.

Желтые фонари
Ночь объявляют в мире.
Даже в одной квартире
Трудно не быть людьми.

ОТ РЕДАКЦИИ

Михаил КРУПИН

Фильм Никиты Михалкова «Солнечный удар» никого не оставил равнодушным, многие захотели высказаться на страницах «Юности». Ждем и ваших откликов, уважаемые читатели! А пока публикуем горячий материал Михаила Крупина. Начало разговору положено.

Михаил Крупин — русский прозаик, поэт, кинодраматург. Проза, стихи и эссе Михаила Крупина публиковались в «Литературной газете», в журналах «Москва», «Наш современник», «Литературная учеба» и других изданиях. М. Крупин — автор книг «Рай зверей», «Правило ночное», «Баллада о невтонах», «На золотом крыльце стреляли», «Медитация с саблями».

ВОСПОМИНАНИЕ О СОЛНЦЕ

СУЖДЕНИЕ

СОЗЕРЦАЯ ИСТОРИЮ

Разглядывая дореволюционные (или уже времен революции) фото, порою ловишь себя на странном ощущении. Вот группа людей, цепенеющих при долгом экспонировании на широкоформатных пластинах, где аналогом современного пикселя служит чистое зернышко оксида серебра... И хочется представить — что же было с этими людьми до их фотографического оцепенения? Как они ходили, говорили, о чем тревожились и куда теперь пойдут, о чем заговорят после того, как фотограф торжественно воскликнет: «Снято!»

И вот, глядя на эту оцепенелость семейств, кадетских классов, целых цехов и штабов, артелей, париходств, сословий, я не мог представить их ожившими. Проникнуть туда... Более того, возникало чувство мистической опасности, что это их мертвенное оцепенение передастся через века и тебе.

Но ведь в рассказах их великих ровесников — Чехова, Бунина — все так живо, современно, зримо... Всматриваясь в серебро дагеротипов, в это гордое оцепенение с прорисовкой мельчайших де-

талей, словно видишь сцепленные зубцы Времени. Понимаешь: в свойствах этого Времени — лететь куда глаза глядят, неудержимо, и при этом не отходить от себя ни на шаг. Смахивать, словно татарин-дворник, мерными взмахами метлы в небытие с брусчатки русскую историю, и при этом, как хитроумный фокусник, мгновенно собирать все это и воскрешать в тысячах бессмертных миров. Эти миры — в наших душах.

Становится весело и страшно... Но долго созерцать в бездействии историю опасно (хоть занятие и кажется самым покойным). Логичным завершением этого блаженного рассматривания витрины будет солнечный удар.

ПОСЛЕДНИЙ ПРОКЛЯТЫЙ ВОПРОС

Название нового фильма Никиты Сергеевича Михалкова — многомерно.

Точные удары по глазам, по зрительному нерву, с первых кадров. Главный закон фильма, его

начальное и граничное условие заявлены сразу: все оживить.

И торжественные групповые снимки, булыжные шинели и ошеломленные лица оживают, покорные тонкому колдовству киноискусства.

Но это только отправная точка.

Теперь крупные планы... И живое разлетается и вдаль, и вспять: в каждом из пленных офицеров, этих последних слуг империи, живут воспоминания.

Там — обитатели поволжских безмятежных набережных, белые щеголеватые пароходы, дети в матросских костюмчиках, нежные и удивительные барышни, мастеровые, грузчики, провинциальные кокотки, извозчики, купцы... Все в скрупулезной прорисовке мельчайших деталей оживает, путается друг у друга под ногами, раскланивается, поет, хохочет, ударяет по рукам, пьет-гуляет и хлопчет, уткнувшись носом в свои ежечасные проблемы. Словом, движется и живет, живет и движется. Куда? Да к той своей последней фотографии, которая ознаменует конец целой эпохи, неповторимой культуры и цивилизации, и все же, как мы знаем, не положит конец жизни.

«Как же это случилось? Когда?»

Этот вопрос — как солнечный удар — поражает офицера средних лет на пороге иной жизни, только вместо апостола Петра там у входа — чекист Георгий Сергеевич. На этом пороге в жизнь иную — хотя и недолгую — следует срезать погоны, а вместе с ними оставить чекисту и ответственность за судьбы родины.

«Как же это случилось? Когда?» Об этом последний «проклятый» вопрос русского человека. Об этом новый фильм Никиты Сергеевича Михалкова.

ТОЧКА ОТСЧЕТА

Рассказ «Солнечный удар» — один из ностальгически-пронзительных этюдов Бунина, написанных им в эмиграции.

Казалось бы, простая человеческая история, проникнутая — как листва июльским солнцем — отчаянным лиризмом. И какой-то спящей тоской, в которой с горечью утраты женщины слилась украдкой у писателя другая, эмигрантская тоска и горечь.

Для режиссера этот бунинский текст — некая точка отсчета. Казалось бы, избранная произвольно, случайно. Но случайность этой точки неслучайна. От нее, как и от любой другой точки в необъятности русского пейзажа, русского романа, русской музыки, живые завязи (животные, если угодно) ведут ко всему организму русской культуры, ко всей сокровищнице золотого и серебряного веков...

Неслучаен на бунинском пароходе и Антон Павлович Чехов, не склонный выдавать свое присутствие как восторженным попутчицам, так и неведждам в современных кинозалах.

Неслучайно незнакомка, встретившаяся поручику на палубе, так напоминает, даже не чертами лица, а тем мерцающим воздухом тайны, «Незнакомку» Крамского. К этой тайне Вечной Женственности, как полагали символисты Серебряного века, восходит только абсолютная гармония...

Мудрено ли, что и молодой поручик, и молодые Андрей Белый и Александр Блок, и весь их «просвещенный век» ради столь головокружительных вершин и бездн, на какие только могут вывести людей их пути, забывают... о своем народе? О тех пытливых мальчишках, которые в начале века удят рыбу на пристанях, провожая глазами пароходы, и сходящих порою на берег офицеров с Прекрасными Дамами под руку.

Оговоримся. Здесь, в картине Михалкова, — ни на йоту осуждения.

Никакого социально-обличительного пафоса. Скорее, режиссер здесь совершенно слит с поручиком, получающим свой солнечный удар. Он всегда возле сердец героев, которых любит, как и во всех своих фильмах, той живою, русскою,

«растительною», по выражению Аполлона Григорьева, любовью. И только во время финала — а трагический финал рассыпан от начала фильма до его конца, — всплывает не осуждение, нет, а невыразимое словами, но, оказывается, выразимое кадрами чувство покаянной горечи.

Тонет баржа с обманутыми офицерами — в тех же водах топится безвозвратно горько обманувшаяся на своих путях Россия.

МИРАЖИ ПРЕКРАСНОЙ ДАМЫ

Страшнее всего то, что все они еще сильны. Порою рефлекторно веселы. Полны надежд.

Но теперь это не воинство — люди. Отдельные люди. Составлявшие некогда русское войско, у этой последней черты опять стали просто людьми. Каждый из них — снова — всего лишь человек перед Богом и собственной совестью. В этом величие последних часов этих людей на земле. В этом Божья милость к ним. У последней черты — и своей, и России, перед широким блистанием Черного моря — есть еще несколько дней подумать: как это случилось? И что случилось с ними? С Россией?

Тайны Вечной Женственности, миражи Прекрасной Дамы — неужели не стоили они того, чтобы забыть ради них вообще обо всем?

В ответах на этот вопрос — странное единодушие всей русской интеллигенции, к которой, бесспорно, относилось и офицерство начала XX века. Печальное единодушие... Если для Толстого, Достоевского, Тургенева на первом месте всегда — судьбы народа, они занимались народом, то теперь...

Действительно, для лидеров Серебряного века народ представляет уже как бы эстетическую категорию. Мистики-символисты, акмеисты, футуристы, мирискусники, словно наш герой-поручик, увлечены страстной игрой с «лиловыми мирами», инфернальными ритмами, стилевыми изысками, поисками небывалой формы... В этой авторитетной компании — Блок, Скрябин, Бенуа, Сомов, Врубель, Борисов-Мусатов, Северянин, Брюсов, Мережковский, Бердяев, Соловьев, Бальмонт, ранние Маяковский, Мандельштам, Есенин, голова двух-трех писателей-реалистов, каковы, скажем, Бунин и Куприн, почти не слышны. Даже «самые демократичные», по выражению Блока, из них — Маяковский и Гумилев, — заняты всего лишь стилистическим экспериментом.

А народ словно брошен. Мало того, брошен Человек. Нравственно-философские вопросы, поднятые Толстым и Достоевским, казалось бы,

жизненно необходимые для всех существ одушевленных... Не то чтобы отсутствуют попытки их решения... Все словно забыто. Русские художники как будто сговорились и условились на том, что сии вопросы неразрешимы «по определению», и разошлись по прикладным лабораториям.

Вопросы «Что?» и «Зачем?» уверенно теснит вопрос «Как?».

Недаром незадолго до смерти Льва Толстого в 1910 году молодой Бунин, чутьем истинного художника безошибочно улавливая в атмосфере общества все признаки надвигающейся катастрофы, говорит в частной беседе Георгию Адамовичу: «Вот умрет Толстой, все пойдет к черту». «Что пойдет? Литература?» — удивленно спрашивает Адамович. «И литература», — обреченно махнул рукой Бунин.

Социально-общественные писатели — от Некрасова до Добролюбова — освеженному «прогрессивными» веяниями обществу уже откровенно скучны. А ну-ка, дайте нам чего поострее, постраннее да поинферральнее... Зримо — сравним Сомова и уже немодных передвижников. И станет яснее, куда идет общество, точнее, куда оно летит. Ведь земной почвы уже нет под ногами...

МЫ — ОТ ОБЕЗЬЯНКИ

Кто же в этой ситуации вспомнит о Егорке, точнее, о сотнях, тысячах и миллионах Егорок, которые в кои-то веки научены читать по складам, а до блоковских и бурлюковских стилистических изысков еще не выросли?

«Ты, брат, от обезьянки», — говорит, раздражаемый сознанием своей «прогрессивности», учитель Егорке. «Как? И вы от обезьянки?» — вопрошает ошеломленный Егорка своего кумира — ученого поручика. «Да не хотелось бы», — только отшучивается тот. Образованный поручик, читавший и Толстого, и Блока, а возможно, и Канта и

Шопенгауэра, знает, что за несколько минут свое мировоззрение ребенку (да еще «из простых») не разъяснить. А нескольких часов у него нет. Как нет и желания тратить свое время на «это». Он еще весь в колдовской истоме, в мареве потери и любви... Увидев вдалеке пароход с Незнакомкой, он с разбега кидается в воду.

«Значит, не буду тогда в церкву ходить...» — уже впроброс, смакуя непробованные в жизни кушанья, бурчит ребенок. А вместе с тем в Егорке, увлеченном вкусной едой, незаметно для него самого происходит незримая работа. Мы от обезьянки, стало быть, еда всего главнее, мы от обезьянки — значит, само понятие о том, что хорошо и что дурно, будет теперь совершенно иным.

СВЯТО МЕСТО ПУСТО НЕ БЫВАЕТ

Зачем офицеру часы? В ауре своей неслыханной любви поручик словно вне времени... А все рычаги времени — теперь у Егорки. У добрейшего, пытливого мальчика, которому доказано, что он «от обезьянки». Которому уже незачем в церковь ходить — к Богу, которого нет. Незачем поступать по его светлым заповедям... Не на это он отныне будет тратить свои и не свои часы. И время в лапках у потомка обезьянки превратится в гранату, спящую лишь до поры.

Перед нами, конечно же, не детектив. Но до самого финала центральная интрига не выдана, утаена в положенной ей тени. Немногие детективы могут сегодня похвастаться этим. А нам это доказывает, что у интриги — истинная, не столько сочиненная, сколько *выявленная* основа. Что интригу эту сплела сама русская история.

Поэтому интригу не разгадали до финала не мы одни, современные кинозрители. Ее не разгадали — увы — даже ее современники. Как и мы, заодно с постаревшим поручиком, не узнали в скромном и доброжелательном чекисте — благо-

лепного отрока Егорку, так интеллигенция 1917–20-х годов не узнала в «красных всадниках Апокалипсиса» свой собственный народ.

Конечно, руководили этим народом иные — Землячки и Белы Куны, но не сама ли, сойдя на первом же причале с парохода, «русская интеллигенция» сдала им свой народ с рук на руки? Свято место пусто не бывает. Тем более место учителей и благодетелей нации.

ПОРТРЕТ СМЕШОН И ЖУТОК

Казалось бы, для портретов революционных папачей — Землячки и Белы Куна — кинохудожник не жалеет ловких сатирических мазков. Но тем страшнее их облик. Такими мы большевиков еще не видели. Когда-то мы до тошноты насмотрелись на потешных злыдней-активистов (в 90-е было немало конъюнктурных шаржей, не обеспеченных особым вживанием), но еще не видели революционеров животными, которые, попросту перебирая копытами, перешли венгерскую границу и в две извилины втиснув три революционных лозунга, встали у руля страны.

И вздрагиваешь внутренне, потому что в «Солнечном ударе» это не карикатура, а тонко прорисованный психологический портрет. Хочется сказать даже: психотерапевтический. «Боги-на? Или -ня?» Облик Белы хлещет по глазам каким-то мрачным озарением: так вот какими они были!

И оттого портрет этот еще более смешон и жуток.

ЛИЦО — ЗЕРКАЛО ДУШИ

Но пристальнее всматриваешься, конечно же, в Георгия Сергеича, бывшего Егорку. Впервые увидев его, думаешь: какой хороший сильный человек, открытое простое русское лицо. Как человек он с вчерашними врагами, как христиански безответен на иные истерические выпады.

Сразу возникает легкая тревога за него, играющего явно не по правилам. Боже, вот сейчас, сейчас он попытается защитить пленников от своего «нерусского начальства»! Может быть, даже погибнет вместе с ними!

И тем страшнее, что в финале картины этот человек с открытым русским лицом одним движением...

Это лицо, его простые добрые черты — отпечаток духовного труда сотен поколений русских людей — словно отделяется уже от своего хозяина. Существует расхожая фраза: лицо — зеркало души. А вот к этому лицу словно должна прилагаться другая душа. Отражение души Георгия

Сергеевича словно еще не успело измениться, но после этого «открытого и искреннего» преступления, мы знаем, оно начнет меняться.

Впрочем, кто-то скажет, что едва ли...

Ведь он так попросту, чуть ли не добродушно и участливо — топил офицеров, как котят.

Как всякий пылливый русский ум, пытающий мир не поверхностно, а в его «концах и началах» (Бердяев), Георгий глубоко копает жизнь. Сродни героям Достоевского, он сначала стремится найти «главную правду» о мироздании и человеке. А найдя и уверовав в нее, он под нее и выстраивает свою жизнь, порою беспощадно калеча собственную душу.

Так сделал и Егор. Он еще невольно хочет перекреститься перед тонущей баржей, но это, конечно, всего лишь «условный рефлекс», и... Рука лишь поправляет комиссарскую фуражку, щепоткой цапнув козырек...

Действительно, кого жалеть? Какая разница? Еще пара сотен обезьяньих правнуков перестает существовать. Так нужно для революции — для справедливого обезьяньего мира, где всем оставшимся в живых будет наконец-то сытно и комфортно.

Георгий по-прежнему — во многом Егорка, добрая душа, поэтому жалеет даже обезьянок. Он их покормит напоследок, подкинет им любимую игрушку (а что же еще для него теперь молитва?), разрешит сфотографироваться «для истории»... Конечно, жалко их.

Да некуда деваться, коли сама наука велит избавить пролетарский мир от какого-то неизлечимого вируса, который носят в себе эти умненькие обезьянки с аккуратными банановыми корочками на плечах.

Вот только глаза Георгия горят болезненно и сухо — и выдают отблеск жестокого пожара, выжигающего сейчас этого человека изнутри.

И часы — все это время — в полной исправности.

Да могло ли существо, которое «от обезьянки», не от Господа, сохранить эти часы? Отчаянно бежать по берегу за пароходом, чтобы доказать, что он не вор, доказать эту важнейшую вещь человеку, которого он не увидит в жизни больше никогда...

РЕЖИССЕР СНИМАЕТ ОДИН ФИЛЬМ ДЛИННОЮ В ТВОРЧЕСКУЮ БИОГРАФИЮ

Тема гражданской войны возникает в творчестве Михалкова не впервые. Всегда, даже в 70-е, это была не тема правоты белых или красных, это тема человека, для которого остаться человеком в нечеловеческих условиях гораздо важнее. Не случайно Шилу, как Егорке, важнее всего оправдаться перед товарищами, а белые и красные, золото и бриллианты — только фон. Недаром Шилев (гениально сыгранный Богатыревым) рассказывает про марксизм, науку басмачу Каюму, будто апостол прорицает из Апокалипсиса: «У всех, кто своих братьев, бедняков, обижает, у всех на башке рога вырастут».

А крымские страдания Ольги Николаовны из «Рабы любви», занятой многоцветными нюансами собственных чувств? Не тот же ли это драгоценный сколок серебряного века? Только сегодня, в «Солнечном ударе», рассказ о трагедии русского общества ведется обстоятельнее и исследовательски-дотошнее.

Кто-то сказал, что истинный писатель всю жизнь пишет одну книгу, а режиссер снимает один фильм длиною в творческую биографию. Отсюда чувство непрерывности его пути — верный залог искренности.

На мой взгляд, именно фильм «Солнечный удар» острее, чем любой другой, подчеркивает это фатальное чувство пути режиссера.

РУССКИЙ ПЕЙЗАЖ

«Как же это все произошло? Когда же все это случилось?»

Так что же? Разве Вечной Женственности не позволено царствовать безраздельно над сердцами своих славных рыцарей? И не стоит оно, ее звездное властвование, того, чтобы как в омут головой?

Картина исполнена слишком порхающим и невесомым плетением кадров, чтобы кому-то удалось прихлопнуть его крышкой однозначного ответа на что-либо.

Картина, скорее, предлагает зрителю отыскать свой путь в узоре «бродов, вод и рек» родной истории...

Словно Владимир Соловьев в Аравийской пустыне, сталкивается над водной гладью со своей Прекрасной Дамой молодой офицер...

Он может этого не знать, может и не читать Соловьева и Блока, но и его втянул каким-то завихрением контекст страстей серебряного века с бесконечными фокусниками, с адской смесью чудо-технологий с легким ужасом столоверчения и первого синематографа... И поручик уже в эпицентре этого гибкого, с осиною талией смерча.

В конце концов, это просто поручик, где взять ему силы? Если он не в силах спасти от неудачливого фокусника часы в своем кармане, как уберезжет он от заезжих шарлатанов Свое Время?

И снова отсыл к нашей же великой словесности, как к точке отсчета. Вызов всех смерчей, всех соблазнов нового века принимал молодой Бунин...

Кажется, находясь в их эпицентре, он всерьез пытается остановить надвигающийся хаос, вернуть и претворить его в священный, охранительный и, как сказали бы теперь, «обороноспособный» реализм.

Бунин словно закликает поднимающийся хаос законами святого реализма. Пока еще есть время, пока это чудовище не вышло из-под контроля.

То же делает сейчас и Михалков. Охранить самосознание народа в переломные, трескучие моменты истории, пройти по краешку и не сорваться вниз способен только русский реализм — ясный и прямой взгляд художника на все предметы и на все миры в их страстной совокупности, земной и небесной.

Этой причины достаточно, чтобы творческий метод всегда был современен, был всегда прав.

А Прекрасная Дама... Что же? Это и до сей поры совершенно неуловимое существо. И в этом быстро убеждается поручик. Но шутки в сторону.

Нравится кому-то или не нравится, но Незнакомка (или как угодно вам назвать свою вершину Вечной Женственности) ни для кого невозможна на Руси без этих волжских берегов, без архангельских гроз с гулками отзвуками в колокольнях, без этих облаков столетней масти, без Рублева и всех его подмастерий, без дворцов Растрелли, без музыки Артемьева, без режиссуры Михалкова...

Без полета духа нации нет и индивидуальных взлетов. Если бы не было этих необозримых берегов, этой «беспорывности русского пейзажа», не

было бы русских песен, сказочной и сокровенной глубины всех рождественских елок, удачества ямщиков, солнца и инея, то и не было бы этого «солнечного удара», не было бы невероятной поэзии любви Поручика и Незнакомки...

А было бы простейшее обезьянье соитие (предъявленное нам со всех ракурсов в отличных голливудских фильмах). И не коснулся бы ангел своим невесомым крылом, объединившим и вынесшим к самому солнцу две души человеческие.

МЫ — НА ГРАНИ КРОВАВОГО РАЗРЫВА С БРАТСКИМ НАРОДОМ

Еще одна важная грань.

У поручика был «солнечный удар», сосредоточивший все его существо на одной грани жизни, но вот к нему подходит другой офицер... Иazole самого задраенного люка баржи этот другой признается в том, что он-то как раз «все видел и все понимал», но был болен другой русской болезнью, передающейся от отца к сыну, из века в век... Той самой хворью без названия, которая заставляет смотреть и не прилагать ни к чему рук своих. Созерцать, скажем, детскую коляску, скачущую вниз по лестнице... Эта чертова зараза приводит целые цеха, артели и сословия в полное оцепенение. В то самое душевное оцепенение, точный символ коего — то групповое фото пленных офицеров, последних слуг исчезнувшей империи.

И что это?! Просто душевная лень, страх выпачкаться чем-то, что страшнее гибели твоей страны, твоей семьи и твоего народа?

Увы, эта лень-неохота, вечная усталость, нежелание пожертвовать даже минутным удобством, этот вязкий страх — роднят представителей русского «просвещенного общества» от Илюши Обломова и до Сережи Довлатова. Со временем эти удивительные национальные качества обретают

даже философские обоснования, вроде того, что «бездействие — единственное нравственное состояние».

Чудесным образом в картине «Солнечный удар» удалось совместить двух Буниных: тончайшего лирика, чувственника — и эстета, автора «Солнечного удара» и желчного, яростного публициста «Окаянных дней». А ведь два эти автора, пожалуй, даже не знакомы.

Но такое совмещение как будто открывает еще одно измерение в просторах картины.

Разлитый в своих офицерах, в их отчаянии, беспомощной злобе, наивных надеждах — Ян Бунин, и в беспощадном понимании всего свершившегося на родной земле — поздний мудрец и печальник Иван Алексеевич, и там, на пароходе, — измученный любовью и потерей Ваня Бунин, «постаревший вдруг на десять лет»...

Картина «Солнечный удар» необычайно современна. Так что порой даже хочется потрянуть головой: да правда ли, что все это уже история?

За подтверждениями далеко ходить не надо. Удивительно то, что когда фильм только задумывался и даже снимался, не было еще самых разительных из этих подтверждений.

Украина...

«Как же это все произошло?» — в пору спросить у себя. «Когда?!» Смотрите же. Вот так это и бывает в истории. Как видите, бывало.

Украина... Малороссия да Новороссия. Таврия и древнерусская Северщина. Галичина и Закарпатье. Киев — мать городов русских. Украина — еще каких-то 150 лет назад не имевшая своего письменного языка. Но и тогда было понятно — здесь сходятся падкие на все еврооблазны «песни западных славян» и воля к гениальности (по выражению Бердяева), то есть к полному самостоянию славян восточных.

Украина — это и мазепинщина с польскими, австрийскими корнями, и лукавая душа правобережных гетманов, это и Путивль, на стенах которого плакала княгиня Ярославна. Самые жестокие битвы гражданской войны разворачиваются именно здесь (Среднерусская возвышенность гражданской войной почему-то почти не охвачена). Бои с Колчаком — это Татарстан и Урал, да еще вот вспыхнувший казачий Дон... Все остальное — Украина. Там гетман Скоропадский и Симон Петлюра, генералы Деникин и Шкуро, конные марши Буденного и Котовского, тачанки батьки Махно и атамана Григорьева, вторжения немцев и белополяков, финальная схватка ба-

рона Врангеля и каторжника Фрунзе... Все это было на Украине.

И вот на Украине сотни, тысячи людей снова задышались от злобы...

Но чем была эта земля для нас всего-то несколько месяцев назад? Весьма экономичные студийные павильоны, радушные концертные залы... Ну олигархи, коррупция — так где же их нет? Ну балуют западенцы... Иногда вдруг — ой, куда-то не пустили сатирика Задорнова, а куда-то — Сережу Безрукова... Смех, да и только. Наши реакции на сии жовто-блакитные казусы были так далеки от каких-либо тревог и предчувствий, тем более бунинских, от надоедливой «общественной жизни»...

И вот мы — на грани кровавого разрыва с братским народом. И в самом народе том идет братоубийственная бойня.

Когда народ отрешивается от своих же ангелов, приходят бесы. Свято место пусто не бывает — стоит только где-то что-то оставить на самотек, на самоустаканивание, на саморегуляцию, на лечение наложением «рыночных механизмов».

А лучшая поддержка бесам всех мастей — безволие «приличной публики», имеющее нынче сотни оправданий — политических, экономических, юридических, — и порой даже неплохо оплаченное. Кем? Да теми же бесами.

Физикам давно известно, что в закрытых энергетических системах нарастает энтропия — то есть энергия этих систем стремится скатиться до низшего уровня. Но это идеальный случай. В реальном же мире закрытых систем, без притока энергии извне, не бывает, и если кто-то пожалеет своей братской энергии (светлой и доброй), обязательно на ее место вторгнется другая — с обратными качествами...

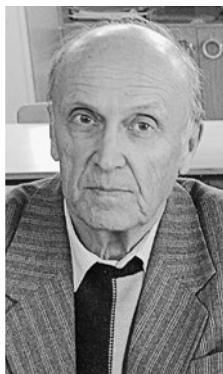
Оказывается, еще и об этом «Солнечный удар».

Уверен, мы пересмотрим это кино не один раз. Так же или почти так же любовно, как оно сделано, будем рассматривать на свет его уже знакомые грани и открывать все новые, почему-то еще не прочтенные.

И, может быть, подивимся, что, оказывается, еще не увидели главного...

А станет ли это поводом созерцать и далее в бездействии захватывающие приключения своей страны, зависеть будет лишь от нас.

В материале использованы кадры из фильма Никиты Михалкова «Солнечный удар», любезно предоставленные автором публикации.

Дмитрий ИГУМНОВ

Дмитрий Игумнов родился в Москве в 1937 году. Служил на Балтийском флоте. Окончил Всесоюзный заочный энергетический институт. Работал в НИИ.

Сейчас преподает в Московском институте радиотехники, электроники и автоматики. Печатался в журналах «Наш современник», «Юность» и альманахах. Автор книг прозы «Рыжий» и «Кукуй».

Рассказы

Лордик

Рисунки Антонины Решетниковой

В один из ласковых воскресных дней начала осени я со своей женой Валею возвращался домой из хозяйственного магазина с покупками. Почти у самого подъезда дома нас остановил голос Тамары, бывшей Валиной сотрудницы. Раньше девчата работали в одном конструкторском бюро, но потом Тамара перешла в другое подразделение того же «почтового ящика». Поэтому они все же встречались, хотя и нечасто. И всегда обменивались новостями по самым разным вопросам. Был знаком с Тамарой и я, но, как говорится, шапочно.

В ту нашу встречу Тамару сопровождал молодой мужчина, подчеркнуто аккуратно одетый, в костюме-тройке.

— Ой, знакомьтесь, — вместо приветствия радостно произнесла Тамара. — Это мой Лордик.

— Как? — лукаво спросила Валя. — Его так и зовут?

— Нет, нет. Это я его так зову. А вообще-то он Миша Кульковский. — При этом она почему-то громко засмеялась. — И я теперь Кульковская.

Женщины эмоционально обсуждали перемены в жизни Тамары, а Лордик при этом молчал и лишь почтительно улыбался. Я невольно продолжал рассматривать Лордика. Раньше мне не приходилось встречаться с лордами, даже такими доморощенными. Этот Лордик вроде бы ничего особенного собой не представлял. Может, слишком худоват, особенно в сравнении со своей супругой. Да еще жилетка, которая бросалась в глаза, поскольку никто из моих знакомых не пользовался таким изысканным предметом мужского гардероба.

Мы пригласили Кульковских зайти к нам в гости. Почти сразу они согласились. Под аккомпанемент женской болтовни вся компания поднялась по лестнице. Как только мы вошли, Валя начала собирать на стол, а я побежал в магазин. После недолгой отлучки я проявился на пороге с сумкой, в которой помимо всего лежало по бутылке водки и вина. Но оказалось, что старания мои были напрасны: Лордик совсем не пил спиртного.

Как мы все его ни убеждали, он согласился лишь пригубить вина. При этом его мимика отражала крайнюю брезгливость.

— Почему вы так плохо относитесь к русским традициям? Совсем не пьете вина? — Я называл его на вы — все-таки Лордик.

— Не вижу ничего приятного в этом. Это варварский обычай...

— Почему варварский? — возразил я. — Мне приходилось читать, что даже сам Черчилль любил выпить коньячку.

Ответа не последовало. Да и в дальнейшем у меня не сложились отношения с Лордиком. Видно, слишком разными людьми мы были.

На следующий день на работе я рассказал своим приятелям о таком странном варианте непьющего русского «аристократа». Мое сообщение вызвало смех и удивление. Даже не могу сказать, чего больше. После всех комментариев итоговую фразу произнес инженер Лев Юркевич:

— Да он бывший алкаш, а теперь зашитый! Ему пить никак нельзя. — И под одобрительный шумок присутствующих закончил: — Это факт, даже не требующий доказательств.

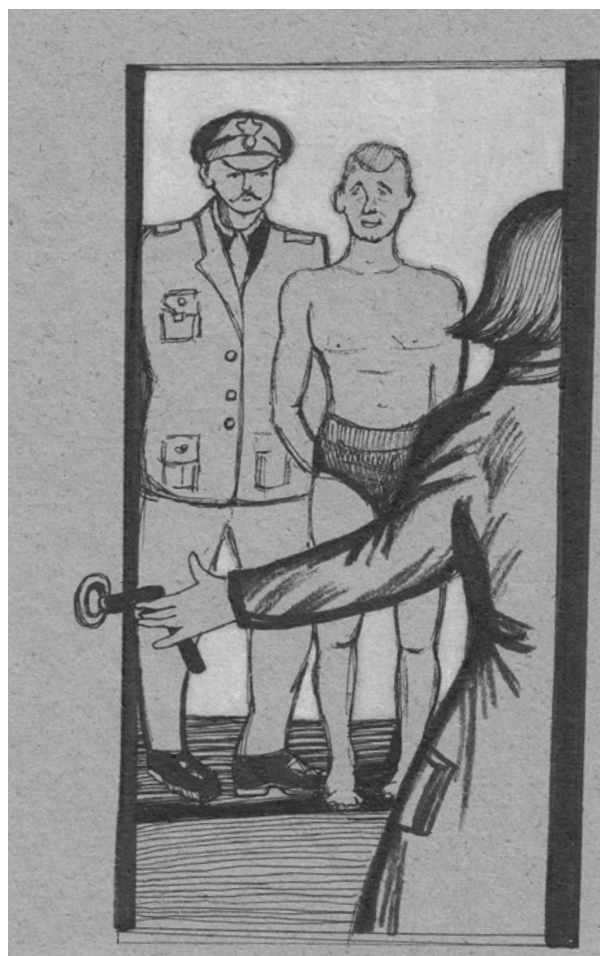
Я не согласился с таким вердиктом Левы. Если бы он сам видел Лордика, то имел бы совсем другое мнение.

Шли годы. Валя неоднократно рассказывала мне, как Тамарин Лордик героически продолжает свой жизненный путь. Как правило, он старался избегать дружеских застолий. Ну а когда все же приходилось бывать в гостях, то ограничивался одним глотком легкого вина. Мне уже порядком надоело слушать эти пересказы. Но тут совершенно неожиданно в жизни Лордика произошло событие роковое и странное...

У начальницы Михаила Кульковского намечался юбилей. По поводу круглой даты она пригласила к себе домой всех близких сотрудников, среди которых оказался и Лордик. Широту дружеского застолья определил муж юбиляра, который был грузином.

Я по собственному опыту знаю, какой праздник разворачивается по грузинскому сценарию. Хлебосольство превосходит все мыслимые и немыслимые пределы. Вот не хочешь больше пить, а как услышишь проникновенный тост тамады — и рука сама потянется к рюмке.

Так и случилось во время дружеской вечеринки в тот неладный вечер. Сначала Миша держался, затем стал пить по глоточку, а уж в самом конце — по полной. Именно в самом конце торжества, непосредственно перед уходом из гостеприимного дома.

Наверное, только поэтому в первое время хмель еще не успел полностью овладеть Лордиком, и он в глазах пьяненьких сотрудников предстал в достаточно приличном виде. Дружеские объятия, душевные слова прощания — и все двинулись в по своим домам. Лордик тоже пошел к остановке троллейбуса, но затем, не дойдя до нее, почему-то повернул по направлению к скверу. Там он сел на лавочку и... впал в глубокий обморок. Совершенно не приспособленный к алкоголю организм отключился.

Шел уже третий час ночи, а Лордика все не было. Тамара то становилась предельно горестной, то переходила в ярость: «Пусть только заявится! Я ему покажу!» Но тут же накатывала беспредельная жальность: «Может, ему плохо? Может, с ним что-то стряслось?»

Тамара все же заставила себя раздеться и лечь. Но сон, естественно, не приходил. Волнения продолжали терзать ее. Отчаявшись ждать, она, несмотря на позднее время, решила позвонить приятелю мужа, вместе с которым тот был на юбилее. Сначала никто не брал трубку, но спустя

пару минут в ней послышался недовольный женский голос. Предчувствуя неладное, Тамара не смогла сдержаться и зарыдала:

— Светочка, милая, у меня пропал Миша! Твой-то был вместе с ним на юбилее. Спроси его, что случилось?

Получить хоть какую-то информацию от приятеля Лордика не удалось. Он спал мертвецким сном и при кратковременном пробуждении нес какую-то околесицу. Тамара поняла бесполезность своей попытки и повесила трубку.

Светало. Терпение иссякло, и началась истерика, которую умножили блики скорого рассвета. И вдруг раздался резкий звонок в дверь.

Тамара вскочила с кровати и, на ходу пытаясь надеть халат, устремилась на звук. Открыв дверь, она увидела... На лестничной клетке стоял милиционер, а рядом с ним ее Лордик. Но не в жилетке, да и вообще не в одежде, а почти голый, в одних трусах!

Оказывается, наряд милиции обнаружил Мишу на скамейке в сквере именно в таком виде. Несмотря на довольно холодную ночь, привести его в чувство удалось не скоро. Когда же это произошло, Лордик, обнаружив полное отсутствие одежды, опять чуть не впал в обморок. Все, что было на нем, даже ботинки с носками, исчезло. Грабители оставили бесчувственному телу только трусы.

Может, постеснялись?

По понятиям того времени милиция должна была отправить Лордика в вытрезвитель. Но, к счастью,

даже в милиции служат разные люди. Видно, стражи порядка пожалели страдальца и по его слезной просьбе привезли домой перед гневные очи жены.

Увидев эту сцену перед дверью своей квартиры, Тамара обалдела, но через несколько секунд ожидание сменилось яростным гневом:

— Где штаны оставил, туда и иди!

Впоследствии этот афоризм часто повторяли и ее подруги, и сотрудницы, и не только они, а совсем посторонние люди, до которых долетела эта история. Со временем он стал любимым многими и продолжал распространяться, уже выйдя за территориальные пределы «почтового ящика».

Услышав гневную отповедь жены, Лордик заплакал. Он так надеялся, что в этом несправедливом мире все же есть один человек, который поймет и пожалеет его. И вот такая встреча...

Время все лечит. Залечило оно и раны в семье Кульковских. После той роковой ночи Лордик, надо отдать ему должное, сумел сделать для себя правильный вывод. Теперь он не избегал дружеских компаний и не отказывался выпить три-четыре рюмки водки. Но не больше. Да и характер его постепенно изменился, Миша стал более общительным.

Что же касается его внешнего вида, то он почти сохранился в изначальном варианте. Ходил Лордик всегда подчеркнуто чистеньким, в тщательно отутюженном костюме и непременно в жилетке. И никогда больше не заявлялся домой поздней ночью, по крайней мере, в трусах.

МОЛЧАНИЕ — ЗОЛОТО

Я родился и вырос в нашей огромной стране. В лучшие свои годы удалось мне побывать в самых разных ее местах, включая и некоторые потаенные уголки. Неоднократно и при разных обстоятельствах я избородил практически всю страну. И нигде не встречал плохого отношения к себе из-за того, что я русский. Нигде, кроме одной республики.

Какой?

Этот вопрос раньше я часто задавал своим собеседникам: друзьям, родственникам и просто хорошим знакомым. Их ответы мало отличались друг от друга. Почти все считали, что больше всего не любят русских в Прибалтике. Может, это и так, но ко мне там отношение было вполне нормальным, а временами даже хорошим. Согласитесь, что личный опыт имеет некое значение. А вот пе-

режить неприязнь пришлось только в среде братьев-славян на Западной Украине.

В начале восьмидесятых годов прошлого столетия я вместе со своим другом и коллегой Володей находился в служебной командировке в старинном прикарпатском городе. В нашем командировочном предписании значились промышленные предприятия министерства электронной промышленности и местный университет. В общем, обычная рабочая командировка.

Во всех подразделениях промышленного предприятия — и на заводе, и в конструкторском бюро, и в метрологической службе, словом, везде, куда приводил нас научно-технический интерес, — все складывалось нормально. Проблем в общении с инженерным корпусом никаких. Это во многом определялось тем, что не только в разго-

ворах с нами, но и в общении между собой технари использовали исключительно русский язык. Лишь изредка во вспомогательных службах можно было услышать не совсем чистую украинскую речь, а некую смесь, суржик. Как и везде в промышленности Советского Союза, трудовой народ говорил на «великом и могучем», так что никакого националистического душка мы не почувствовали.

Совсем иная картина ожидала нас в местном университете. Из уст не только преподавателей, но и студентов звучала только украинская мова, и лишь приезжие москали понуждали своих собеседников переходить на враждебный западенцу язык. Формально вроде бы некие правила общения соблюдались: на свои вопросы мы получали ответы на русском. Но ответы эти были излишне краткими, приправленными явным нежеланием продолжать переговоры. И тут же, выдавив из себя несколько фраз по-русски, местный интеллигент переходил на мову, уже обращаясь к своим коллегам. Никакого внимания нам больше не уделяли. Мне-то всегда казалось, что говорить на языке, который не все присутствующие хорошо понимают, просто нетактично, неуважительно. Однако у западенцев иное мнение.

И все же нам повезло. Оказалось, что интересующей нас тематикой научных работ занимается еще достаточно молодой преподаватель, Аскольд Васильевич. Он пригласил нас в свою лабораторию, чтобы в спокойной рабочей обстановке обсудить общие проблемы. Говорил Аскольд Васильевич по-русски очень чисто, без гзкаяющего южного акцента. Примерно через час общения, консультаций и споров наши научные интересы были удовлетворены, причем взаимно. После этого доброжелательный коллега предложил нам совершить экскурсию по красивым старинным зданиям университета и небольшому парку.

Прощаясь с нашим гидом и благодаря его за теплый прием, я не удержался и выразил удивление по поводу его прекрасного русского языка.

— Я рос в интеллигентной семье, — понизив голос, ответил Аскольд Васильевич. — У нас в доме было принято говорить только по-русски.

Да, везде есть разные люди, даже среди украинской интеллигенции.

Все рабочие задания были выполнены, и оставшиеся полтора дня командировки оказались свободными. Побывать в предгорьях Карпат и не полюбоваться пейзажами? Это просто глупо! Поэтому ранним утром первого свободного дня мы были уже у местного экскурсионного бюро. Группы туристов со всего Советского Союза и за-

рубежные гости штурмовали автобусы. После нескольких неудачных попыток нам все же удалось, заплатив небольшую сумму, примкнуть к одной из экскурсионных групп. Помнится, она состояла из жителей южного Урала. Естественно, говорили все, включая гида, только по-русски.

Часа через полтора езды перед нами предстали заросшие лиственными деревьями горы неопределяемой красоты. Они завораживали и манили. Экскурсоводу понадобилось проявить упорство, чтобы собрать всех туристов вместе и провести необходимый инструктаж. Вскоре вытянувшаяся в цепочку группа, во главе которой находился бывалый руководитель, начала медленно подниматься на ближайшую гору. Процесс восхождения для многих оказался нелегким, но очарование Карпатами с лихвой компенсировало усталость.

Однако наслаждение горными красотами длилось недолго. Начался дождь. Экскурсовод попытался укрыть своих подопечных под кроной векового бука. Сначала это удалось и даже вызвало определенный интерес у отдыхающей публики. Но дождь все продолжался и был не по-осенне-

му сильным. Праздник оказался испорченным, и мы получили приказ нашего гида спускаться вниз, к автобусу.

В свой гостиничный номер мы вернулись в скверном состоянии, промокшие и продрогшие. Тут же приняли горячий душ, переоделись и по русской традиции в лечебных целях выпили по стакану водки. После этих процедур стало казаться, что неприятных последствий удалось избежать.

Однако наши надежды не оправдались. Наутро выяснилось, что Володя заболел. У него поднялась температура. Мы решили, что до нашего отъезда в аэропорт Володя останется в постели. Я чувствовал себя вполне удовлетворительно, но голос мой пропал совсем. Сначала я еще пытался, предельно напрягая голосовые связки, выдавить из себя хотя бы слабые звуки, но потом отчаялся. Такое со мной случалось и ранее, хотя и крайне редко.

Пришлось в весьма своеобразной манере обсудить возникшую ситуацию. Если Володя говорил, то я использовал мимику, жесты, а порой и записки. В конце концов мне было поручено отправиться на рынок и купить подарки из Прикарпатья для наших близких. Я тут же, взяв довольно объемистую сумку, пошел по уже знакомому маршруту.

В первые дни мы изрядно побродили по городу, осмотрели его достопримечательности, постарались прочувствовать здешний колорит. Гуляя по незнакомому городу, мы справлялись о верности нашего маршрута у случайных прохожих. В большинстве случаев их ответы были доброжелательны и вразумительны. Говорили они либо по-русски, либо на понятном нам суржике. Но случалось и другое. Услышав заданный москалями вопрос, встречный прохожий раздражался гневными тирадами, детально перевести которые мы не могли. Однако их оскорбительный смысл был очевиден.

Заглядывали мы и на рынок. Обычно именно на рынках можно почувствовать местную экзотику. Говорливые и бойкие женщины разных возрастов, с одной стороны, стремились продать свой товар, с другой — им не очень-то нравилось общаться на русском. Казалось, что некоторые из них просто его не знали.

Итак, утром последнего дня я пошел на рынок. Не спеша проходя между торговыми рядами, я слышал, что крестьянская мова звучит певуче-ласково и весьма приятно. Я прельстился гроздьями репчатого лука, сплетенного косами. Рука моя самопроизвольно коснулась одной такой плетенки.

— Чого тобі трэба? — зазывно спросила стоящая за прилавком черноглазая молодлица. — Цыбулю?

Забыв о своей немоте, я попытался ответить. На сей раз даже слабого сипения извлечь из простуженного горла не удалось. Опомившись, я начал жестикулировать, стремясь хоть как-то пояснить свои желания. Не думаю, что это получилось удачно, но реакция последовала незамедлительно:

— Ой, Гага, дывысь, — зазвучал певучий голос, обращенный к соседке по прилавку, — який гарний чоловік, а німий, калика убогий...

— Чого, Ксана, брєшишь?

— Ни, нє брєшу! Ты дывысь, дывысь. Який биденький...

Тут же послышались голоса ближайших торговков. Посыпались вопросы, комментарии, сочувствия. Последних становилось все больше, и звучали они ласково и даже жалостливо. Мне казалось, что в простонародном женском исполнении мова звучала совсем по-другому, разительно отличаясь от говора университетских преподавателей.

— Ни, разве вин калика? Руки, ноги е, — продолжала возражать Гага.

— Нимый вин. Голосы у нього немає.

Плотность сочувствующих напевных голосов становилась все больше. Среди них расслышал я и уж совсем неожиданный вопрос:

— А у тоби жинка, дружина е?

Я пребывал в смятении и уже перестал обращать внимание на ласку. Однако сумка моя как по волшебству наполнялась продуктами. Уже не пытаясь справиться о цене, я просто клал деньги на прилавки. Но они в большей части, а то и вся сумма целиком возвращались в мою сумку вместе с дарами Прикарпатья.

Я возвратился в гостиницу и доступным мне способом «нимыго калики» сообщил Володе о столь необычном приключении. Он отреагировал крайне бурно, в своей взрывной и темпераментной манере. Мне показалось, что от его удивленных возгласов задрожали не только стены нашего номера, но и все здание гостиницы. Только примерно через полчаса он успокоился:

— Чего только в жизни не случается. А ведь правы мудрые люди, говорящие, что молчание — золото.

Через пару дней по возвращении из командировки мой голос восстановился. Но у меня постоянно возникали вопросы, на которые не всегда удавалось получить убедительные ответы. Как же противоречив наш мир! Какое разнообразие людей и их поступков! В результате так и не удалось мне привести к общему знаменателю все увиденное и услышанное в командировке.

СТЕЛЛА

Демобилизованный матрос Василий Внуков ехал на очередную встречу друзей. Состояние его никак нельзя было назвать удовлетворительным. Причиной тому являлись бурно проведенные последние и предпоследние сутки. Молодые ребята, отлученные от родного города годами воинской службы, теперь пытались наверстать упущенное.

В тот день Вася проснулся поздно. Выполнив положенный утренний ритуал, он даже заставил себя сделать зарядку. Слегка позавтракал. Затем тщательно отутюжил парадную форму и вот в таком бравом виде, выйдя из родительского дома, отправился на остановку.

Вася сидел у окна, автобус ехал медленно, в каком-то рваном ритме. Похоже, у него плохо работала ходовая часть. Но недавно демобилизованный матрос этого почти не замечал. Он был увлечен созерцанием простой городской жизни: спешили по своим делам люди, мимо проплывали большие и малые дома, зеленые скверы и палисадники, словом, все то, что через запыленное окно являл ему любимый город. Вася не торопился, он специально выехал заранее, планируя еще до встречи с друзьями побродить по памятным местам.

Автобус продолжал снижать скорость своего движения и вот уже на повороте к Ленинградскому шоссе остановился совсем. Похоже, сломался. В отличие от большинства пассажиров, возмущенных и негодующих, Вася совсем не расстроился и даже взбодрился: «Вот и хорошо. Пройдусь по знакомым дворикам». От места поломки автобуса до шоссе оставалось метров двести-триста, не больше.

В предвкушении он неспешно пошел по намеченному маршруту. Но, сделав лишь десяток шагов, непроизвольно обратил внимание на стройную светловолосую девушку. Шла она как-то напряженно, неся в обеих руках тяжелые хозяйственные сумки. Было видно, что ей трудно.

«Вот и первая удача», — подумал демобилизованный матрос. Он быстро опередил девушку, развернулся к ней и, протянув к сумкам руки, сказал:

— Давайте я вам помогу.

В ее серых глазах блеснула благодарность, но она почему-то медлила.

— Давайте, давайте. Таким красавицам нельзя перенапрягаться. — Вася сразу воодушевился.

— Спасибо. Мне тут недалеко. Видите тот серый дом?

— Я и так знаю!

— Как? Откуда это вам известно?

— Мне многое о вас известно. Я даже знаю, как вас зовут.

— Ну и как? — задорно и даже с вызовом спросила девушка.

— Стелла! — И Вася пропел высоким баритоном строку из популярной в те годы оперетты: — Стелла, ты всегда и повсюду со мной...

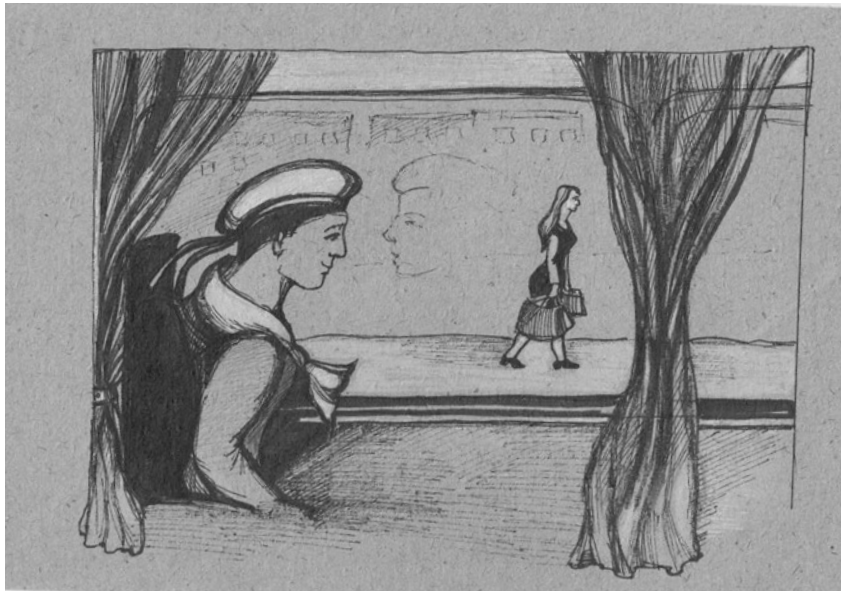
Да, это была Стелла, с которой Васю еще в школьные годы познакомила судьба.

Один из одноклассников, Олег Чуприн, пригласил его в свою компанию встретить Новый год. Почему его? Вася так этого и не узнал ни тогда, ни потом. Он не дружил с Олегом, да и вообще у Васи не было близких друзей в школе. Все его друзья жили на родной улице, которую в народе почему-то называли слободкой. В той среде, где он рос, особо-то и не встречали Новый год. Телевизоры тогда только появились, и у рабочего люда, к которому принадлежали жители слободки, их не было.

Но для простого уличного мальчишки предложение Олега было интригующим, и Вася согласился. Предновогодним вечером, точно в назначенное время, он подошел к двери указанной Олегом квартиры в многоэтажном сером доме. Встретили Васю радушно. В отличие от других ребят, которые щеголяли в костюмах с галстуками, он был в курточке, сшитой его бабушкой. Но, несмотря на доброжелательность всех присутствующих, Вася сразу почувствовал себя пришельцем из другого мира. И вечером, и в новогоднюю ночь, и на следующий день, когда вся компания отправилась гулять по городу, стеснительность так и не покинула его. Весь новогодний праздник он оставался немногословным.

Как-то само собой получилось, что с момента появления скромного парня в их веселой компании его стала опекать тоненькая светловолосая девочка, которую звали не совсем обычно: Стелла. Она весьма деликатно старалась расковать Васю. Задавала наводящие вопросы и весь вечер танцевала только с ним, при этом делая вид, что не замечает его нескладных движений. «Девчонка-то она хорошая, но где мне до нее», — грустно подумал Вася.

Прошел новогодний праздник, оставив в душе уличного мальчишки неоднозначные воспоминания. И даже образ милой Стеллы почему-то вызывал обиду: «Не мое все это...»

Похоже, что и Стелла вспомнила ту давнюю встречу Нового года, но, еще сомневаясь в правильности своих заключений, спросила:

— Неужели это вы, Вася?

— Так точно! — четко ответил матрос Внуков. — Я просто растроган твоей памятью. Я так рад, что ты вспомнила бедного мальчика.

Они шли по дороге к тому серому дому, где, по рассказу Стеллы, она жила с самого рождения. Вася продолжал весело упражняться в молодецком красноречии, а Стелла говорила мало и даже печально. Она старалась в деталях вспомнить давний новогодний праздник, и они приносили ей ностальгическую грусть.

Так дошли до ее дома. Стелла поблагодарила носильщика за помощь и уже хотела взять у него свои сумки, как Вася запротестовал:

— Ну хотя бы до лифта я могу проводить тебя?

— До лифта? Пожалуй. — Несмотря на бесстрастность произносимых ей слов, Стелла продолжала мечтательно смотреть на своего спутника. — Я все никак не могу поверить, что это ты, Вася.

— Вот это номер. Почему?

— Тогда ты был тихим и скромным мальчиком...

— Я и сейчас тихий и скромный.

— А разве матросы бывают такими? — Стелла лукаво улыбнулась. — Что-то непохоже.

— Ты ошибаешься. Только пожелай — и я докажу, что являюсь самым скромным парнем-тихоной. — Вася попытался обнять Стеллу. — Только пожалей меня.

Но она резко отстранилась от нагловатого матроса и нажала кнопку.

— Нет, Вася, нет! Поздно. Ты опоздал. Я замужем.

Эта новость слегка испортила настроение, но нужно было продолжать начатый спектакль любовного ухаживания, и Вася, сдвинув бескозырку на затылок, попытался изобразить страдания отвергнутого влюбленного:

— Что ты со мной сделала? Поразила в самое сердце.

— Хватит, Вася, дурачиться. — Ей нравился тот мальчик из далекой ранней юности, и, как ни странно, и сейчас забавляло бесцеремонное ухаживание. — Все. Спасибо за помощь, и до свидания. Меня ждут.

— Прощай, Стелла. — Вася неожиданно крепко прижал ее к груди и поцеловал в губы, а затем, не ожидая ответа, быстро пошел к выходу.

Покидая знакомый дом, он на несколько мгновений задержался у открытой двери подъезда и в полный голос пропел:

— Неспетая песня моя...

С той бурной и буйной демобилизационной поры минуло уже почти десять лет. Василий Внуков окончил заочное отделение института, но продолжал самообразование. Он уже стал признанным в своей отрасли специалистом и быстро продвигался по служебной лестнице. Теперь коллеги часто звали его по имени и отчеству — Василием Петровичем. В семье тоже все было неплохо: милая, заботливая жена и маленькая любимая дочка.

Все волнения последних месяцев были связаны со здоровьем его родителей, особенно отца. Совсем недавно случился у него второй инсульт, к счастью, не очень сильный. Если раньше сын посе-

шал родительский дом примерно раз в месяц, то теперь бывал там каждую неделю. Проезжая на автобусе рядом с тем местом, где он когда-то помог Стелле нести тяжелые сумки, Вася предался воспоминаниям. Из окна автобуса он вглядывался в проходивших мимо людей и без особой надежды высматривал среди них Стеллу. Но тщетно. Это повторялось часто, почти при каждой его поездке к родителям.

В один из субботних вечеров Вася, как обычно, всматривался в лица толпившихся возле остановки людей и вдруг увидел невдалеке знакомый силуэт. Стелла опять несла сумку, но только одну и, похоже, нетяжелую. Шла она не спеша, такая же стройная, как и прежде. Но Васе показалось, что в ней все же произошли какие-то изменения, и не в лучшую сторону. Он не совсем отдавал отчет в своих действиях — взял да и вышел из автобуса на следующей остановке.

Вася быстро шел навстречу Стелле. Вскоре их пути пересеклись, и они оказались друг напротив друга.

— Здравствуй, Стелла!

Она удивленно вскинула голову, безучастно посмотрев на преградившего ей путь молодого мужчину, и вдруг вскрикнула:

— Вася! Это ты? Как я рада нашей встрече.

— И я рад. Вот ездил проведать родителей и увидел тебя. — Он беззаботно улыбнулся. — И опять с сумкой?

— Но на сей раз сумка у меня нетяжелая, да и всего одна. — Стелле было приятно вновь увидеть Васю, и она это не скрывала.

— Все равно. Не будем нарушать традицию.

Вася взял сумку из ее рук, и они, продолжая начатый разговор, пошли по направлению к ее дому. После традиционных при подобных встречах вопросов о жизни и о работе он, понизив голос, сказал:

— Мне не дают покоя воспоминания о нашей последней встрече. Сказать правильнее, о моем тогдашнем поведении. Я не оправдываюсь, а просто прошу простить меня.

— Ну что ты! — Стелла как-то грустно и одновременно ласково улыбнулась. — Конечно, ты тогда вел себя странновато, но меня-то ничем не обидел. Скорее, наоборот...

— Стало быть, я прощен?

— Непременно. И не будем больше об этом. — Они уже подходили к ее дому, и Стелла, продолжая зазывно улыбаться, спросила: — Ты проводишь меня до лифта?

— Конечно, конечно.

— Может, и зайдешь к нам? Я живу только со своими родителями.

— А как же муж? — удивился Вася.

— Я уже давно развелась с ним, да и прожили-то мы вместе меньше года. Не сложилось у нас...

Какое-то время они молча стояли возле лифта, а затем Стелла повторила свой вопрос:

— Зайдешь к нам?

— Прости, Стелла, не могу. Времени нет.

Это была и не ложь, и не правда — что-то среднее, полуправда. Он действительно спешил, но мог и задержаться на полчаса.

— Ну что же, — упавшим голосом произнесла Стелла. — Тогда до свидания.

— До свидания, до новой встречи, — попрощался Вася, хотя в душе понимал, что вряд ли она произойдет.

Стелла тоже это осознавала. Да, она прекрасно понимала, что простившийся с ней мужчина, которого так долго сохраняла ее память в образе и тихого мальчика, и бесшабашного матроса, уходил навсегда. Она грустно смотрела ему вслед и думала: «Вот теперь, наверное, опоздала я».

ОБЖОРА

Бездарных людей не бывает. Особенно у нас, в России. Конечно, порой очень трудно обнаружить дремлющий в ком-то талант. Все это так, и потому бездарность в той сфере деятельности, где человек трудится, еще не означает, что он обделен способностями вообще. Просто пока ему не удалось найти себя, не получилось пока раскрыть свой талант. К сожалению,

такое случается довольно часто, особенно когда ниспосланные свыше чары одаренности многим из нас кажутся уж больно необычными и даже странными.

В начале шестидесятых годов прошлого века я, будучи еще совсем молодым человеком, в составе инженерной бригады был откоманди-

рован на дальний летно-испытательный полигон, расположенный в низовьях Волги. Заканчивался август, и жара стояла невыносимая. Но самое главное — приближались очень ответственные испытания разработанной в нашем «почтовом ящике» электронной аппаратуры. И потому работать приходилось почти целыми сутками, урывая на сон лишь два-три часа. Да и этот кратковременный отдых проходил в подсобном помещении возле стоянки нашего самолета. В общем, было тяжело.

Я был прикреплен в качестве помощника к ведущему инженеру Сергею Ивановичу Смирнову, прекрасному специалисту и мудрому человеку. Руководил работами нашего «ящика» заместитель главного конструктора. И он, и другие начальники прекрасно понимали, что длительная работа в таких экстремальных условиях без сна и отдыха не сможет дать необходимых результатов. Утомленные сотрудники все чаще и чаще стали давать сбои. И вот, скрепя сердце, хотя и крайне редко, руководитель работ все же был вынужден даровать нам дни отдыха.

В такие счастливые временные отдушины почти все сотрудники уходили блаженствовать к ближайшему рукаву великой русской реки. При этом многие прихватывали с собой арбузы, в изобилии продаваемые в округе. Мы с Сергеем Ивановичем поступили таким же образом.

Мне хотелось вдоволь накупаться и вольготно поваляться на песочке до самого вечера. Но мой наставник не разделял моих мечтаний. Он велел мне не залеживаться, а часам к пяти возвращаться в наш приаэродромный городок, где должно произойти интересное действие.

На обратном пути Сергей Иванович кратко рассказал, что некто Юра Ванчуков обладает незаурядными способностями обжоры. Даже можно сказать, является артистом этого оригинального жанра. И сегодня будет демонстрировать свой дар в нестандартном поедании арбуза.

— Народу нужен не только хлеб, но и зрелища. Поверь мне: это зрелище будет что надо, — с азартом убеждал мой старший товарищ.

Я был крайне недоволен, что меня оторвали от желанного отдыха, поэтому воспринимал слова Сергея Ивановича без особого энтузиазма. А зря!

В небольшом скверике почти в центре городка толпился народ — несколько десятков человек, в подавляющем большинстве мужчины. На одной из лавочек в редкой тени хилого деревца сидел Юра Ванчуков. Перед ним на низкой табуретке лежал арбуз внушительных размеров.

Как я потом узнал, Юра работал слесарем-сборщиком в одной из групп технарей, прикомандированных к аэродрому. Причем квалификация его была весьма средней. Внешне он тоже ничего особенного не являл: обычный мужик чуть выше среднего роста, и довольно упитанный. Ну, может быть, несколько рыхловат. Вот, пожалуй, и все.

Народ ждал начала представления, а Юра медлил и лишь ласково поглаживал арбуз. При этом что-то невнятно говорил, вроде хотел лучше подготовить зрителей. Откровенно говоря, я почти ничего не понял из его косноязычной речи, сопровождаемой гримасами и ужимками. Так прошло какое-то время, и, насладившись нетерпением собравшихся, Юра начал разрезать арбуз на относительно тонкие дольки. Осуществив эту подготовительную операцию, он сразу стал серьезным и сосредоточенным.

Началось самое интересное. Юра поднес дольку арбуза к углу рта и начал плавно продвигать ее слева направо, поглощая при этом сладкую сердцевину. Выглядело это забавно, но не более. Основной интерес у публики вызвал процесс выплевывания семечек. По мере продвижения обглоданной корки в том же направлении изо рта фокусника, как из пулемета, вылетали арбузные семечки.

Обглодав таким зрелищным способом одну дольку, артист взял другую, и процесс повторился. После нескольких эпизодов Юра брал небольшую паузу и под восторженный гул зрителей продолжал гримасничать. Затем спектакль одного актера продолжался. Невзыскательные служители военного полигона веселились. Временами радостный гул перерастал в хохот. Было ясно, что истосковавшийся по зрелищам народ получил то, что ожидал.

— Ну и мастак! Где он так научился?

— Ему бы в цирке выступать, а не у нас вкалывать.

— Чего только не бывает на белом свете. Талант, да и только!

В свой гостиничный номер мы пришли в приподнятом, веселом состоянии духа. Сергей Иванович продолжал улыбаться:

— Теперь мозги очистились, отдохнули. Можно и поработать.

Ранним утром следующего дня возобновились тяжелые рабочие будни. Но, как ни странно, особенно на первых порах мы работали с огоньком. Процесс наладки аппаратуры продвигался быстро и качественно. Может, действительно энергетика Юриных фокусов с поеданием арбуза передалась и нам?

Но чередой проходили дни, вернее, сутки безвылазного пребывания на аэродроме. Опять накапливалась усталость, и мозги опухали. Мы с терпением ждали выходного, а наш руководитель работ все медлил. Но тут «с воли» пришла весть о новом спектакле с Юрой в главной роли. И начальник не смог устоять перед нашими отчаянными просьбами.

Предыстория события состояла в споре слесаря Ванчукова с одним из летчиков-испытателей. В запальчивости Юра заявил, что в один присест съест все блюда, представленные в меню столовой для летного состава.

За давностью лет точно не помню настоящую фамилию этого пилота испытательного аэродрома: не то Соколов, не то Соловьев. Не знаю почему, но в нашем инженерном сообществе за глаза его часто называли Птицыным. Был этот кудесник пилотирования несколько ниже среднего роста, худой, жилистый, с жестким выражением лица. Мне особо запомнились вертикальные морщины, врезавшиеся в щеки этого героического человека.

При испытательных полетах всегда рядом маячит смерть. Высококласный испытатель — это нестандартный человек, представляющий редкий, особый тип людей. Такие отважные, умные и решительные образцы человеческой породы являются очень дорогим, штучным товаром, гордостью и достоянием нации. Однако слава даже рассекреченных асов, о которых пишут в газетах и рассказывают по телевидению, ни в коей мере не может сравниться с людским почитанием даже

второстепенных, третьеразрядных артистов. Вот такой мы народ...

Всегда, во все времена государство уделяло особое внимание высокой готовности летного состава. Меню в столовых изобиловало разнообразием: первое и второе, салаты и фрукты в большом количестве. И все это не в сарае, а в комфортной обстановке. Помещение трапезной было ухоженным, молоденькие официантки — симпатичными.

При каких обстоятельствах произошел драматичный разговор между Ванчуковым и Птицыным, точно не знаю. Вроде бы пилота возмутило бахвальство обжоры по поводу своих потенциальных возможностей. Вот он и решил проучить зарвавшегося хвастуна. А Юра, как утверждали все присутствующие при том споре, самонадеянно поклялся, что для него ничего не стоит съесть все блюда, перечисленные в меню летной столовой. Слесарь-сборщик и летчик-испытатель ударили по рукам.

— Ну-ну. Не пожалей потом, — зло хмыкнул Птицын на последнее, как ему показалось, безответственное заявление обжоры.

Часа за два до начала действия, ожидание которого взбудоражило все население авиационного городка, к летной столовой стал подтягиваться народ. Самые шустрые и заинтересованные «театралы» попытались пройти непосредственно в небольшой зал, который занимала трапезная. Но не получилось: вход туда был разрешен только избранным. За столами на своих привычных местах сидели пилоты — друзья и коллеги Птицына. Помимо них были и другие обитатели военного аэро-

дрома, включая даже двух представителей командования. В примыкающем к залу коридоре уже скопилось с десятков человек, жаждущих зрелища.

Я терялся в поисках подходящего места. Искал его и Сергей Иванович, но тоже пока безрезультатно. Надежды уже не оставалось, но тут я услышал указующий шепот моего наставника:

— Давай быстро на улицу. Обогнем здание, и к окну.

В светлом зале летной трапезной — несколько окон, к которым приклеились физиономии потенциальных зрителей. Но оставались и небольшие свободные места. Наш отчаянный и быстрый поиск закончился успешно. Сергей Иванович и я втиснулись в оконный проем, плотно закрыв собой зиявшее пространство.

Перед нами вся «сцена» была как на ладони. Почти посередине стоял стол, накрытый кремовой скатертью. Остальные столы были отодвинуты от него на два-три метра. Птицын сидел за одним из них и изредка обменивался короткими фразами со своими товарищами. У двери на кухню прислонились к стене две самые красивые официантки. По их сосредоточенным лицам было видно, что они находились в готовности номер один. Девушкам поручили быстро подносить очередные блюда. Все было готово к началу спектакля, а Юра все не появлялся. Зрители с нетерпением ждали.

Облокотившись на подоконник, в достаточно удобных позах и мы с Сергеем Ивановичем тоже пребывали в ожидании. В процессе молчаливого ожидания ко мне стали приходить воспоминания об услышанном и прочитанном ранее феномене обжорства.

Очень давно я где-то вычитал, как пировали в Древнем Риме. Предельно насытившиеся патриции, не желающие прекращать свое чревоугодие, даже принимали рвотное лекарство. После чего, очистив свои желудки, вновь возвращались к столу. Даже читать про такие выкрутасы древних было неприятно. Совсем иное дело — обжорство на Руси.

Моя любимая бабушка рассказывала мне, как до революции буйно кутили купцы. Особо запомнился ее рассказ про одного знакомого моего деда, который на Масленицу поехал в гости и по дороге решил перекусить. В трактире он заказал себе ведро блинов и вот так «немножко перекусил» перед гостями. Да, были люди... В этот момент я невольно подумал: «Может, Юра Ванчуков происходит от рода того купца?»

Еще несколько минут ожидания — и, протиснувшись сквозь толпу в коридоре, в сопровождении двух товарищей-ассистентов наконец появился

исполнитель главной роли. Раздались нестройные аплодисменты. Юра церемониально раскланялся и сел за приготовленный для него стол. Наступило относительное затишье.

Не спеша со своего места поднялся Птицын и подошел к Юриному столу. В двух словах анонсировав грядущее обжорство, он зло улыбнулся и спросил визави:

— Ты со всем согласен?

Скорчив физиономию, Юра кивнул головой.

— Тогда начнем!

Одна из официанток нарочито аккуратно принесла тарелку щей и, сделав легкий реверанс, поставила ее перед обжорой. Так началось основное действие.

Поскольку легкомысленный Юра не обговорил с Птицыным все детали своего поединка с меню, то опытный летчик-испытатель, привыкший все просчитывать до мелочей, придумал каверзу. Он приказал девушкам приносить блюда вразнобой, а не как принято при обычных трапезах. В результате после тарелки щей появился стакан компота, затем гречневая каша с молоком, стакан фруктового сока, тарелка окрошки, мясное блюдо, салат из помидоров, стакан кефира, жареная рыба...

В принципе такое разнообразие и обилие пищи организм переварить просто не в состоянии. Однако своеобразный талант обжоры продолжал раскрывать свои уникальные возможности. Конечно, слесарь Ванчуков стал реже корчить рожи и улыбаться, но ел с аппетитом.

Птицын уже перестал пренебрежительно смотреть на него. В его взгляде поочередно появлялись то озадаченность, то ненависть, то ужас... Похоже, что этот героический человек начал испытывать запредельные перегрузки своей психики. Его лоб покрылся испариной. А Юра все продолжал и продолжал ритмично опустошать закрома летной столовой.

Легкий шепоток присутствующих стал нарастать, переходя в волнообразный гул. Все с нетерпением ждали, когда же обжора насытится. Но так и не дождались. Одна из официанток с круглыми от ужаса глазами наконец объявила:

— Все! Он съел все перечисленное в меню!

Не привыкший проигрывать летчик-испытатель не смог сдержать себя. Выкинув руку вперед по направлению к Юриному столу, он громко прокричал:

— Ведь сейчас лопнешь!

Все видели, что Юре нелегко, даже очень нелегко. И все же он нашел в себе силы ухмыльнуться и попросил вконец изумленных официанток:

— Принесите мне, красавицы, еще тарелку щей.

Это был финальный аккорд необычного спектакля, подтверждающий незаурядные способности чревоугодия.

К своей чести, Птицын взял себя в руки и молча, лишь слегка передергивая плечами, вплотную подошел к столу, где устанавливался рекорд обжорства. Так же молча он вынул из кармана бумажник и отсчитал проигранные деньги.

Юра сделал одну, а затем и вторую попытку подняться из-за стола. Не получилось. Тогда его друзья-ассистенты пришли на помощь и вскоре практически на руках вынесли его из столовой. Обжора пытался что-то сказать, но его голос заглох. Однако руки у него действовали и он, постоянно дергая ими, все указывал по направлению к своей гостинице. Еще несколько минут было затрачено на перенос тяжелого тела, и вся процессия вошла в гостиницу, а затем скрылась в Юрином номере. Что там, за закрытыми дверями, происходило? Не знаю.

Реакцию обитателей аэродрома на сотворенное слесарем Ванчуковым описывать в деталях не берусь. Отмечу лишь, что событие это затмило все, даже результаты очень важных испытательных полетов, прошедших на той же неделе. И впоследствии, еще в течение месяца до истечения срока моей командировки, я постоянно слышал самые разнообразные комментарии к необычному зрелищу в летной столовой, произошедшему на глазах у многочисленных зрителей: и военных, и вольнонаемных, и таких как я — командированных. Эту всенародную память, пожалуй, можно объяснить полным отсутствием каких-либо развлечений в удаленном от цивилизации испытательном центре министерства обороны.

Странно другое! В первый же день по возвращении из командировки в свой «почтовый ящик» во время обеденного перерыва я вновь услышал о Юрином обжорстве. Но история эта уже обросла произвольными комментариями и дополнениями. И в дальнейшем и вовсе стала былью. Кто-то из рассказчиков уверял, что в состав меню летной столовой входила водка. Другой врал про медицинское наблюдение за Юрой: якобы присутствующий в столовой врач периодически измерял у него давление и пульс. Даже вроде бы один раз сделал укол...

Слушая это вранье, я молча негодовал, до поры сдерживаясь. Однажды терпению моему пришел конец, и я уже собрался высказать все, что думал об этом. Но хорошо, что не успел. остано-

вил меня вернувшийся накануне из командировки Сергей Иванович:

— Не злись! Пойдем выйдем в коридор, там и потолкуем.

Мы вышли из курилки, где проходило очередное завиральное обсуждение «подвига» обжоры. Затем спустились по лестнице в пустынный двор нашего предприятия.

— Ты чего так разволновался? — спросил мой мудрый наставник.

— Ведь врут же, Сергей Иванович, как сивые мерины!

— Ну и пусть врут. Так уж устроена человеческая порода. Это не главное. — Он немного помолчал, подняв голову и щурясь от ласкового осеннего солнца. — Главное — это возможность разрядиться, очистить свои мозги от рабочих проблем. Малость передохнуть, а уж потом с новыми силами штурмовать вершины.

Я покорно слушал эти наставления.

— Для чего существуют театральные спектакли, концерты и прочие подобные развлечения? — продолжал Сергей Иванович. — А для того, чтобы человек смог на время отойти от своих невзгод, побыть в другом мире. Можно сказать, отдохнуть душой. И только тогда он сможет по-новому увидеть и понять стоящие перед ним задачи. Ну и принять взвешенное, правильное решение.

— Вы правы, Сергей Иванович. По себе знаю, с каким большим трудом приходится соображать, если здорово устал.

— Вот-вот. А теперь вспомни наши авралы в командировках на полигонах. Там театров нет. Мы же, работая сутками, превращаемся в загнанных лошадей. И выход тут один — нужна разрядка, встряска. Так что спасибо обжоре Ванчукову за его спектакль, за дарованную нам возможность прийти в себя...

— Получается, что он помог нам в работе?

— Именно так! Если выражаться высокопарно, то способствовал укреплению обороноспособности нашей страны. — И, лукаво улыбаясь, Сергей Иванович закончил свое наставление: — Зрелище того обжорства сродни искусству, а искусство — великая сила!

Я благодарен судьбе, что еще несколько лет работал бок о бок с этим удивительным мудрым человеком, которого до сих пор вспоминаю с теплотой. А вот повстречать в своей жизни таких обжор, как Юра Ванчуков, больше не пришлось.

Томас Энсти ГАТРИ

Томас Энсти Гатри (1856—1934) — английский писатель, автор множества юмористических, сказочных и фантастических рассказов и повестей. Писал под псевдонимом Ф. Энсти. Среди его произведений — сказка «Медный кувшин» (1900), послужившая прообразом для повести Лазаря Лагина «Старик Хоттабыч».

Евгений Никитин — выпускник Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета. Как переводчик публикуется в «Юности» с 2010 года.

Окончание. Начало в № 10, 11 за 2014 г.

ПРИЗРАК БАРНДЖУМА

Наступило Рождество. Я сидел с мрачным видом в своей новой крошечной квартирке в Блумсбери¹ и безразлично наблюдал, как призрак Барнджума — в римской тоге, высоких сапогах и тюрбане — летает по комнате.

Я задумался, примут ли меня в рабочий дом с призраком или нет. Я пребывал в ужаснейшем расположении духа и впервые начал действительно раскаиваться в том, что столь грубо расстался с Барнджумом тем ярким июньским утром.

С тех пор я о нем не слышал. Я знал, что он долетел до воды, поскольку раздался всплеск, однако в газетах не появилось ни одной заметки о найденном теле. Озеро хорошо хранит свои тайны.

Если бы только это коварное чудовище, низвергшее меня в нищету, сочло все произошедшее достаточным наказанием и наконец исчезло, оставило меня в покое!.. Однако я понимал, что призрак, увы, никуда не денется — он останется и будет наблюдать за плачевным финалом моей жизни.

Вдруг раздался громкий стук. Через мгновение дверь распахнулась, и в комнату торжественно вступил еще один незванный гость. Он также

походил на Барнджума, только был гораздо более материален и наделен даром речи, который незамедлительно продемонстрировал, разразившись потоком оскорблений, самым мягким из которых было «трусливый злодей».

Я вскочил, отшатнулся и спрятался за креслом. Мой затравленный взгляд метался от новоприбывшего к привидению и от привидения к новоприбывшему. К горлу подступил комок отчаяния.

— Послушайте, вы оба, — начал я. — Я в состоянии выносить присутствие одного привидения. Я не наслаждаюсь этим, но как-то терплю. Однако прозрачная свора — это, право же, чересчур; такая ноша не по силам ни одному человеку. Я не потерплю такого обращения. Клянусь, я сбегу от вас. Я покину этот бранный мир! Не только Барнджум может превращаться в призраков. Если вы не уйдете, я застрелюсь!

По правде говоря, в доме не имелось огнестрельного оружия, однако я был слишком взволнован, чтобы помнить о таких мелочах.

— Стреляйся сколько тебе угодно, — ответил более материальный призрак. — Не понимаю, что за чепуху ты несешь. Насколько мне известно, я никакое не привидение; я жив и здоров — вопреки твоим стараниям! Но вернемся к делу — ты негодяй!

¹ Центр интеллектуальной жизни Лондона, расположенный в южной части округа Кэмден.

— Барнджум! Ты жив! — воскликнул я с облегчением. — Но если так, — добавил я, ощущая, что со мной сыграли очень злую и совершенно неджентльменскую шутку, — то, скажи мне на милость, что делает здесь эта дурацкая копия?

Похоже, только сейчас он заметил призрака.

— Ого! Эй, привет! Как зовут эту штуку? — спросил он с любопытством.

— Я назвал его мерзкой помехой! — ответил я. — С того дня — с тех пор, как мы виделись в последний раз, — он всюду следует за мной, ведя себя самым раздражающим и непристойным образом!

Бесчувственная скотина Барнджум лишь хихикнул (что неудивительно):

— Хотя я и вижу это впервые, вы, уверен, отлично друг другу подходите. Надеюсь, он и дальше будет раздражать тебя.

— Это совершенно невеликодушно с твоей стороны, — я попытался воззвать к его лучшим чувствам (если таковые, конечно, имелись). — Быть может, мы расстались и не лучшими друзьями, но...

— Не «быть может», а точно, — сухо прервал он. — Ты сбросил меня с утеса, как только я отвернулся.

— Как бы то ни было, — заспорил я, — глупо вспоминать старые обиды, ты же понимаешь, что это нелепо.

— Нет, не понимаю.

Я предпринял последнюю попытку:

— Сегодня сочельник, Барнджум. Только подумай: в этот час тысячи человеческих сердец наполняются радостью при виде простенькой, но искренней открытки с поздравлениями. В ответ они, наверное, устроят целый пир с непременно индейкой в главной роли. В этот час лоточник раздаст последние товары по символической цене, а довольный трактирщик отводит домой последнего из засидевшихся гостей — туда, где его ждут вино, угощения и родные. Пожалуйста, услышь мой зов! Я уже наказан за свою опрометчивость. Лежащее на коврике отвратительное чудовище сокрушило мою жизнь, вызвав невыносимые страдания. Ты не можешь не иметь к нему отношения. Прошу тебя как человека — прогони его! У тебя получится, вот увидишь!

Однако Барнджум даже не пошевелился. Он с мрачным удовлетворением смотрел на собственную призрачную копию, которая подпрыгивала на коврике.

— Пожалуйста, — умолял я. — Я бы сделал это ради тебя, Барнджум. Оно преследует меня уже полгода, и я сыт им по горло.

Барнджум заколебался. За окном кто-то заиграл одну из дурацких американских песенок (то ли «Серебряные нити среди золота», то ли что-то

еще — уже не помню). Так или иначе, она, похоже, вызвала живой отклик в зачерстевшем сердце Барнджума: он внезапно разрыдался.

— Ты не заслуживаешь этого, — выговорил он в промежутках между всхлипами, — но так и быть...

Он повернулся к призраку.

— Слушай, ты. Не знаю, как там тебя, но тебе пора убираться. Слышишь? А ну прочь отсюда!

Привидение задрожало, а потом вдруг, к моей превеликой радости, свернулось в комок и моментально усохло в какую-то паутину, которая метнулась в камин и вылетела через дымоход. С тех пор я его не видел.

Как Барнджум спасся? Оказалось, все очень просто; он приземлился прямо на рыбацкую лодочку, на груды свежепойманной рыбы, и в результате отделался легкими ушибами, а не сломанной шеей. Как только он пришел в себя, ему пришлось уехать за границу по срочным делам. Вернулся он совсем недавно.

Однако причина появления призрака остается для меня загадкой и по сей день. Если бы Барнджум был каким-нибудь тайным буддистом, все можно было бы списать на его «астральную проекцию». Однако чтобы погрузиться в тайны буддизма, нужно медитировать много лет подряд, не говоря уж об образцовом поведении, — все это находилось далеко за пределами возможностей Барнджума.

Быть может, привидение появилось под действием сильных эмоций (как моих, так и Барнджума), став «живым» напоминанием о понесенной мной утрате? Может быть.

Или же это был простой полтергейст, решивший немного позабавиться за мой счет, а заодно отомстить за Барнджума?

Лишь в одном я уверен: после всего, что произошло по вине (пусть и не прямой, а косвенной) Барнджума, он просто обязан (как в моральном, так и в юридическом аспектах) возместить нанесенный мне урон — как материальный, так и моральный.

Однако Барнджум и по сей день убежден в обратном. Потому призрачные преступления остаются безнаказанными.

Читатели могут задать вопрос, почему я не обратился в суд. Что ж, просвещенные люди должны понять мое нежелание юридически обвинять человека, с которым мы так долго пребывали в дружеских отношениях. Я предпочитаю воздействовать словами, а не судебными актами. Кроме того, мне не удалось уговорить взяться за это дело ни одного даже самого нечистого юриста.

Перевод с английского Евгения Никитина.

ВСТРЕЧАЙТЕ: ЕЛЕНА ГРОЗОВСКАЯ

О СЕБЕ

Я, Елена Грозовская, родилась и живу в Москве. Пишу прозу и стихи с детства, сколько себя помню. Образование — Московский полиграфический университет (1991 г.), профессия — редактор массовой литературы. Работала корректором, редактором в издательстве; в журнальной редакции, начинала младшим редактором, затем редактором отдела, вела свою именную рубрику, занималась журналистикой. Работала на радио, в том числе в эфире.

Длительное время жила за границей. Замужем, двое детей. Писательской деятельностью занялась в Швейцарии в 2007 году.

С августа 2014 года — член Российского союза писателей. В 2014 году в издательстве «Художественная литература» вышел мой роман-эпопея «Все ее мужчины» с моими иллюстрациями — результат четырех с половиной летнего писательского труда, работы в архивах, в библиотеках, в поездках для сбора исторической информации.

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА ЕЛЕНЫ ГРОЗОВСКОЙ «ВСЕ ЕЕ МУЖЧИНЫ»

... Я уже понял, что даже просьба Якова звучит как приказ, хотя в манере говорить не звучало приказного тона. Ему просто невозможно было отказать. Командир полка — что тут скажешь... В бане мы сидели молча на горячих полатах, почти не разговаривали. Через густой пар при свете керосиновых ламп я незаметно разглядывал Поренцо. Сколько же у него шрамов! И на спине, и на руках, и на ногах, и даже на бедре. На руке и плече — неровные от шрапнели, на спине — длинные от шомполов, скользящие, по касательной, режущие — то ли от ножа, то ли от сабли — на груди и животе, на

бедре — след от колотой раны, два огнестрельных ранения, в руку и грудь, одно из которых, у сердца, должно было бы оказаться смертельным. И еще на ногах, у щиколоток — неровные, словно с них заживо сдирали кожу. В жарко нагретой бане я похолодел, представив, сколько человек безуспешно пытались убить этого бога войны, сидящего сейчас передо мной во плоти. Только на красивом лице бога не было ни одного шрама, ни малюсенького, даже от царапины, бритвы или ветряной оспы. Оно было безукоризненно гладким, белым, но не молочно-белым, а бежевым, подчеркнутым темными волосами и

красивым рисунком синевы на гладко выбритом породистом, скошенном подбородке. Тонкие офицерские усики, почти такие же, как у моего отца, подчеркивали румяные твердые губы, а выразительные глаза, показавшиеся мне черными из-за густых ресниц, на самом деле были темно-зелеными с карими крапинками.

— Вы давно воюете, Яков Адамович? — решил я спросить после недолгих колебаний.

— Давно, Герман. С четырнадцатого года.

— А в составе какой дивизии?

— Последний год в 3-й Туркестанской кавалерийской, в 1-й армии...

— А с басмачами воевали?

— Воевал...

— А теперь что?

— Теперь формирую новый полк.

— А где воевать будете?

— В Польше, вероятно.

Поренцо отвечал уставшим, равнодушным голосом. Я снял с плеча прилипший березовый лист и шмыгнул носом:

— Наверное, у вас очень интересная жизнь, полная событий, приключений...

Яков хмыкнул:

— Это верно.

— Моя очередь парить. Ложитесь, Яков Адамович.

Он послушно растянулся на длинной скамье, подставив под веник широкие плечи. Сложен Поренцо был прекрасно — по-военному сухой и жилистый, с длинными, гибкими мышцами на красивых руках и железными ногами всадника.

— Это шрамы от шомполов? — спросил я довольно безапелляционно, лупя березовым веником по бокам и лопаткам командира. Вообще, я о хорошем воспитании забыл скоро уж как год. Зачем оно, хорошее воспитание, когда нужно научиться выжить любыми средствами... — Я спрашиваю потому, что если бы вы жили в Древнем Риме, могли бы предъявить свои шрамы народу для избрания в консулы.

Поренцо не обратил на мою бесцеремонность ни малейшего внимания. Лишь коротко ответил:

— Да, одно из приключений.

— Это вас белые? — не отставал я.

— Англичане.

— Англичане? За что?

— За то, что фотографировал их позиции с аэроплана и передавал данные артиллерии.

— Так вы в Персии воевали с англичанами! Вы летчик?! Разведчик?! — От восторга я остановился.

Поренцо перевернулся на спину и теперь смотрел мне в лицо:

— Теперь уже нет. Отлетался.

— А как же они вас схватили, Яков Адамович?

— Сбили, взяли в плен раненого.

— Вот с...ки! — с чувством произнес я смачное уличное ругательство.

Поренцо улыбнулся. Я же сгорал от любопытства:

— И кто же вас освободил из плена? Наши?

— Нет, я был очень далеко от наших позиций. Меня сбили под Астрабадом. Ты же знаешь, это Персия. И так уж случилось, что нашли меня первыми торговцы рабами, идущие из Туркестана, туркмены-йомуды... — Он закрыл глаза и замолчал.

Веник замер у меня в руках:

— Расскажите, Яков Адамович, что ж вы на самом интересном...

Поренцо улыбнулся:

— Пошли-ка в снег на мороз, а потом расскажу...

На морозе, обтираясь обжигающим снегом, я почти не ощутил холода, так не терпелось мне дослушать историю до конца. Переодевшись в предбаннике во все чистое, натершись мазью от вшей по приказу Поренцо, благоухая чистотой и крепким хвойным настоем (опять-таки от вшей), я все порывался его торопить:

— Так что же дальше было, Яков Адамович?

Поренцо неторопливо одевался:

— Меня нашли три брата — Амир, Мадриам и Ахмед, три разбойника. Спасаясь от турецких и русских разъездов, караван с рабами свернул к югу в горы, в Шахруд, и, минуя русские поселения и посты, у Ласджерта свернул в Дешт-и-Кевир, большую соляную пустыню. Мы уходили к югу, на территории Персии, контролируемые Англией. Амир — старший из братьев, жестокий и алчный, — возглавлял караван с рабами. В России за работорговлю могли повесить без суда, но в Персии работорговля все еще процветала, и русские рабы, работающие и смышленные, пользовались большим спросом. В караване рабов было немного — около двадцати человек, все мужчины, всего лишь товар на продажу, такой же, что был в тюках на верблюдах: шерсть, соль, сушеные фрукты, медь и... люди. Ахмед большим умом не отличался, безмерно потреблял опиум, но был верен, как собака. Самым умным из братьев был Мадриам — средний брат. Прекрасный проводник, наездник, хитрый и осторожный, он уверенно вел караван по воюющим территориям. Братья слушали его безоговорочно. Одному богу известно, каким об-

разом удалось Мадриаму успешно пройти мимо солдат британского генерала Таунсенда, миновать русский кавалерийский корпус генерала Баратова, турецкие ударные части Абдул-Керим-паши, отряды персидской жандармерии. Пока все они воевали друг с другом, Мадриам с братьями, не принимая ничьей стороны, успешно продолжал свой путь. Таким образом, я в числе небольшой кучки рабов, выживших во время путешествия, оказался в Куме, где сходились дороги всех караванов. Там я попытался бежать, но неудачно, в кандалах далеко не убежишь: меня поймали и избили. Избить могли бы сильнее, но я нужен был рабовладельцам живым: братья надеялись выручить за меня крупный куш. Мадриам отвез меня в Ахваз, где стоял британский гарнизон. Убедив покупателя в ценности оказываемых мною услуг, Мадриам продал меня английскому джентльмену, полковнику Эдварду Флетчеру, эсквайру. Рыжему, коренастому, красномордому, злобному любителю посорить деньгами и крепко выпить. У таких, как известно, деньги не задерживаются. Продержав меня неделю в тюрьме в кандалах и ничего не добившись, он решил вести меня к Персидскому заливу в Хузистан к начальству. Полковник Флетчер зря проделал долгий путь: и в Бушире от меня ничего не добились. Я еще раз попытался бежать, но и на этот раз меня поймали. В конце концов англичанам надоело мое упрямство, и они решили казнить меня так, как это принято у русских, по мнению англичан: запороть шомполами, а чтобы не пытался больше бежать — срезать кожу на пятках. Я бы, несомненно, умер в тот день, но меня спасла богатая русская, путешествующая с мужем-миллионером Мухановым по своим неф-

тяным владениям в Персидском заливе и золотым рудникам в Индии. Эта парочка авантюристов и искателей приключений бесстрашно разъезжала по объятым войной морям на собственном пароходе «Звезда» в сопровождении канлодки «Ардаган», открывая ворота на турецкие, персидские и британские территории увесистыми кошельками с золотом. В отсутствие Муханова, отбывшего на «Ардагане» в Индию по делам, полковник Флетчер ради развлечения пригласил миллионершу на казнь русского офицера. Вероятно, негодяй раскусил, что у Евы — так звали Муханову — доброе сердце, и надеялся получить от нее хороший выкуп за мою жизнь. Он посадил бедняжку в удобное английское кресло в нескольких шагах от меня, так, чтобы русской было видно мое лицо. Показательная казнь проходила во дворе самого богатого дома в Бушире, на вилле губернатора. По узаконенной колонизаторами привычке они всегда занимали лучшие дома на оккупированной местности. Это было красивое местечко. На виллу вел старинный горбатый мостик из красного кирпича, с круглыми башенками-воротами. Под ним журчал мелкий прозрачный ручеек, впадающий в речку Далаки среди горных вершин. Мост упирался в живописный сад с высокими деревьями, обнесенный по прямоугольному периметру забором, с большим прудом перед светлым двухэтажным домом с арочными восточными окнами. Полковник Флетчер не ошибся: молодая женщина выкупила меня. Правда, к тому времени мои ноги были уже обезображены, и шомпола исполосовали спину до мяса. Я увидел лицо Евы, когда несколько брызг крови упали на подол ее платья...

О РОМАНЕ ЕЛЕНА ГРОЗОВСКОЙ «ВСЕ ЕЕ МУЖЧИНЫ»

Грозовская Е. Все ее мужчины. — М.:
Художественная литература, 2014. — 852 с.

Писать исторические романы всегда трудно. И не столько потому, что жанр подразумевает большой объем, архивную точность в описании исторических событий и личностей, жизненного уклада, пристальное внимание к мелочам, сколько потому, что повествование сосредоточено на судьбе главных героев и их отношении к миру.

Тем более это трудно, когда главной героиней является женщина, глазами которой широко изображена жизнь в кризисный, нестандартный период. Судьбе женщины по имени Ева подчинен сюжет романа и 298 персонажей и характеров, участвующих в событиях, описанных в книге.

Сюжет романа «Все ее мужчины» тесно вплетен в канву трагических событий в России начала — середины XX века и охватывает отрезок времени от далекого 1914 года до недавней современности — 1989 года, т. е. семьдесят пять лет. Для кого-то это целая жизнь, для кого-то — эпоха.

Композиция книги, довольно сложная для читателя, основана на сцеплении различных, в философском и историческом планах, слоев: событий 600-летней давности; России, Франции и Швейцарии 1910–30-х годов; Москвы и Ашхабада 50-х годов — как было уже сказано, относительно недавней современности — 1989 года; предельно интимного локального пласта — любви героев.

В романе пролог, семь частей с шестью главами в каждой, эпилог. Повествование, можно сказать, лейтмотивное. Имеется в виду такой принцип, при котором некий мотив, раз возникнув, повторяется затем множество раз в новом варианте, в

новых очертаниях и в новых сочетаниях с другими мотивами. Поэтому в оглавлении — зеркальность, повторение названий частей не случайны.

Что интересно, все главы в каждой из семи частей названы одинаково: «Звезда», «День первый», «Объяснение», «Поцелуй», «Амнезия», «Бегство». У каждого из семи главных героев — они свои и в свое время: и первый день — точка отсчета, и таинственная звезда, и поцелуй, и объяснение, и свой скелет в шкафу, и те события, о которых предпочитают молчать или забыть. Этот необычный технический прием помог Е. Грозовской создать уникальные художественные образы своих героев, сделать анализ условий и событий, влияющих на их характеры, показать их духовный мир, веру и любовь.

Конечно, мастерская писателя — материя тонкая, писательские инструменты у каждого свои, но умение соединить в себе творческое вдохновение и полное погружение в историческую эпоху — процесс очень сложный. Автору это удалось. Читая роман «Все ее мужчины», проникаешься его образностью, умением автора отойти от грубой, порой вульгарной лексики современности и погрузить читателя в атмосферу времени, о котором он, возможно, имел совсем другое представление.

И в то же время характеры персонажей, составляющих второстепенные сюжетные линии-новеллы, кажутся странно знакомыми и современными. В самом деле, в каком дворе нет грубоватой матери-одиночки тети Веры, пьяницы Шекспира или скупердяя Сан Саныча? Что наша жизнь

без забавных, милых, смешных, простых и сложных, противных, странных и некрасивых — разных характеров наших знакомых, обычных людей?

На их фоне главные герои кажутся почти богами, исполинами. И даже исторические гиганты, без которых невозможно было бы повествование романа, предстают не такими уж значительными в сравнении с судьбами главных героев, что стремятся найти себя в переплетении событий, характеров, чувств, страстей, ударов судьбы, катаклизмов истории!

Великолепие и разнообразие психологических характеров, их речевая характеристика невольно подвигают к сравнению с другим автором современности, у которого дар поэтического и психологического взгляда на мир заставляет сопереживать совершенно незнакомым людям, — прозаиком Фазилем Искандером. Сцепление различных исторических слоев и, порой, мистификация сюжета отсылает к «Мастеру и Маргарите» Михаила Булгакова, масштаб происходящих исторических событий и нравственное развитие характеров героев — к «Войне и миру» Льва Толстого, место человека в обществе — к «В поисках утраченного времени» Пруста, высказывание идей — к Томасу Манну в «Волшебной горе», поиск и приключения, женский взгляд — к «Грозовому перевалу» Эмили Бронте.

Елена Грозовская похожа на них всех сразу, но в то же время ее проза самобытна, неповторима, характеры не стереотипны. Роман привлекает не только сложным, противоречивым духовным миром героев, философскими вопросами, социальными контрастами, стилями поведения, механизмом продвижения личностей в общем устройстве мира, романтикой и любовной авантюрой, но и прекрасным использованием в романе диалогов, экспериментами с формой и стилем, сложной системой символов (таинственный октагон, «Звезда любви» и Братство восьмиугольника) для оценки современного общества, множеством сюжетных осложнений и авантурных поворотов.

Роман можно было бы назвать сагой: каждая его часть повествует о новом герое, о его взаимосвязи с другими героями, в том числе и эпизодическими характерами, формирующими канву, фон, картинность, лейтмотив романа.

Почти все второстепенные герои проходят в сюжете романа дважды, в разных временных ин-

тервалах, в социальной обстановке. Таким образом автор дает понять, насколько тесен наш мир, как взаимосвязаны между собой все события и предметы, даже такие незначительные, как, например, плетеное кресло московского доктора и чудака Сан Саныча.

Перед каждой композиционной частью — иллюстрация. Иллюстрации, графика — это рисунки автора (бумага, карандаш, тушь, темпера). Елена Грозовская так хорошо представляла себе своих литературных героев, что решила нарисовать их, оживить, чтобы читатели могли познакомиться с ними не только в книге, но и наяву.

Герои романа, Ева и ее спутники, — не идеальны. Они порой и герои, и антигерои одновременно, всегда находятся в странном антураже и непростых ситуациях. Может быть, поэтому они не скучны, интересны, реальны, им сопереживаешь, восхищаешься ими, стараешься быть в чем-то похожим на них.

Роман «Все ее мужчины», несмотря на солидный объем, легко читается. Привлекает и его полиграфическое исполнение.

В заключение хочу сказать, что творчество Елены Грозовской выбивается из контекста современной «женской» прозы. Выбивается уже фундаментальностью задачи, которую ставит перед собою автор. Выбивается также и материалом, и инструментарием. Это — не художественная лепка глиняных свистулек, а, скорее, тяжелая работа каменотеса. Работа — мужская. Материал — каменная глыба. А вот инструментарий, надо признать, посложнее. Весьма утонченные построения сюжета, метафора, ирония, явная и скрытая ассоциативность — это рука весьма и весьма искусная. И нечто женское, чувственное в ней несомненно угадывается. Читая роман, я несколько раз вспоминал фундаментальные тома Дмитрия Мережковского. Правда, если довести сопоставление до логического завершения, то надо будет признать, что он, этот твердый, фундаментальный романист в нашем случае, скажем так, крепко наркотизирован своей «второй половиной» — Зинаидой Гиппиус. Звучит, может быть, вульгарно, но, как мне кажется, есть в этом сочетании нечто, что можно отнести и к стилю нового восходящего имени в русской, настоящей прозе.

Георгий Пряхин

Борис ПРОКОПЬЕВ

Борис Прокопьев родился в 1956 году в Чебоксарах. В пятнадцатилетнем возрасте уехал в Горький (ныне Нижний Новгород), где, будучи, курсантом Горьковского речного училища имени И. П. Кулибина, начал активные занятия спортом. В 1982 году окончил Государственный институт физической культуры имени П. Ф. Лесгафта (Ленинград). Работал тренером, комсоргом ЦК ВЛКСМ на базе олимпийской подготовки Горьковской области. В 1989 году был приглашен на работу в Госкомспорт СССР (управление по связям с общественностью). Журналистикой увлекся в начале 80-х, окончив факультет комсомольских корреспондентов при областной молодежной газете «Ленинская смена». Печатался в газетах «Советский спорт», «Комсомольская правда». Работал ответственным секретарем газеты «Спорт для всех». В 1993 году учредил и возглавил журнал «Бег и мы», главным редактором которого является по настоящее время. Продолжает заниматься спортом — марафонским бегом. Пробежал восемьдесят пять классических марафонов, в том числе во всех двенадцати олимпийских столицах Европы.

ЗАВЕРШАЯ ТРЕТИЙ ЭКВАТОР

Николай Алексеевич Нечаев в апреле 2014 года отметил свое 80-летие. Возраст, бесспорно, почтенный. Но особую привлекательность обозначенному факту придает то, как он это сделал. Пробежал марафон! Самый настоящий — классическую дистанцию протяженностью 42 км 195 м, затратив на ее преодоление 5 час. 3 мин. 58 сек. Такое соревнование он организовал у себя в поселке Каменоломни, что в Ростовской области, пригласив на него два десятка друзей и просто знакомых по своему беговому увлечению.

Ровесников Нечаева, продолжающих выходить на старт марафона и успешно финишировать, у нас во всей стране можно сосчитать по пальцам одной руки. Но и среди них Николай Алексеевич уникален. За время своего увлечения марафона-

ми, а этот отсчет начался в 1979 году, он покорил 42-километровую дистанцию на официальных соревнованиях 165 раз! С того памятного дня Николай Алексеевич ведет свой спортивно-физкультурный дневник, озаглавив его собственным лозунгом-кличем «Бегом по экватору за здоровьем!». Именно экватор, протяженность которого равна 40 075 километрам, выбрал тогдашний новобранец мегаединицей измерения расстояния. Нечаев уже замкнул два таких экватора и приближается к завершению третьего оборота вокруг Земли. Его суммарный беговой километраж перевалил за 110 000 км. И все без «капитального ремонта».

Это сейчас Нечаев гордится своими физическими кондициями — худощав, невероятно вынослив, постоянно бодр и заряжен на оптимизм, на буду-

щее. Год назад, например, начал строить новый дом. Посадил молодые виноградные лозы. А ведь когда ему только-только перевалило за сорок, он отчетливо услышал настораживающие звоночки, подаваемые организмом. Это был еще не набат, но все же. «Здоровье дало крен, как Пизанская башня, — вспоминает Николай Алексеевич. — Работал-то на стройке. В основном не в тепличных условиях — холод, дожди, ветра. Замучил радикулит, стали докучать различные болезни».

Мужчина в расцвете лет задался непростым вопросом — как жить дальше? Ступить на тропу, ведущую к поликлинике и аптеке, или на другую — физкультурно-спортивную? Перспектива дружбы поневоле с медиками и фармацевтами Нечаева не обрадовала, и он взял ориентир на массовый спорт. Под влиянием газеты «Советский спорт», в которой в то время была рубрика КЛБ (Клуб любителей бега), будущий марафонец и выбрал для себя вид занятия — бег трусцой. Материалы, публикуемые в ней, и стали для него заочным консультантом и тренером. На первую тренировку вышел 22 мая 1975 года, в день святителя Николая

Чудотворца. Эту дату Николай Алексеевич почитает как свой второй день рождения.

Но нельзя сказать, что Нечаев никогда не занимался физкультурой и спортом. Будучи школьником старших классов, слыл одним из лучших бегунов и лыжников. Гонял с другими мальчишками мяч. С удовольствием предавался народным забавам — играм в лапту, в чижик, стенка на стенку. Да и во время службы в армии уделял физподготовке повышенное внимание. Без особых проблем справлялся с 25-километровыми марш-бросками. Неоднократно становился чемпионом и призером воинской части по бегу на различные дистанции. Отличался в лыжных гонках. За спортивные успехи был даже премирован десятидневным отпуском. А за образцовую трехлетнюю воинскую службу награжден знаком «Отличник Советской армии».

После трех лет бега трусцой Николай Алексеевич почувствовал, как организм вновь окреп. Захотелось чего-то большего на новом поприще. Решил попробовать себя в соревновательных забегах. Протяженность дистанций увеличивал по-

степенно. Сначала три километра, потом — пять, десять, пятнадцать... Первый свой марафон Нечаев пробежал в День Победы 9 мая 1979 года в возрасте 45 лет в Гуково, затратив на него 3 час. 24 мин. 14 сек. А через год на тех же соревнованиях опередил всех своих сверстников и финишировал с результатом 2 час. 54 мин. 20 сек. Дальше пошло-поехало. То он появлялся на марафоне в одном городе, то в другом. Исколесил почти весь Советский Союз, где проводились популярные пробеги, — от Архангельска до Симферополя, от Бреста до Омска. Свое высшее достижение установил в сентябре 1980 года на трассе в Королеве (в то время Калининграде), справившись с марафоном за 2 час. 49 мин. 45 сек. Для 46-летнего любителя бега — большой успех. В качестве сравнения можно привести пример: в 2014 году на крупнейшем марафоне страны — Московском — с таким результатом Нечаев финишировал бы вторым в возрастной группе старше 45 лет, уступив победителю всего 21 секунду.

В 80-х годах марафоны для Нечаева стали обыденным делом. Почувствовав вкус бега, он отважился на покорение 100-километровой дистанции. Таких соревновательных «соток» на его счету девять. А лучший результат, показанный в этой беговой дисциплине, — 8 час. 58 мин. При всем при этом сегодняшний ветеран заверяет: «Большими нагрузками в спорте никогда не увлекался. Не стремился выжать из себя максимальную скорость, не гнался за рекордами, не ставил главной целью получить приз. Все время был сам себе и тренером, и врачом, и советчиком».

С особым вниманием и волнением Николай Алексеевич относится к пробегам, посвященным тем или иным событиям Великой Отечественной войны. Среди них марафон «Дорога жизни» в Санкт-Петербурге, марафон в Зеленограде, приуроченный к началу контрнаступления советских войск под Москвой в декабре 1941 года, «Освобождение» в Харькове и ряд других.

По отношению к ним у Нечаева помимо всего прочего еще и личные, семейные обязательства. На фронте погибли три его дяди по материнской линии. Старший — Николай — защищая Одессу, Василий и Иван — Москву. Оба младших даже не успели жениться. «Это моя дань памяти им, — периодически повторяет Николай Алексеевич, кладя несколько алых гвоздик на заснеженный мемориальный камень перед стартом марафона в Зеленограде. — Пока жив и в силах преодолеть дистанцию в 42 километра, непременно буду сюда приезжать».

Наложила война свой тяжелый отпечаток и на детство Коли Нечаева. Родился он 24 апреля 1934 года в небольшой, всего в двадцать три дома деревеньке Осиновка на Рязанщине в крестьянской семье. Ближайшая начальная школа находилась в другой деревне, в полутора километрах от родной Осиновки, а семилетка — еще дальше — в четырех километрах. «Мы, мальчишки, зимой отправлялись в школу на лыжах, прокладывая тем самым тропинку для девчонок, — вспоминает Нечаев. — Получалось восемь километров ежедневной физкультуры. Что такое каникулы, отдых — понятия не имели. Когда не было занятий в школе, работали в колхозе, помогая женщинам и старикам. Здоровых мужчин в деревне не осталось, все ушли на фронт. Да и после войны их почти не прибавилось — одни полегли в боях, другие после ранений не смогли подняться с госпитальных коек».

В 12-летнем возрасте я умел запрягать лошадей и быков. И не только запрягать. Возил на них воду для полива. На телеге была установлена 500-литровая деревянная бочка, которую я ведрами в одиночку наполнял водой из речки. В сенокос заготавливали траву, собирали ее в копны, стога. Потом убирали урожай хлеба, картофеля. И лето заканчивалось.

Учебный год начинали не 1 сентября, а с опозданием дней на десять — надо было еще вспахать по осени поля. Я водил по борозде пару быков, волочивших за собой плуг. А за плугом, умело направляя его, шел кто-нибудь из стариков. За день, бывало, столько километров отмеряешь, что вечером валишься с ног в мертвецкий сон.

С начала войны и до 1948 года постоянно голодали. Выживали на картошке, квашеной капусте, соленых огурцах, грибах. Иногда доставался стакан-другой молока. Муки, а следовательно, и хлеба практически не было. Отправлялись на фронт. И если по счастью перепадал кусочек, то он казался слаще сахара. По весне и в начале лета, когда было особенно голодно, мы, ребята, подкармливались съедобными стеблями молодых растений. Есть хотелось постоянно». По этому поводу Николай Алексеевич частенько цитирует строчки из стихотворения поэтессы Ирины Потехиной: «Послевоенный голод гулко выл в животах, сводя с ума».

В поселке Каменоломни — центре Октябрьского района Ростовской области, где Нечаев живет с 1953 года, — сейчас он, пожалуй, самый узнаваемый и авторитетный человек в спортивной сфере. Из него, как из рога изобилия, фонтанируют различные идеи, которые он воплощает в жизнь. В 1982 году создал клуб любителей бега

«Колос», в котором председательствовал четырнадцать лет. В 1985 году выступил с инициативой проводить в Каменоломнях свой марафон. Назвали его «Октябрьский колос», а Нечаев стал его организатором. Пробег существует и по сей день. Все эти двадцать девять лет Николай Алексеевич сам становился его участником. В областных, отраслевых и местных печатных изданиях опубликовал свыше трех тысяч статей и заметок на физкультурно-спортивную тему. С 1991 года и по настоящее время ведет рубрику «Чемпион» в районной газете. Придумал и через нее провел несколько викторин, посвященных знаменательным спортивным событиям: «Олимпийским играм — век: сто вопросов», «Пять колец Сиднея», «Сочи-2014». А недавно закончил рукопись о районном спорте, о его истории и настоящем. С просьбой о ее написании к Нечаеву обратилось местное руководство.

Неудивительно, что в домашнем архиве этого незаурядного человека есть две особенные пап-

ки. Они примерно одинаковы по толщине. В одной хранятся дипломы, врученные Николаю Алексеевичу за его персональные спортивные достижения, в другой — почетные грамоты, благодарственные письма за его многолетний бескорыстный общественный труд.

Ко многим важным и весомым словам, какими можно назвать этого человека, хочется добавить — добрый чудак, делающий окружающий нас мир ярче и интереснее. Разве не чудак, коль на протяжении целых семнадцати лет встречал Новый год на бегу. Стартовал ровно за час до боя курантов, разносящихся по всей стране из телевизоров и радио, и продолжал бежать еще двенадцать минут после их умолкания. Бежать уже под громогласное «ура-а-а», разносящееся по всему поселку, под пальбу в воздух из ружей, под запуск петард, под поздравления, приветствия, аплодисменты. За это время в приподнятом настроении неспешно отмерял 12 километров, становившиеся прологом на следующие 12 месяцев активной жизни.

LIBERUM CORPUS¹

Ученье не только свет, по народной пословице, оно также и свобода. Ничто так не освобождает человека, как знание.

И. С. Тургенев

Рубрику ведет Славяна Бакунина

Славяна Бакунина — заведующая отделом образования и молодежной политики журнала «Юность», ректор НОЧУ ВПО «Институт гуманитарных и технических наук», президент Фонда развития образования.

ОТ ВЕДУЩЕЙ

Дорогие читатели! Моя цель — сделать вас свободными, а значит, самодостаточными и гармоничными людьми.

Сегодня мы побываем в старейшей музыкальной школе России. Ведь еще Александр Блок радовался тому, что музыка бесконечна. А современный поэт Борис Рыжий оставил нам практически девизные строки: «Спи! Ни о чем не беспокойся! Есть только музыка одна». Так что музыка с детства рождает в душе гармонию и делает человека свободным...

На пороге обители служителей Эвтерпы обмолвлюсь еще о целях наших. Вместе мы попробуем создать новое описание мира и стать его частью, стать смелыми личностями! Разбудить в душе своей способность творить. Лишь свободный человек способен получать новые знания, узнавать красоту в мысли и в чувстве, идти вперед навстречу солнцу, к чему призывал нас когда-то Константин Бальмонт: «Будем как солнце!»

А сейчас давайте распахнем массивные двери музыкальной школы имени Н. А. Алексеева.

ЛЕРМОНТОВ, МУЗЫКА И АЛЕКСЕЕВСКАЯ ШКОЛА

*Что за звуки! Неподвижен, внемлю
Сладким звукам я:
Забываю вечность, небо, землю,
Самого себя.*

М. Ю. Лермонтов

Осенним вечером 15 октября я оказался в музыкальной школе имени Н. А. Алексеева, что на Таганке, на открытии ставших уже традиционными Алексеевских вечеров.

15 октября — двухсотлетний юбилей Михаила Юрьевича Лермонтова. Все в тот вечер напол-

нялось стихами и музыкой... Мелодии звучали в светлых залах старинного здания музыкальной школы. Нарядные ученики волновались, но их преподаватели, казалось, волновались еще больше.

VI Московский межрегиональный открытый конкурс, фестиваль юных музыкантов имени Н. А. Алексеева стартовал. А я перед концертом побеседовал с директором школы, заслуженным

¹ Человек свободный.

Бюст Николая Александровича Алексеева

работником культуры РФ Еленой Константиновной Поповой.

— **Елена Константиновна, расскажите об истории школы, чем примечательно это здание и кто же такой Николай Алексеев?**

— Алексеевым принадлежала золотоканительная фабрика. Это древний род. Николай Алексеев и Константин Станиславский, известный всему миру своей теорией режиссуры, — два двоюродных брата из одной семьи, с разницей в возрасте одиннадцать лет. Алексеевы подарили городу двух

Выпускницы музыкальной школы им. Н. А. Алексеева

человек во власть, двух городских правителей, в том числе и Николая Александровича. В этом здании находилось училище для детей, которое основал Алексеев, а недалеко, рядом с театром, располагалась золотоканительная фабрика. Училище поставляло для нее рабочую силу. В годы войны здесь был интернат.

Музыкальная школа основана в 1967 году. К 150-летию Н. А. Алексеева сделали бюст основателя, построили новый зал благодаря программе префекта. Мы выступили с инициативой, чтобы отдать дань этому великому человеку. Николай Алексеев получил прекрасное домашнее образование, возглавлял Русское музыкальное общество. Его друзьями были Рубинштейн, издатель Юргенсон, Чайковский. Восемь лет он руководил городом и очень много сделал для Москвы: провел водопроводную систему, при нем была сделана канализация, построил ГУМ, здание Исторического музея на Красной площади.

Мы написали письмо мэру, тогда еще Лужкову, и музыкальной школе присвоили имя этого замечательного человека. Но здание всегда служило образованию и культуре.

В конце 90-х годов наше здание, особняк в центре Москвы, все хотели заполучить. Но мы занялись историей, архивными материалами и выяснили, что здание построил Николай Алексеев в память о своем отце. Тогда это было Рогожское училище. Он был его первым директором, и школу построили на его личные деньги.

— **Расскажите немного конкурсе. Кто принимает в нем участие?**

— Мы проводим конкурс с 2000 года, раз в три года. День рождения Алексеева совпадает с днем рождения школы, по всем архивным данным —

Директор музыкальной школы им. Н. А. Алексеева
Елена Константиновна Попова

Зинаида Алексеевна Игнатъева — профессор МГК им. П. И. Чайковского

15 октября. Каждый год мы отмечаем наш день рождения концертами детей и педагогов, а раз в три года — открытием фестиваля. Затем начинается сам конкурс, где соревнуются дети в возрастных группах. Отдельным разделом идет музыкальная интеллектуальная игра. На закрытии проходят концерт лауреатов, награждение, вручение подарков.

— **Кто занимается организацией конкурсов, мероприятий?**

— Это инициатива нашей команды. У нас очень дружный коллектив. Все задействованы, всем интересно...

После концерта я пообщался с преподавателем Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского народной артисткой РФ Зинаидой Алексеевной Игнатъевой.

— **Какие у Вас отношения с музыкальной школой имени Алексеева?**

— Я считаю эту школу одной из лучших. Тут очень серьезный директор, у него прекрасный штат: все работающие и заинтересованные. Дети получают звания лауреатов международных конкурсов.

— **Можно ли сразу распознать в ребенке талант?**

— Талант увидеть можно, но не сразу. У меня учится Миша Коркин, сейчас он в Мерзляковском училище, будет поступать ко мне в консерваторию в этом году. Он перешел из другой школы, и когда я услышала его в первый раз, это были ис-

порченные руки. Я думала, что он играть не сможет. Я глубоко ошиблась. Потому что с ним сделали чудо. Сейчас мы слышим его как настоящего виртуоза.

— **Каким Вы видите будущее школы?**

— Надеюсь, она будет развиваться. У нас замечательное музыкальное образование. Я сама начала заниматься с пяти с половиной лет, пианино превратилось в лучшую игрушку. Но в девять лет у меня был кризис, я сказала маме, что не буду больше заниматься, а стану летчицей. Просто случился переломный момент. Но меня заставили. (Смеется.) И как раз этот момент нужно преодолеть в ребенке.

— **Когда нужно отдавать ребенка в музыкальную школу?**

— Ну вот меня, по-моему, вовремя отдали. Я уже умела писать буквы. Писала письма отцу на фронт, печатными буквами. Что-то читала, во всяком случае, было очень интересно. Я училась в Центральной музыкальной школе (ЦМШ). Но самое раннее образование я получила в музыкальной школе при консерватории, которая сейчас называется колледжем. Там были общеобразовательные классы и специальные, потом общеобразовательные закрыли. А водить в две школы меня не могли: у меня был маленький брат. И в четвертом классе я уже училась в ЦМШ.

— **Какие сейчас инструменты в моде? На чем играют ребята?**

— Конечно, рояль, это универсальный инструмент. На все времена. Рояль может играть и как оркестр. Любые сочинения, симфонии мы можем на нем сыграть.

У нас замечательная система, и мы не должны никому подражать — ни англичанам, ни французам, ни американцам. Не надо ломать наше образование. Я постоянно бываю за границей. Особенно хорошо знаю Францию, возглавляю там международный конкурс, даю мастер-классы, играю сольные концерты. И я пошла в обыкновенную муниципальную школу узнать, как занимаются с пианистами. Три или четыре пианино. Все дети играют одну и ту же пьесу. А посередине класса ходит педагог с дирижерской палочкой и отстучивает ритм. Все играют одно и то же. Урок длится 30 минут. И это не индивидуальные занятия. Я спросила у педагога, пианист ли он. Оказалось, он играет на кларнете! Не дай бог нам до этого дойти!

Беседу вел Юрий Синцов

Наталья АРСЕНИНА

Наталья Арсенина родилась в Норильске Красноярского края. Однако считает себя коренной жуковчанкой, так как ее семья переехала в Жуковский, когда ей было всего полтора года. Выпускница филфака МГУ имени М. В. Ломоносова. Среди освоенных профессий — преподаватель русского языка и литературы, инспектор социального обеспечения, журналист, литературный редактор, корректор.

Стихи пишет с детских лет. В 2010 году стала дипломантом II Международного слета поющих поэтов «Зов Нимфея». Стихи включены в 1-й выпуск литературного альманаха «Новые песни России». Автор сборника стихов «Взлеты и падения» (2007), книги «Уверенной поступью», посвященной 60-летию Жуковского машиностроительного завода.

* * *

Звезды на небе — не сосчитать!
Хлопает ветер оторванной ставнейо...
Что-то в душе встрепенулось опять,
Что-то забытое, милое, давнее...

Звезды струят свой таинственный свет,
Сердце окутала грусть потаенная.
Где мои двадцать немислимых лет?
Где я шальная и вечно влюбленная?

Может, ответ, как все сущее, прост?
Небом ночным сокровенно хранимая,
Стала ты светом, идущим от звезд,
Юность ушедшая, но негасимая.

Может, в мерцающей выси ночной
Скрыто извечное горькое знание
О скоротечности жизни земной
И о минувшем напоминание.

* * *

Ты рядом, но как будто не со мной,
Как будто бы в глубинах мирозданья
Загадочный, далекий мир иной
Давно с тобою требует свиданья.

Меня порой охватывает страх,
Я слышу запах тайны сокровенной.
В тебе земное все, и лишь в глазах
Застыла неразгаданность вселенной.

* * *

Тобой я просто брежу наяву,
Твой образ настагает меня всюду,
Но никогда тебя не позову,
Нет, плод запретный я срывать не буду.

Ты сам готов в ладони мне упасть,
Чтоб я отведала твой вкус неповторимый,
Ты сам готов все бросить и пропасть,
Но как мне жить с виной непоправимой?

* * *

В колеблющемся пламени свечи
Твое лицо казалось безучастным,
Но поцелуи были горячи,
Когда привлек меня движеньем властным.

Всплеск страсти — безрассудной и немой,
И, миг соединенья приближая,
Серебряною гибкою змеей
Скользнуло платье, плечи обнажая.

Во всей Вселенной были только мы,
На всей Земле нас было только двое,
И свет померк, и под покровом тьмы
Любви вершилось таинство святое.

* * *

Ах, как вишня цветет... Заглядение...
Я украдкой смотрю тебе вслед,
Мне б страхнуть с себя наваждение,
Столько лет прошло, столько лет...

Словно это не жизнь, а вымысел,
То ли сон, то ли явь, не пойму,
Как легко ты дорожку вымостил
К сердцу бедному моему.

Что же делать мне с этой мукою?
Застит мне она белый свет,
Сколько лет я тебе аукаю,
Все аукаю... Столько лет...

* * *

*Памяти жуковских спасателей
Валерия Замараева и Дмитрия Кормилина,
погибших в Беслане в сентябре 2004 года*

Та осень нас накрыла черной тенью
И горе всей России принесла,
Померкло солнце за одно мгновенье.
Как страшный сон. Осетия. Беслан.

Кошмаром беспросветным накатила
Террора беспощадная волна.
Вы не умели защищать вполсилы,
Исполнив долг свой воинский сполна.

Не из породы праздных краснобаев,
Ведь мужество не терпит громких слов.
Два имени — Кормилин, Замараев.
Два славных парня. Двое земляков.

Немеркнувшей себя покрыли славой
Отечества достойные сыны,
И в Книгу ратных подвигов по праву
Их имена навечно внесены.

г. Жуковский

Виктория ЛЫСЕНКО

Виктория Лысенко родилась в Москве. В 1964 году окончила Московский финансовый институт. С 1965 по 1998 год работала во «Внешэкономбанке» на разных должностях — от экономиста до заместителя начальника управления.

С 2004 года начала писать рассказы. Член Союза писателей России (Московское отделение). Публиковалась в «Роман-журнале» и журнале «Российский колокол».

Живет и работает в поселке Сосны Московской области.

ЗЕМЛЯ ЖИВАЯ

Есть такая теория или гипотеза, что Земля — живая, что у нее есть сознание. Но в таком случае она думает, чувствует, любит и ненавидит, наслаждается, испытывает боль и страдание и в соответствии с этим, как мыслящий объект, предпринимает определенные действия. Нам не дано познать мысли и чувства Земли как иной сущности, несопоставимой с нами. Но попробуем хоть что-то себе представить. Предположим, что она воспринимает языки и искусства. Она придумывает сюжеты, тексты и мелодии и посылает их нам. Ей нравится, как мы превращаем их в спектакли, фильмы, книги, музыку. Она дарит людям научные идеи, чтобы они их развивали и воплощали. Однако самое интересное для нее — наблюдать за нами, за отношениями между людьми, за человеческими судьбами. Ей

приносит мучение, когда мы варварски лезем в ее недра, портим ее кровь — воду, сжигаем ее кожу — испепеляем почву и растительность, наносим ей раны бомбами и снарядами, уничтожаем животных и друг друга. Она как может защищается: устраивает наводнения, землетрясения и прочие катаклизмы. Но мы нужных выводов не делаем. Она знает, что не вечна. Во вселенной слишком много охотников за ней: крупные метеориты, кометы, чрезмерные выбросы радиации ее звездой. Она боится конца своего существования — холодной смерти. Кого же она любит? Может быть, это Марс или Юпитер, а возможно, Луна или Солнце. Но, скорей всего, она любит нас — своих несмышленных, непутевых и неблагодарных детей, иначе столько не вытерпела бы.

Московская обл.

Тамара АЛЕКСЕЕВА

Продолжение. Начало в № 11 за 2014 г.

ИГРОВАЯ ЗАВИСИМОСТЬ, ИЛИ ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЛЮБВИ

Рисунки автора

И все же я искала спасения, теряя силы, я упорно искала его. То и дело подкрадывающееся безумие, как собака, отступало перед лицом моей слабой и тихой веры. Надо было избавляться от жалости к себе, она была вздувшейся и тяжелой, как труп. Пусть лежит себе под высоким каштаном, где веет прохладой! И ей хорошо, и мне. А сын — пусть станет чужим, которому нужно помочь. Разве это не сумасшествие — требовать от него незамедлительных изменений из-за моего желания избавиться от страданий? Разве моя любовь к нему является оправданием такого самоистязания? Разве не предупреждал священник: «Поражений будет много, но старайтесь не терять после них боевой дух, помните, демон силен»?

От этих слов стало легче. Боль отступала...

Это случилось в полнолуние.

Я не спала, в одиночестве бродила по комнате, зажигала и выключала свет, читала, лежала с полузакрытыми глазами. Томительно тянулись минуты — стены, потолок, люстра, книга — когда же сдвинется стрелка! Тишина... Даже дыхания моего не слышно — как в гробнице. Ни о чем я так не мечтала, как выскрести у этой ночи горстку сна, одну маленькую, и больше ничего. Муж в командировке, он работал водителем-дальнобойщиком, я привыкла к его отсутствию. Появлялся он редко, как праздник, и как-то беззаботно относился к происходящему. Он не видел ничего ужасного в том, что сын стал игроком, воспринимал это как временную прихоть, неопасную болезнь. «Я сам чего только не вытворял в его годы, — успокаивал он меня, —

это запоздалый бунт маменькиного сыночка. Он переберется и вернется домой, вот увидишь». Его слова убаюкивали меня, но ненадолго...

Два часа ночи... Луна плавилась желтым янтарем, встревоженно манила и была как живая. «А ведь она каменная», — подумала я в полубытьи, глядя на нее из-под ресниц. Луна медленно тянулась к окну своими сплетенными прозрачно-зелеными пальцами. Я словно пробудилась от сна, вздрогнула и стала торопливо собираться. Быстро обулась, надела пальто, вышла на улицу, потом, в какой-то безмятежной уверенности, решительно зашагала по ночному городу. Я спешила туда, где трещали и суетились огни, освещая все темные проулки и заросли, где толпились люди и дымилась сигары. Не успела я приблизиться к звенящему самоцветному зданию,

как распахнулась дверь, и оттуда выскочил мой Алеша, взволнованный, с бескровным отчаянным лицом. Мы чуть не столкнулись лбами. Узнав меня, он испуганно вскрикнул, будто увидел привидение. Я была так спокойна, что сама себе удивлялась. Благожелательно смотрела на сына и даже улыбалась...

— Что ты здесь делаешь? — крикнул Алеша. Он с недоверием смотрел на меня, переминался с ноги на ногу, во взгляде были растерянность и беспокойство. «Проигрался», — догадалась я.

— Пришла поиграть, — вдруг неожиданно для самой себя ясно и тихо сказала я. — Мне дали на работе премию, я и подумала — почему бы не попробовать? Отец в командировке, дома скучно.

Алеша смотрел на меня во все глаза.

— Да, да, — уверенно продолжала я лгать, — дело в том, что Мария (у меня подруга — гадалка), глядя на мою руку, предположила, что мне необычайно повезет в игре. У меня такой знак на ладони — звезда. Покажи, есть у тебя? — Я схватила сына за руку и повернула ладонью вверх. Это напоминало сон, да, все это было как во сне. — Нет, у тебя нет, — разочарованно проговорила я. И показала ему свою ладонь: у основания большого пальца было нечеткое изображение звезды. Я и сама не знала, что это означает.

— Знаешь, помоги мне, — продолжала я колдовать, держа сына за руку. — Я ведь не очень разбираюсь во всех этих автоматах, боюсь, проиграю сразу все деньги — не успею даже насладиться игрой. Пойдем?

Это была роковая минута. Если сын хоть на миг усомнится в моей правдивости...

Но я угадала, я выбрала беспроегрышную тактику: Алешка сильно продулся, и мне повезло, я словно выиграла в лотерею самый подходящий, наилучший момент, какой только можно было вообразить. Мы вошли в зал.

Народу, несмотря на позднее время, много. Мы еле дождались, пока освободится автомат. Ко мне подошел высокий мальчик в синей форменной одежде, вежливо предложил снять пальто. Я села на высокий стул, сын встал рядом и стал объяснять правила игры. Я внимательно следила за его пальцами и старательно кивала головой. Незаметно вздыхала, глядя на свои исчезающие в отверстиях деньги. Что делать? Дрожала от страха перед тем, как нажать на кнопку. Как же мне было жаль денег! Я была лишь безвольной куклой, руками которой водил Алеша. С таким же успехом он мог взять в руки деревянные палочки для еды и ими нажимать на кнопки. Правда, в течение всей ночи мы то и дело менялись местами.

Что здесь рассказывать? Про эту дикую ночь? Я выигрывала! Мой выигрыш рос, как беспутная веселая пена, я не верила своим глазам. Алешка и подавно пришел в какое-то неистовство, я понимала, что сказать ему сейчас «пойдем, я устала» — все равно что убить. Но силы мне придавал не выигрыш, во все нет, я была рада другому — сын стоял рядом, я видела и слышала его, и даже тайком поправляла его рубашку, как же я по нему соскучилась! Он подросток и сильно похудел, во взгляде был скрытый страх и беспокойство. Лицо — такой ледяной и горестный овал, такой холод-

ный и голубоватый рисунок губ, что я боялась ненароком притронуться...

Когда мы вышли на улицу, я честно разделила деньги и протянула ему половину. Сказать, что он был доволен, — это не то слово. Полный триумф вскружил ему голову.

— Завтра пойдешь играть? — обратился он ко мне, сияя глазами.

Я молча кивнула. Я больше не была для него матерью. Я была сообщницей. Но уже — не пустым местом...

Мы заходили в игровые залы, я суетливо снимала коричневое пальто и отдавала черную шляпу, садилась рядом с сыном и крепко, до боли сжав руки, почти не дыша от волнения, следила за каждым его движением. Работники заведения приносили мне кофе, воду... Я чувствовала себя неловко, мне было стыдно, как если бы я пришла танцевать на дискотеку для школьников. Меня могли увидеть мои ученики, вернее, их родители — это было бы полным позором.

Зал был обит темно-вишневыми обоями, на полу — ковровые дорожки. Вдоль стен стояли высокие сверкающие коробки с прыгающими картинками. За ними сидели мужчины и женщины: одни — сосредоточенно-серьезно, другие нарочито развязно стучали по металлическим клавишам. Мелькали руки: смуглые и белые, узкие, как стебельки, и крепкие, увитые тяжелыми браслетами, аккуратные и неряшливые, собранные и безумные.

Зал был полон звуков и шорохов, приглушенных разговоров, вспыхивали огоньки папирос, мерцали и переливались в бокалах напитки. Кто-то, опустив веки, торопливо строчил руч-

кой по клочку бумаги, рвал, сжимал руками виски и снова писал — на пачке сигарет. Окон нигде не было, под неживым освещением лица выглядели бледными, меловыми — казалось, люди только что встали из могилы и уселись между гробницами, стоящими в ряд, — по плечи в снегу, как восковые призраки. Одни играли бесстрастно и тихо, будто перебирали металлические квадратики деревянными пальцами, другие словно лизали их длинными алыми языками, терзаясь и вздрагивая всем телом. Были разные игроки, иные гладили, разминали и вдавливали кнопки, как женские соски, взволнованно прижимались к ним щекой, будто чув-

ствовали внутри биение и толчки новой жизни, уговаривали открыть щель, вопили и сокрушались, колотили кулаком по бездушному твердому телу, скорбно сидели с бесцветными глазами, захлебываясь от тоски и бессилия...

Бывало, за одну игру человек выдыхался, словно проживал целый век, изнурялся в невозможной, многодневной скачке по жаркой пустыне. Падали и неподвижно висели руки, удлинялись тени, закрывались глаза...

Я не могла смотреть на них равнодушно: весь этот нездоровый мир объединяла глубокая и сокрушительная неприютность, какая бывает лишь у беспризорни-

ков и заключенных. Изредка по залу проносился жуткий звук: это проигравшийся со злостью и неистовым бешенством ударял кулаком о стул. По ничтожному поводу, из-за всякой мелочи часто вспыхивала тревожная перебранка — когда неудачник бесстыдно и бесцеремонно или мучительно-приниженно выклянчивал у приятелей деньги. Бестолково и бесцельно, не зная, куда преклонить головы, слонялись они по игровому залу, проигравшиеся в пух и прах. Странно болтались их руки, как шеи убитых птиц, жестокостью и подозрением светились глаза. То и дело отворялась входная дверь, в нее влетали новые люди, деревянная дверь

со стуком захлопывалась... Высокие деревья, окружавшие дом, бросали на него горсти черных листьев, темной влаги — я знаю, я видела, ведь я столько времени провела в засаде...

Удивительно было то, что сыну стало везти, он неизменно выигрывал, на нас смотрели с завистью. Я лживо радовалась и покорно хвалила его, стараясь вернуть утраченное доверие. Алеша благосклонно кивал головой. Несмотря на недавний триумф, играла я редко: боялась проиграть деньги, которые мне так тяжело доставались, а сыну их давала. Эти походы были нашей единственной связью, и только я могла сохранить и упрочить ее. До сих пор для меня осталось тайной — как тогда получилось, той ночью?..

Сын стал приходить домой, и делал это осторожно и постепенно, словно дикий зверек. Боясь испугать его, я бодрилась, как могла, силясь быть приветливой и доброжелательной. Готовила вкусную еду, наполняла дом сладкими запахами, хвалила и смеялась, ночью ходила играть — делала все, чтобы заблокировать ему выходы, оживить погубленный мир. Пусть скинет с себя эту трудную болезнь, как лягушачью кожу, я сожгу ее в печи — тогда и буду с него спрашивать!

В один день он остался ночевать — сердце мое трепетало от радости! А ведь это был малюсенький шажок, крошечная победа! Я не обольщалась, помня слова отца Владимира — «демон силен»...

Постепенно я привыкала к игровому залу: люди ко всему привыкают. Я начинала понимать: чтобы жить среди

игроков, надо научиться думать и поступать, как они.

В расслабленной завораживающей обстановке, в замке, лишенном окон и часов, остановилось само время. Некуда было спешить, рассыпались в прах понятия «надо» или «нельзя», растворялось прошлое, теряло значение будущее. Повсюду сидели взрослые чудные люди, зачарованно засовывали в специальные отверстия бумажные купюры, благоговейно, до бонусной игры, жали на кнопки. Давно забытая детская радость озаряла лица — перед ними вылезала забавная обезьянка и ловила бананы или прыгала и квакала изумрудная лягушка. Любое удачное движение, ловкий удар или волшебное везение непременно вызовет призраки крошечных фантастических существ — об этом никогда не говорят вслух, это всеобщая тайна, согласие без слов. Есть необъяснимые явления или вещи, сознательно их объяснить невозможно.

Я сама, расталкивая локтями бегущих и сбивая их с ног, пустилась в погоню за детством. Невозможно было упустить эту величайшую в жизни возможность! Ее не приобретешь за сумасшедшие деньги! Это был единственный на всем свете день, час или много бесценных часов, главное — не упустить, успеть...

Пусть дурное будет дурным, пусть воруют золото и пьют вино, пусть тело найдет конец в петле — за все завтра будет ответ, я отвечу вам завтра утром, завтра, когда я вернусь домой...

А сегодня — погружу руки в сверкающий короб, заблестит на пальцах дивная, как жидкое зеркало, краска, разотру ею свои бедра и груди — мне всего-то, всего-то

чуть-чуть, чтобы меня признали настоящей...

А сегодня — на роскошных носилках, на троне для земных богинь, в облаке белоснежного бархата, в сопровождении блестящей свиты и хвалебных криков я торжественно плыву в небесах...

Каждый игрок стал мне наполовину сыном или тайным братом.

Алеша увлекался игрой и гнал меня прочь, прочь от себя. Еще охваченная живым и диким огнем игры, обожженная его цветными искрами, я странствовала среди людей по залу, заглядывая в самые сокровенные его уголки.

Однажды я увидела троих молодых людей, еще подростков, по возрасту их не должны были пускать в зал. Один из них — остроносый, хорошо одетый — бесстрастно вкладывал в игровой автомат купюру за купюрой. Второй тоже играл, но так, что казалось — сейчас настанет его гибель. Как скала рассыпается в песок, так и он мелко дрожал от неудержимого стремления выиграть. В ослеплении чувств он громко объявил войну Небу — что с ним теперь будет? Смотреть на него было невозможно. Третий паренек, в дешевых кедах и старой куртке, отвернулся, чтобы никто не видел, и дрожащими пальцами перебирал и пересчитывал мятые деньги. Это были гроши, но, вероятно, очень нужные ему. В его сердце шла борьба, он продолжал смотреть на ладонь, как очарованный. Что он прикидывал? Были ли это последние в семье деньги? Чувство совести и азарта незримо схлестнулись, я услышала в воздухе хруст и легкий звон. Все самое прекрасное — оно же и самое хрупкое. Я знала,

кто победит, кто здесь правитель, кто бессмертный, торопливо отвернулась и поспешила дальше — туда, где столпился народ...

За автоматом сидел армянин лет сорока. Есть люди — всех азартней. Глаза их мечут искры, сочатся блеском и влагой, они свирепо рвутся от автомата к автомату, пламенея от жажды отыграться. Когда они играют, то излучают бешеные волны, бьющие током...

Народ, окружавший игрока, молчал, и в этой тишине была особая затаенность. Я поднялась на цыпочки и взглянула. Высокий человек с черной копной вьющихся волос, прежде чем совершить действие, делал внушительную паузу, потом закрывал глаза, высоко поднимал руку и с силой, чуть ли не наотмашь, так дают пощечину, ударял по одной из пяти клавиш. После одного из таких ударов куча людей вздрогнула и закричала:

— Вау! Пробил!

Стоящий рядом со мной мужчина с сожалением прошептал: «У меня бы не выдержали нервы. Я бы снял».

— Что пробил? Кого пробил? — тихо, на ушко спросила я его.

— С восьми тысяч до шестнадцати! — так же тихо, с нескрываемой завистью ответил мужчина.

Его голос дрожал от обиды, или мне показалось? Ему было около тридцати пяти лет, на нем были серый дорогой костюм, белая рубашка и светло-голубой галстук. Я посмотрела вниз — нет ли портфеля? Портфеля не было.

— Это как? — уточнила я. — До шестнадцати?

— Угадал карту из пяти. Представьте, там был король, а он вынул туза.

— Вот здорово! — сказала я, лишь бы что сказать — все равно я ничего не понимала. — И что, он сейчас может забрать свои шестнадцать тысяч?

— Да, может. Но он не делает этого. Он будет рисковать дальше. И будет либо тридцать две тысячи, либо ноль.

Пока мы переговаривались, опять закричали:

— Опять пробил! Тридцать две!

Я вдруг почувствовала за спиной резкое движение. Распалкая толпу зевак, к игравшему активно пробирались два амбала, похожие друг на друга, как близнецы-братья. Они были в одинаковой спортивной одежде, одинаково подстрижены и крепко накачаны. «Бандиты», — догадалась я.

Один из них, чуть выше и светлее волосами, хлопнул армянина по плечу и, улыбаясь, сказал:

— Ашот, надеюсь, ты не забыл, что завтра должен отдать пятьдесят тысяч? Иначе счетчик будет включен, а тебе это вряд ли понравится. Я вижу, мы вовремя, у тебя тридцать две штуки — давай, не тупи, снимай их, остальное отдашь потом. Косой даст тебе отсрочку.

— Парни! — взмолился Ашот. — Я все отдаю. Я знаю, я чувствую — автомат даст, мамой клянусь. — Он просил, как ребенок, у которого забирают дорогую игрушку. Трещали его длинные пальцы, он кровожадно скручивал их в кулаки и тянулся к кнопкам. Бандиты переглянулись, пожал плечами, один молча кивнул.

Ашот нажал кнопку удвоения. Назад дороги нет. «Либо шестьдесят четыре, либо ноль», — мы опять зашептались, я и незнакомый мужчина с горящим лицом. Его глаза излучали ка-

кой-то нервозный и злобный, шипящий свет — я чуть отпрянула в сторону.

Выпала дама.

— Ага! Я ж тебе говорил — снимай! — заорал один из парней и отвесил Ашоту смачный подзатыльник.

Он заторопился, он был почти в полубессознательном состоянии: нервно вздрагивал плечами, скрежетал зубами и плакал с закрытыми глазами, крупные капли пота или слез повисли на его густых ресницах. Находился ли он в состоянии ясновидения или интуитивного озарения? Может, это был всего лишь разрозненный отблеск самого демона? Чья незримая плеть хлестнула его по руке, чтобы выпал король?

Это уже был не крик, не рев, а буря чувств! Слово молния ударила сверху и расчленила зал надвое! Сверху брызнуло звоном и светом — шестьдесят четыре тысячи! Моя зарплата в школе составляла тогда всего четыре...

Никогда еще стены так не содрогались, никогда люди не испытывали такого смятения. Качались и звенели люстры, плясали и корчились струи благовонного дыма... Бандиты взяли Ашота под руки, стащили со стула и позвали крупье, чтобы тот снял деньги. Ашот рвался назад, раздувая ноздри, униженно молил и клялся, что автомат заглохло и он еще пробьет.

— Я пробью, пробью, — в сильном беспокойстве повторял он снова и снова, поворачивая голову то к одному, то к другому.

Лицо его стало воздушным и каким-то нематериальным, волосы намокли и прилипли к щекам, а губы вытянулись и сухо пылали. Он готов был играть ртом! Какую же убедительную цепь дока-

зательств составлял он на ходу, как подгребал друг к другу слова, словно куски горящего угля! Он кричал, как о желанной женщине, страсть ударила ему в голову и резкими волнами прилила к мозгу...

— Пацаны, я пробью. Каждому — по пятаку. Я подольстился к богам, я их так ловко подмазал, и они приняли — дело будет сделано. Пока не подмажешь — ничего не возьмешь, я еще с утра снискал их расположение. Я им такое заложил, верное дело говорю — всем хватит. Разве я когда так говорил?

Что победило? Обещание денег или всеобщее ликование? Может, странное очарование мольбы? Или хмельная уверенность, которую излучало все его существо? Ашота благополучно водворили обратно, он страстно помолился и нажал кнопку удвоения — вскрылась тройка. Он радостно потирал руки, расправлял плечи, исполненный самодовольства, впервые горделиво оглянулся назад, окинув взглядом затившихся людей — ниже тройки только одна цифра. Удар, щелчок — выпало то, чего он никак не ожидал. Выпала двойка...

Публика расходилась поразительно быстро. Миг, еще один — и все уже копошились возле своих мест и нетерпеливо тянули руки к своим кормилицам в ярких передниках, к их сладостным сосцам. Отдельные звуки и голоса постепенно стали неразличимы для слуха. Ушли бандиты, один многозначительно хлопнул Ашота по спине. Тот неподвижно сидел, недоуменно глядя на светящийся экран... Я вдруг неудержимо захотела спать, глаза закрывались сами собой, спалились ресницы — я терла их кулаком. Сколько же дней я не

высыпалась? Я привыкла и перестала ее замечать, эту усталость, и когда она превратилась в огромную и прочную плиту? Ни отломить кусок, ни разрезать...

Ашота не было несколько дней. А может, он был? Он так тихо и смиренно, не привлекая внимания, играл в углу, что я не сразу его узнала. «Не везет в игре. Ставка не та», — подумала я. Внимательно присмотревшись, увидела обе его руки забинтованными, на каждой не хватало по пальцу...

Мы возвращались домой поздно ночью и говорили об игре, обсуждали только игру. Как только я осторожно переводила разговор на другую тему, сын просто переставал быть. Он снова уходил в себя, будто распахивал потайную дверь в игорный зал, и там ему светили зеленые, красные и синие огни этого гибельного мира, прыгали и скалили зубы мертвые обезьянки, гремели кнопки, звенели монеты...

И я, лихорадочно путаясь в незнакомых терминах, как школьница, вымаливающая пересдачу экзамена, опять переводила разговор на игру, в полной темноте и беспробудном мраке я искала те слова, которые оживили бы и вернули мне сына...

Я боялась потерять его буквально, физически. Он как-то исступленно переживал проигрыш, в этом состоянии он полностью терял контроль над собой. В этот момент агрессия, направленная на самого себя, могла вылиться во что угодно. Кажалось, он в любой момент готов шагнуть с крыши. Один раз я видела, как он бился головой о кирпичную стену, по лицу текли целые потоки крови, а он даже не чувствовал этого. Пока я сидела рядом в игровых залах, у него

случались выигрыши. Он поверил в меня, как в свой талисман! Как же он преображался! Я смотрела на него во все глаза. Был только один день, когда я видела его таким...

Алеше было шесть лет, когда я повела его на елку во дворец культуры. Мне тогда повезло: я достала билеты на детский праздник, а подруга принесла для Алешки мушкетерский костюм. Она достала его по великому благу, но ее сын вырос. Боже, что это был за костюм! Красный бархат, отороченный атласными лентами, шляпа с пером, даже настоящие мушкетерские сапоги. Алешка глядел на него, не дыша, боясь к нему притронуться, — так бы я чувствовала, получив бриллиантовое кольцо с подвесками. Как же он радовался на этом балу, как гордился и хохотал — ведь он был самым красивым! Его костюм признали лучшим, он стоял на сцене и прижимал к груди подарок — огромный красный грузовик. У меня сохранился снимок Алешки в мушкетерском костюме. Как весеннее половодье затапливает горы и кручи, так и мой сын был переполнен счастьем, его золотом и светом...

Пусть у нас сейчас была только одна тема, но мы разговаривали! Мы говорили о «роковой неудачливости», она ощущалась всеми в виде ненасытного упыря, который, раз присосавшись, будет прихлебывать удачу днем и ночью, до последнего вздоха игрока. Ошибка ли по небрежности, недосмотр или неиспользованный момент — и кандалы защелкнулись, человек есть, но, словно срубленный шальным ураганом, меченный пеплом, выброшен за ненадобностью. Чаще всего такое происхо-

дит с недавними триумфаторами. Раз произнесенные вслух, эти слова — «роковой неудачник» — прочно утверждаются как надежное прозвище, презренный запах. Как выйти на арену и вернуть утраченный титул, если, прикрученный цепями, игрок несколько дней просидел во мраке? И разве можно его спасти?

Мы можем только молча наблюдать, как он погибает...

При этих словах мой сын начал ожесточенно ломать и крушить ветви деревьев, попадавшие нам на пути. Потом наш разговор вновь принимал первоначальную форму, вновь становился упругим мячом после сильного сжатия...

Алеша жаловался, что часть автоматов подкручена в пользу владельца, а их хозяин один, зовут его Василий Седов. В свое время, благодаря связям в администрации, он приватизировал много зданий, выкупил лицензии, игровые автоматы, построил казино. Его в городе боятся все, даже милиция, потому что доходы у него большие и он ими хорошо делится с теми, кто наверху. Мэр города — его родной брат, прокурор — дядя. Ходят слухи, что он не гнушается ничем, через подставных лиц принимает драгоценности, квартиры, ценные вещи...

Но, несмотря на страхи, ко мне вернулась надежда. Алешу восстановили на факультете информатики — я ненавязчиво заметила, что он может многое упустить. Он любил копаться в технике, чинил друзьям компьютеры, телефоны. Придет время, он влюбится в девочку, насужебудет двоим этой борьбе! А двое — это уже сила. И весь этот сатанинский праздник со всем его велико-

лепием, бешеная свистопляска его мучений и безумств сразу закончится, как дурной сон, не правда ли?

Я не сразу почувствовала, как опустошают меня игорные заведения, этот адский хоровод дней и ночей, вращающийся калейдоскоп безумных людей, обуреваемых неутолимой жаждой, которую не оживят и все реки мира...

Как же мне неистово хотелось вырвать оттуда Алешку, вырвать как можно скорей — любой ценой! Оставь мне его, отдай на день, на неделю, надолго отдай, слышишь, демон! Разве ты держал его в своих горячих ладонях, целовал горошинки его пальцев! Ведь это *мой сын, мой* — и больше ничей!

ГЛАВА 5. КОШКИ-МЫШКИ

«Осознаете вы это или нет, но между демоном и вашими внутренними ресурсами ведется постоянная борьба. Борьба на всех уровнях — на сознательном и подсознательном. У каждого воина своя цель. Так и у демона на вас есть свои виды.

1. Уничтожение — если в какой-то момент вы не сможете принять последствия вашей страсти и сведете счеты с жизнью.

2. Подавление — если вы достигнете последней стадии разложения личности и утраты морально-волевых качеств. Все краски мира потускнеют, у вас будет только одна цель — при первой же возможности с безумными и пустыми глазами поплестись к ближайшему игровому залу.

3. Пленение — это самая изощренная победа демона. Она страшна тем, что многие игроки даже не будут чувствовать

себя побежденными. Вначале демон одерживает полную победу, потом, словно опытный кукловод, подвешивает жертву за ниточки и удаляется на некоторое время. Человек чувствует, что его больше не тянет играть, и с облегчением вздыхает, думает, что все, что с ним произошло, — лишь жуткий сон. Он устраивается на работу, двигается по карьерной лестнице, начинает личную жизнь. И в этот момент появляется демон и начинает дергать за ниточки. За считанные дни человек теряет все и с головой опускается на самое дно. Сути происходящего тонущий не осознает, он сокрушается: «Как же я так не сдержался, это надо же было пойти играть, я же победил в себе эту страсть».

На самом деле демон не был побежден, он просто ждал, пока вы немного поднимитесь, чтобы со всего размаху сломить вас одним легким движением. Он будет делать так много раз на протяжении всей жизни игрока. Если вдруг вы почувствовали облегчение — не радуйтесь, демон скоро придет, когда у вас будет что брать.

Демона нужно понять, поработать и победить, только тогда вы можете жить полноценной жизнью.

Теперь вы знаете, к чему он стремится. Как бы вам ни было плохо, как бы мрачно все ни казалось — не дайте ему прийти в эти три конечные точки. Поплачьте, разбейте посуду, напейтесь в хлам, просто переждите этот кошмарный день. Завтра ваш организм восстановится, и вам будет легче.

Демона нужно понять и победить, только тогда вы можете жить полноценной жизнью».

Как-то раз, стоя за спиной сына, который, как обычно, увлеченно играл (мы были в другом игровом зале), я неожиданно увидела группу ребят, которые шумно окружили соседние автоматы. Они играли нервно, громко переговариваясь, кричали друг на друга. От них исходила агрессия. Один из них, по-видимому, вожак, коротконогий плотный парень, небритый и нетрезвый, быстро проиграл свои деньги. Он оглянулся по сторонам, взгляд его упал на Алешу, тот сидел, увлеченный игрой, ничего не замечая. Перед ним была горка фишек. Это был самый старый в городе игровой зал, и там были фишки, которые менялись на деньги. Неожиданно парень резко встал и, протянув руку, схватил одну Алешину фишку, при этом грубовато хлопнул его по плечу и сказал:

— Я взял. Как-нибудь рассчитаемся...

Он сел и как ни в чем не бывало продолжил игру. Ясно было, что фишку он не вернет, да бог с ней, с фишкой. Я видела, как побледнел мой сын, как потемнели его глаза. Алеша не любил, когда его унижали, да и кто это любит? Слухи в игровых залах распространяются быстро, как в деревне. Закон игроков суров: можно давать еду, одежду, сигареты, но не деньги. Дать деньги — стать опущенным. А фишка — это деньги.

Опущенный игрок никогда не выйдет на свободу, безжалостный случай окончательно разрушит и до того несчастную судьбу. С животным любопытством, не испытывая ни капли сострадания, все будут следить за его жалким существованием — и никто не посмеет протянуть руку помощи. Добыть деньги для своего хо-

зяина, пока не ослепнешь и не оглохнешь на скорбных дорогах, скользких от грязи, — я видела этих людей, они продавались из рук в руки, как рабы. Тайный невольничий рынок привлекал множество покупателей — и попадались, как правило, совсем новички, неопытный молодняк. С этого корабля нельзя было сойти на землю, только прыгнуть в воду — нередко были случаи самоубийства...

Я видела, как сжались кулаки моего сына, как побелели костяшки пальцев, а вся фигура подобралась, как перед прыжком. Объятая великим страхом, я в растерянности оглядывалась по сторонам — что делать? «Господи, господи», — шевелились мои губы. И вдруг (это было как чудо) я увидела на полу, между автоматами, фишку. Она, по-видимому, упала, катилась и застряла ребром в самой тени. Алеша быстро перехватил мой взгляд (мы были одним заряженным полем), встал и, нагнувшись, проворно достал ее двумя пальцами. Потом обернулся к обидчику: все действие происходило на небольшом отрезке пространства — за нами со всех сторон внимательно наблюдали.

— Вот, смотри, — доброжелательно сказала сын, — это твоя фишка, она упала у тебя, так что мы в расчете. Я ее беру. — И он плотно сжал ее пальцами.

Возразить на это было нечего. Инцидент был исчерпан — я еле перевела дух. По залу пронесся неуловимый вздох, игра продолжилась...

Не проходило и дня, чтобы не случилось какой-либо истории. Да было бы весьма странно, если бы они не случались — в этом накаленном до-

бела пространстве. Сами мысли игроков сильно отличались от мыслей обычного человека, они были многократно усилены чувствами, на такой почве стремительно материализовались невероятные происшествия, напоминающие страницы из детективных романов...

В самом дальнем углу зала, где произошла история с фишкой, ежедневно играл пожилой человек. Он приходил ровно в семь часов вечера, приветствовал всех присутствующих (голос у него был тихий и подкупающе спокойный), неторопливо снимал свое старенькое серое пальтишко и, слегка прихрамывая на левую ногу, шел на свое место. Он был невысок ростом, сед и худощав, играл на удивление мирно и тихо. Ни возгласа, ни вздоха не доносилось с его места, и я дивилась на него, как дивятся все люди на любое исключение из правил.

Играл Борис (так его все звали) неудачно: выигрывал редко и мало, а проигрывал регулярно, но, слава богу, незначительные суммы. Этот человек вызывал у меня тайную симпатию, он не пытался подольститься или приладиться, чтобы войти к кому-либо в доверие. Независимо от того, выиграл он или проиграл, Борис всегда давал чаевые. И получалось так, что больше всего доставалось старенькому крупье Якову.

— Эх, Яков, и сегодня опять не мой день, — говорил в таких случаях Борис такому же, как он, худощавому старичку, одетому в белую рубашку и вишневою жилетку, и давал тому полтинник, а то и сто рублей.

Якова, несмотря на преклонный возраст, держали в заведении за ловкость и хитрость. Он на каждого посетителя умел

настроиться, взять нужный тон и всегда вовремя поспевал, когда надо было уладить конфликт.

— Ну, Яков, сегодня особенный день, я выиграл — подели же со мной эту радость.

В этом случае Якову доставалось больше, но я не видела, сколько, — смятые купюры быстро исчезали в кармане хитрого старичка. Часто они оба — такие непохожие, простые и нелепые — вызывали у меня щемящую жалость. Яков на кривых и тонких ножках носился по залу, звякая ключом, возился с автоматом, заглядывая через плечо, подсматривал игру, угодливо кланялся, торопливо и жадно пил в уголке чай. Руки его нередко дрожали, он съеживался и утомленно прикрывал глаза, но быстро приходил в себя и снова куда-то спешил, взмахивая седыми волосами. Поговаривали, что больше всего он боялся уволь-

нения: он жил вдвоем с пьющим внуком. У Бориса все движения выражались лишь в шевелении густыми и серыми бровями, похожими на удлинненные шарики цветущей вербы. Он никуда не торопился, никуда не спешил. Не верилось, что его кто-то ждал, любил.

Тем удивительней и необычайней казалась эта история, случившаяся поздним вечером в воскресенье.

В этот день Борису необычайно везло. Во-первых, он впервые нарушил свой график и пришел в девять часов вечера. На нем сидел новенький костюм, который, впрочем, смущал его в движениях, пиджак теснил плечи и талию. Мне показалось, что Борис был навеселе: щеки его розовели, и впервые он как-то размашисто сел, почти упал в кресло. Игра понеслась вскачь, будто ее хлестнули при старте, да и потом время от времени подстегивали. Бориса

околожили игроки, привлеченные, скорее, не шумом (играл он как обычно тихо), а неправдоподобной ситуацией — ставка росла на глазах. Встали даже те игроки, которых оторвать от своих кнопок было невозможно ни при каких обстоятельствах. Борис выиграл сто двенадцать тысяч рублей и в изнеможении закрыл глаза. На мгновение все оцепенели от удивления.

— Все. Больше нельзя, — после долгого молчания произнес Борис и махнул рукой, чтобы ему принесли выигрыш.

Я вдруг увидела глаза Якова: они были напряжены и выражали беспокойство. Странно, подумала я, ведь наверняка Борис хорошо отблагодарит его. Не успела я додумать, как Яков повернулся ко мне боком и куда-то настороженно вглядывался: в стороне тихо шушукалась кучка ребят. В каждом зале были такие шестерки, их оживленные

переговоры не предвещали ничего хорошего. Посовещавшись, они всей гурьбой двинулись к выходу, Яков поспешил за ними. Я физически, внизу живота ощутила страх, смертельную опасность, с бьющимся сердцем я следила, как Борис небрежно ссыпал деньги в старенький пакет, у которого не было застежки. Старик положил сверху еще пакет, прикрыл все носовым платком и засобирался домой. Неожиданно рядом с ним возникла фигура Якова, он был явно встревожен, и то и дело пугливо озирался по сторонам.

— Послушай, Борис, — торпливо зашептал Яков, — ты меня никогда не обижал, давал по совести, я тебя выручу. Тебя у входа пасут. Если не подсуетишься сейчас, то завтра тебя найдут с дыркой в голове. Слушай внимательно: в машины, что возле казино, не садись, такси с нашего телефона не вызывай. О том, чтобы идти пешком, хоть ты и рядом живешь, не может быть и речи. Если есть знакомые парни, позвони с нашего телефона и вызови, но незаметно.

— Да я совсем один, — растерялся тот. — Никого у меня нет. Что же делать? Может, отказаться от денег, что скажешь?

— Нет, что ты. Вызывай милицию. Обещай денег, они доvezут. Другого выхода у тебя нет. Иди к телефону и тихо объясняй ситуацию, на меня не гляди.

Борис дал ему денег и пошел звонить. Не прошло и пяти минут, как в зал ворвались милиционеры. Они встали по бокам и повели его к машине. Многие, в их числе была и я, вышли за ними следом. Бориса посадили в милицейскую машину, и когда она тронулась, даже включилась мигалка. Я впервые в этот вечер забыла о сыне и ни разу на него

не оглянулась — так взволновала меня эта история.

Вскоре Борис появился в зале, будто ничего и не было. Жизнь его вернулась к прежней тихой размеренности, ничто больше не тревожило течения этого маленького ручейка — ни всплески, ни сильный ветер. На что он потратил свои деньги? Принесли ли они радость его одинокому сердцу? Трогала сердце незаметная привязанность двух стариков, после этого случая Борис будто стыдился ее и нарочито грубо говорил с Яковым.

Жизнь словно играла со мной в кошки-мышки. Только я чуть окрепла, собрала себя по ниточкам и соткала в плотный кусок ткани — как она одним ловким ударом с треском легко разодрала его на две половины, будто задалась целью опустить меня как можно ниже, обратить в прах...

В этот сложный период времени я допустила ошибку, всего один небольшой просчет — опрометчиво бросилась выполнять предписания книги, не изучив ее как следует. Заглядевшись на отдельные мраморные колонны, увитые позолоченными листьями, я не удосужилась охватить взглядом всего здания.

«Если вы или кто-то из ваших близких выиграл большую сумму — не пытайтесь ее отложить, дать в долг, положить на книжку. Это деньги самого дьявола, который дал вам в долг под большие проценты, и лучшее, что вы можете сделать, — это немедленно потратить, раздать, развеять по ветру всю сумму без остатка и молиться о лучшем...»

Как маленькая девочка, я сама закружилась в этом сказочном хороводе сладких монет, я подбрасывала их

вверх и смотрела, как они лютым каскадом льются с облаков. Я забыла, кто их дал! Эта вечная загадка жизни: почему самое важное мы быстрее всего забываем?

Как подслеповатый солдат, которого отправили на войну, издали я еще отличала своих от чужих, схлестнувшись же в близком поединке, ослепленная блеском сабель, запуталась и потерялась.

Беспечно прикидывая и взвешивая, на что потратить деньги, я превратилась в журчащий ручей, насквозь просвеченный земными заботами. Но все сходилось в одном — Алешка мечтал о машине. Надо было подкупить денег, еще немного, не хватало чуть-чуть! И что в этом плохого? Муж тоже копил деньги, чтобы сменить нашу старенькую «Ниву» на иномарку, поэтому я его почти не вижу, из дома исчезли его запах и дыхание, все растворилось в дальних дорогах.

Но всему приходит конец, кто поддается огню, тот, конечно, сорвется. Со страхом я смотрела, как исчезают деньги, будто ветер разносит насыпанные пилой опилки! Время сплошных проигрышей наступило внезапно, с отчаяния я засунула руку в недозволенное место — копилку мужа, о ней не знал даже Алешка. Я хотела вернуть праздник, я не верила, что послушные кони унеслись, как пущенные стрелы, а на сцену опустился занавес из суровой холстины. Я брала понемножку, незаметно, ведь я потом все положу обратно...

Моей оплошностью была обычная самонадеянность, в ответственный период жизни я не взвесила свои силы, не подсчитала свои ресурсы. В этой битве нельзя было спешить, даже

легкие мелочи нельзя пускать на самотек.

Захлебнувшись в радости своих побед, прельстившись их обманчивым блеском и жаром — этим проклятым огнем самой преисподней, — я не заметила, как по капле вытекали мои жизненные силы — так выходят из огня маленькие искры. Благодарность со стороны детей, их ответная любовь уравнивает любые затраты на них, энергетические или материальные. Не получая за свои колоссальные усилия ничего взамен — хотя бы крохи душевного тепла, боясь потерять с таким трудом налаженные отношения, я пред-

принимала отчаянные попытки скрыть свои эмоции, а они душили меня, как дюжина чертей. Меня вдруг захлестнули старые обиды, сдерживая их, я начала испытывать к сыну агрессию. И сама боялась себе в этом признаться. Как было бы хорошо не обижаться! Но я ничего не могла поделать. Ненависть наряду со страхом — крепкое оружие. Мы все, матери, вольно или невольно, убиваем своих детей, ведь ни с кем мы не связаны так крепко, никого не опутываем так надежно.

Как же мне хотелось видеть сына прежним: ласковым ребенком, наполняющим дом звонким смехом! От одного

вида его ярко-розовых пухлых щек я испытывала такое удовольствие, ведь он всегда улыбался! Ничего, ничего прежнего не было...

С таким же успехом можно было ожидать благодарности от раненого, пребывающего в бессознательном состоянии. Я никак не могла осознать: внешне здоровый, рослый Алеша, мой голубоглазый сын с волнистыми русыми волосами, был тяжело болен. Только воин способен принять длительную борьбу и осознать, что все самое безнадежное и жестокое надо принимать стойко...

Продолжение следует.

г. Липецк

Валерий ИЛЬЧЕВ

Продолжение. Начало в № 3–11 за 2014 г.

СТРАСТИ ПО ИЗУМРУДНОЙ БРОШИ

ГЛАВА 4. УДАЧНЫЙ ХОД

В квартире Гориной сыщики никого не застали. Разбросанные по полу вещи свидетельствовали о поспешном бегстве хозяйки. Оперативные работники приступили к поиску улик и подсказок, где может находиться беглянка. Результатом обыска Носов остался доволен. «Обнаружены фотокарточки для паспорта. Девушка явно намеревается изготовить новый документ. Фамилию Горина легко исправить на Герина. И она уже не будет значиться в наших базах данных об объявлении розыска. Но, главное, мы нашли на книжной полке запасную симку мобильного телефона. Скорее всего, Людмила, идя на преступление, ее заменяла, опасаясь засветиться в криминальных делах. Надо по биллингу выяснить, кому она звонила в обычные дни».

Вернувшись в отдел, Носов установил всех абонентов телефона Гориной. Симка была приобретена за трое суток до операции с взрывчаткой, и в списке значилось всего семь фамилий. Третий был указан телефон майора Долотова. Носов срочно заказал распечатку разговора подчиненного сотрудника с разыскиваемой Гориной. На первый взгляд, беседа не содержала ничего важного. «Слушай, Анатолий, это я. Надо срочно встретиться. Там, где и раньше. Подъезжай прямо сейчас и захвати крупный нал. У меня на руках ценная вещь, в которой ты заинтересован. Я уже на месте. Жду».

Носов был обескуражен: «Разрабатываемые — люди опытные и лишнего в своих телефонных разговорах не допускают. Долотов может объяснить звонок их прежней совместной работой. Но примечательно, что Горина ему позвонила на следующий день после налета на коттедж. И, возможно, речь идет о передаче Долотову похищенной броши. Стоп! Людмила приглашает майора в место, где они уже ранее встречались. Не исключено, что именно там она сейчас и скрывается».

Узнав, что звонок поступил из съемной квартиры в Давыдково, Носов с Котиным выехали по установленному адресу. Но сыщики опоздали: на кухне лежал труп лихой мотоциклистки Гориной. Вызванный на место судебно-медицинский эксперт сделал предварительное заключение:

— Судя по рвотным массам, признаки отравления. На столе только одна рюмка и початая бутылка коньяка. Бьюсь об заклад, что криминалист не обнаружит на них отпечатков пальцев. Тот, кто подсыпал ей в спиртное яд, наверняка стер свои следы. Смерть наступила не более трех часов назад. Дальше уже ваша работа, господа сыщики.

Носов задумчиво потер подбородок: «Если здесь действовал Долотов, то искать его следы бесполезно. Вновь оборвалась ниточка, ведущая к изумрудной броши. И в данный момент у нас нет

доказательств участия майора в преступлениях. Установить за ним негласное наблюдение мне никто не позволит. Так что же делать?»

Внезапно Носова озарила догадка, и он, поспешно покинув место происшествия, поехал в район площади Маяковского. Остановив машину возле старого четырехэтажного здания, вошел в подъезд. «Немного осталось в Москве домов, где живут коренные жители. Лишь бы застать Солдатова дома. Этот старый разведчик может мне помочь».

Дверь Носову открыл седоватый крепыш в спортивных шароварах и футболке с надписью «Динамо». Хозяин встретил гостя радушно:

— Рад видеть тебя, полковник. Я уже думал, ты только на мои похороны заглянешь. Я понимаю, служба все время отнимает. Но позвонить бывшему коллеге хоть иногда можно? Ладно, не извиняйся, проходи в комнату. Сейчас соорудим что-нибудь подходящее случаю.

— Нет, Солдатов, некогда мне угощаться. Раз я тебя побеспокоил, то, сам понимаешь, забота у меня серьезная появилась.

— Ну, садись на диван и излагай кратко, но точно.

— В кошки-мышки играть с тобой не буду. Надо проследить за одним нашим действующим сотрудником.

— Очередной оборотень в погонах?

— В том то и дело, что к категории обычных взяточников его не отнесешь. Крупными делами майор ворочает. И главное, кровавой работой не брезгует. Есть необходимость за ним походить. Найди еще пару профессиональных «топтунов» — и вплотную проследите за сыщиком Долотовым.

— Бесплатно?

— Я об этом уже подумал. Заплачу вам за работу тридцать тысяч рублей из собственного кармана.

— Не смеши меня, Носов. Эти крохи никого не заинтересуют. Нас, специалистов по наружке, нанимают олигархи для наблюдения за конкурентами. И, заметь, не за рубли, а за баксы. Я знаю тебя лично и могу поработать бесплатно для общего дела. Но мои парни имеют семьи, которые надо кормить. Потому твои тридцать тысяч, пожертвованные на борьбу с преступностью, я отдам своим напарникам. Но всего за три дня слежки. Большого для тебя сделать не могу. Давай деньги и назначай время, когда начать.

— Срок маловат, но будем надеяться, что Долотов успеет в эти дни серьезно проколоться. Начнете завтра. Фото его передам рано утром. Возьмете его под наблюдение прямо от нашего отдела внутренних дел.

— Все, договорились. В случае появления интересной информации сразу сообщу.

Отставник проводил Носова до дверей:

— Не прощаюсь. Еще встретимся. Сам не надумал уходить? Ведь выслугу давно имеешь. А то нанимайся ко мне на вольные хлеба. Будешь работать на криминальный бизнес и кушать белый хлеб с черной икрой.

— Нет, пока еще послужим государству. Удачи тебе.

— Насколько я понимаю, нам обоим в ближайшие три дня понадобится везение.

Носов вышел из старого московского дома и сел в машину. Теперь оставалось только надеяться на грубую ошибку Долотова.

Внезапно зазвонил мобильный телефон. Выслушав сообщение дежурного о расстреле на Кутузовском проспекте водителя дорогой иномарки, Носов увеличил скорость. Его мысли уже всецело занимала предстоящая работа по розыску исполнителя и заказчика очередного убийства. Прибыв на место происшествия, Носов сразу узнал расстрелянную из автомата жертву: «Это криминальный авторитет Плющ, и его убийство дружки безнаказанным не оставят. Надо ждать большой войны!»

И Носов не ошибся. Уже на следующий день от агентуры стали поступать сигналы о конфронтации враждебных группировок. Но вызванные на беседу в отдел боевики чувствовали свою неуязвимость перед законом и вели себя нагло. Их лидер Зуб, приехавший из соседней области, прямо заявил:

— Ты, начальник, нас не пугай! Даже если «нахалку» навяжешь за подброшенные наркотики или нелегальный ствол, отсидим годика два. Нам не привыкать. А вот если братву подведем, то до конца жизни позорное пятно не отмоем. Пойми, нам отступить нельзя. Отпустишь — будем в разборке участвовать, а оставишь в камере — к нам претензий со стороны своих ребят не будет. Так даже спокойнее! И вообще, при чем тут я, начальник? Плюща завалили из-за баб, и лично я за него в пекло не полезу.

А от агентуры продолжали поступать тревожные сигналы: договориться о переделе сфер влияния не удалось. Разборка должна состояться на следующий день в полдень в парке рядом с кирпичным заводом.

Носов размышлял о последствиях: «В схватке погибнут бандиты, и их численность в нашем районе уменьшится. А уцелевших после столкновения боевиков мы отправим на нарты. Это несомненная польза. Но допустить боевое столкновение я не могу. В парке обычно многолюдно, и от шальных пуль могут погибнуть невинные люди. Придется выставить заслон и перехватить бандитов еще до начала встречи».

Время схватки приближалось, и на душе у Носова становилось все тревожнее. «Слишком уж все гладко получается. Серьезные разборки так открыто не готовятся. И если уголовники вдруг перенесут место встречи, то мы узнаем об этом в последний момент».

Носов оказался прав. Тревожный сигнал поступил с опозданием. Голос агента в телефонной трубке звучал взволнованно:

— Разборка состоится через два часа в лесочке сразу за третьим кольцом.

Вслушиваясь в короткие гудки отбоя, Носов лихорадочно прикидывал: «Нужно поспешить! Подключу СОБР и начну стягивать на место все силы отдела. Иначе схватку не предотвратить!»

Рука Носова потянулась к телефону и тут же отдернулась назад. «А стоит ли спешить?! Ведь обстановка изменилась. Там, в лесочке возле шоссе, только одни бандиты соберутся. Вот пусть друг друга и мочат. А мы подъедем чуть позже и повяжем победителей. Надо всего лишь поднять тревогу на полчаса позже. И наплевать мне на закон и нудные инструкции, если обществу польза!»

Носов смотрел на скользящую по замкнутому кругу тонкую секундную стрелку и колебался. С момента сообщения агента прошло достаточно времени. Наконец Носов нажал кнопку селектора и объявил сбор по тревоге всех сотрудников отдела. И только после этого доложил начальству об изменении места и времени бандитской схватки.

Милицейские машины приблизились к намеченному месту, где уже стояли вдоль шоссе иномарки бандитов. Носов приказал укрыться в придорожном леске и затаиться. И только когда тишину леса разорвали звуки выстрелов, полковник дал приказ на задержание. Сотрудники милиции быстро перекрыли пути отхода преступникам. В небе раздался шум вертолета. И усиленный мегафоном голос предупредил:

— Всем бросить оружие и лечь лицом на землю. Сопротивление будет подавлено огнем на поражение. Последнее предупреждение!

Спецназовцы дали автоматные очереди поверх бандитских голов. И те послушно опустились на землю. Дальнейшее происходило буднично. Сотрудники обыскивали боевиков и, защелкнув наручники, сажали их в автобус. Раненных в схватке бандитов погружали в прибывшие машины скорой помощи.

Носов закурил и присел на спиленный пенек. Он с удовольствием наблюдал, как милицейские группы прочесывают рощу в поисках скрывающихся в кустах преступников. И вдруг в тревоге привстал.

Рослый спецназовец бегом нес к машине скорой помощи раненного в ногу мальчишку лет десяти. Подросток плакал от боли и не выпускал из рук пакет с собранными в лесу сыроежками.

Пожилой врач скорой помощи торопливо пояснил:

— Шальная пуля кость раздробила. Парень может остаться инвалидом на всю жизнь. Не в тот день он по грибы собрался. Извините, но надо спешить.

Глядя вслед рванувшей с места скорой помощи, Носов сокрушенно подумал: «Не всегда цель оправдывает средства. Но кто мог предположить появление мальчишки в лесу рядом с местом разборки?»

Носов вернулся в кабинет, продолжая винить себя в случайном ранении ребенка. От тяжелых раздумий его отвлек звонок Солдатова.

— Есть новости. Надо увидаться. Но ко мне больше не приходи. Встретимся в кафе на Киевской площади, где когда-то отмечали день чекиста. Смотри, не приведи за собой хвоста. Не исключено ведение за тобой наблюдения. А я не хочу засветиться в качестве твоей связи в столь серьезном деле. Все, до встречи!

Посетителей в кафе было мало. Заняв крайний столик, сыщик и бывший «топтун» могли говорить откровенно. Солдатов сразу перешел к делу:

— Ты был прав. Долотов вместе с другими ментами незаконно изымает товар у бизнесменов. Они получают от таможенников сведения о пересечении границы фурами с ценным грузом. На подступах к Москве тормозят груз и объявляют о его изъятии для проверки. Обвинения стандартные: уклонение от налогов либо неправильное оформление сопроводительных документов. Действуют Долотов и его поделники в милицейской форме. Все выглядит натурально. Затем товар отгоняют на арендуемые склады, а через некоторое время сбывают через подконтрольных им бизнесменов.

— Ини разу от потерпевших не поступало жалоб?

— В этом весь фокус и состоит. Они грабят фирмы, у которых рыльце в пушку из-за незаконных сделок. И бизнесмены даже рады, что о них впоследствии «забыли», и не пытаются выяснить судьбу изъятых у них товаров.

— В общем, обе стороны хороши: бизнесмены уклоняются от уплаты налогов, а бесчестные менты их беззастенчиво обирают.

— Все так. Мои ребята зафиксировали лишь один эпизод с фурой, набитой мобильными телефонами. В документах сопровождения есть неточности. Вот тебе видеозапись, как Долотов и его сообщники изымают груз многомиллионной стоимости. Они отогнали фуру на склад одного научного института.

Возьми его адресок. Уже приходил покупатель-фирмач в очках в дорогой оправе. В цене вроде бы сошлись. Не сегодня, так завтра груз уйдет. Мы на всякий случай маячки на фуру поставили, если захочешь проследить ее маршрут до потребителей. Но только я бы на твоём месте не спешил в это дело влезать.

— Это почему?

— Есть у меня еще одна видеозапись, специально для тебя сделанная. Накануне состоялась встреча Долотова с одним интересным человеком. Называть имя этого генерала поостерегусь. Тебе до этого человека не дотянуться, даже если на подъемном кране поднимешься. На днях этому высокому чину юбилей подкатил. Даже по телевизору сюжет о праздничной дате проскользнул.

— Я знаю, о ком идет речь. Но какая связь с Долотовым?

— Прямая и самая тесная. Вчера днем генерал соизволил явиться в известный в районе Житной площади ресторан. Обычно при его появлении вывешивается табличка о специальном обслуживании. Но мой человек сумел пристроиться к рабочим, разгружавшим с заднего двора машину с мясом, и заглянул на мгновение в зал. Он сумел зафиксировать встречу генерала с Долотовым. Вот, взгляни на картинку в ноутбуке. Здесь четко видно, как Долгов вручает юбиляру подарок в красной сафьяновой коробочке. Видимо, какое-то драгоценное украшение. Точнее не знаю. Мой сотрудник говорит, что лицо генерала было весьма довольным. Так что сам решай, следует тебе бодаться с Долотовым или благоразумнее будет тормознуть. Как и договаривались, завтра в полдень мы снимаем наблюдение. Так что поторопись с реализацией или выброси видеозаписи в мусор. Ну все, я пошел. До связи!

По дороге из кафе Носов заметил за собой наблюдение: «Я вновь превратился из охотника в дичь. Похоже, проникший в ресторанный зал сыщик Солдатов все же наследил, и за ним проследили. Теперь мне придется действовать с особой осторожностью. А может быть, в самом деле, плюнуть на это дело и забыть?»

Тревожные сомнения не покидали Носова до конца дня. На следующее утро полковника разбудил ранний звонок Солдатова:

— Слушай, Носов, произошло непредвиденное происшествие по пословице «вор у вора дубинку украл». У Долотова и компании угнали похищенный ими груз. Выходцы из Средней Азии под угрозой

оружия вывезли со двора института фуру. Мои ребята доложили: сейчас ценный товар находится во дворе строительного общежития.

— Может быть, задержать «басмачей» и получить от них показания, где они похитили груз?

— А что толку? Группу Долотова при таком раскладе к делу не пришьешь. Да и лихие азиаты заявят, что нашли фуру на обочине дороги. Ты подожди, когда Долотов узнает, кто угнал у него груз. Это довольно легко: на видео со здания института четко видно тесное общение налетчиков с их земляком, местным дворником, наведшим азиатов на ценный груз. Долотов с дружками развяжет дворнику язык. А когда примчится отбивать свою добычу, у тебя появится шанс взять их с поличным.

— Ну что же, надо подумать.

Расставшись с Солдатовым, Носов продолжал оценивать ситуацию: «В случае задержания Долотова при встрече с гастарбайтерами он заявит, что проводил плановую операцию по задержанию бандитов. И вновь не будет доказательств его вины. Значит, группу майора надо брать после реализации мобильных телефонов через торговую сеть. Ему будет трудно объяснить этот факт и оправдаться!»

Носов вызвал к себе Котина:

— Помнишь, ты хвастался любительскими видеосъемками в Турции на отдыхе? Так вот, мне понадобилось твое мастерство. Сейчас поедem во двор строительного общежития и негласно зафиксируем встречу Долотова и его приятелей с похитившими груз азиатами. Трогать их пока не будем.

На месте сыщики затаились в засаде. Долотов и его подручные, приехав на место, не встретили сопротивления своих обидчиков. Те безропотно уступили свою добычу сотрудникам в милицeйской форме, оправдываясь незнанием, кому она принадлежит. Долотов ограничился парой оплеух незадачливым конкурентам. Забрав фуру, вороватые менты развезли мобильные телефоны в несколько салонов мобильной связи, каждый раз получая за товар крупные суммы денег.

Носов понимал, что задержать сейчас своих коллег вдвоем с Котиным они не смогут. Для их ареста понадобится санкция высокого начальства и поддержка спецназа. Придется обращаться в главк.

Забрав отснятые Котиным материалы, полковник поехал домой. Ему предстояло приступить к окончательному разоблачению «оборотней в погонах».

Окончание следует.

Илья КРИШТУЛ

О себе. Родился в Москве, где и живу. Учился в МГПИ, работал в кино, преподавал в средней школе. Сейчас домохозяйин. Сочиняю юмористические рассказы, изредка публикуюсь.

ЕСЛИ ХОЧЕШЬ БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ...

НАСТАВЛЕНИЕ

Как известно, женщины и только женщины могут сделать мужчин счастливыми. И они же могут так разукрасить мужскую жизнь, что главным жизненным достижением мужчины станет падение на рельсы перед скорым поездом Москва — Воронеж. Следовательно, чтобы прожить долгую и счастливую жизнь, нужно одно — умение вести себя с женщинами. Если точнее, надо уметь их к себе расположить. Еще точнее — надо каждый день заставлять себя их любить. Даже жену свою попробуйте полюбить, если она, конечно, женщина. Даже если вы живете с ней как кошка с собакой. И даже если в вашей жизни время от времени другие кошки появляются, помоложе и посимпатичнее. И, наконец, даже если вы знаете, о чем жена думает, глядя на вас. Она задумалась, а вы ей так мягко: «Нет, Ирочка, нет. Только лет через пятьдесят, и только после тебя, любимая». Она сразу об этом думать перестанет и уйдет в другую комнату жаловаться кому-нибудь по телефону. Не на вас, она про вас уже забыла. На какую-то Лильку, стерву такую.

Аккуратнее надо с ними. При обучении главное — не обидеть. Теорию относительности вообще объяснять не надо, даже если они попросят. Тем более не надо объяснять своими словами. И уж совсем не следует словами из их лексикона. Фраза «чтобы,

связать не модное все, все кривое вообще такое, не гламурное, короче, некрасивое, как твоя Лилька, пространство-время с материей, которая там как бы тоже есть, но это не парео, поняла, дорогая?» может вызвать совершенно неадекватную реакцию. От слез «ты что, думаешь, я дура, да?» до гневного «ты что, думаешь, я дура, да?!!». А до гнева их доводить нельзя, в гневе женщины страшны. Многие, кстати, страшны и без гнева, но это так, к слову. Просто запомните — их лучше не обучать. Если очень хочется кого-то учить, заведите себе черепашку. Или хомячка. Детей, в конце концов.

Сопереживать женщинам надо. Показывать, что вы понимаете, как сложна их жизнь. Что вы вникаете во все их проблемы и готовы вместе их решать. Например, вечером, когда жена смотрит священный и непереключаемый сериал, зайдите в комнату и тоже посмотрите. Недолго, секунды три. Потом скажите: «Вот сволочь. Она же знала, что эта беременна от Бориса, и рассказала этому. А тот теперь ее выгонит, а куда ей идти? Обратное, к этому?» Вас мягко поправят, что Настя беременна не от Бориса, а от Леонида, и после сериала накормят вкусным, по ее мнению, ужином.

Терпимее надо с ними. Знайте одно: ваша жена всегда права. Неправ гаишник, потому что «никакого знака вообще здесь никогда не висело». Не-

правы продавец, официант, Лилька, ваша мама, сериальный Леонид, Путин и «этот Обама Барак-Марах или как его там, и, кстати, где он снимался, а то про него все говорят даже в парикмахерской, а я как идиотка». И не вздумайте даже улыбнуться, если она перепутает «Восемь с половиной» Феллини и «ноль семь» мартини. Просто купите ей пива и фильм «Любовь-морковь — 2». Она не почувствует подвоха.

Ласковее надо с ними. Ну не читала ваша жена «Фауста». Можно подумать, вы его наизусть знаете. Не надо этим ее попрекать постоянно. Почитайте вместе после обеда ее любимых Донцову и Маринину, можно вслух и вперемешку. Ласково объясните смысл слова «писатель» и сразу, пока она не обиделась, восхититесь ее плоским животом. После комплимента можно переходить на более серьезное чтение — на глянцевого журнал, например. От которого останется один шаг до «Незнайки на Луне», а это уже почти победа. И — театры, театры, театры... Театр зверей имени Дурова, Театр кукол имени Образцова, Театр кошек имени Куклачева — выбор богатейший. Главное — дома, перед сном, обсуждайте увиденное, интересуйтесь мнением жены о пьесе, о режиссерском решении, об игре актеров. Не надо говорить, что это были кошечки, собачки и куколки. Пусть она думает, что видела живого Хабенского.

И подарки. Если с деньгами не очень, дарите цветы. Если с деньгами все хорошо, дарите деньги. Это каждый день, а изредка — машины, шубы и туры за границу. И еще — доверие. Если у жены после отдыха в Турции появился телефонный брат с турецким акцентом, это действительно брат. А двоюродный брат вообще из Египта, это их семейная тайна.

Жизнь и не такое выкидывает, посмотрите еще раз ее сериал. А одноклассницы... Ну, может, она в мужской школе училась.

И последнее — самопожертвование. Это смысл любви, основа вашего спокойствия и долголетия. «Милый, у тебя нет ни одного костюма, давай купим тебе вот этот? Всего сто пятьдесят рублей, почти неносеный...» «Не надо, дорогая. На работу я все равно хожу в своей армейской форме. Ей уже двадцать лет, а она как новая. И давай уйдем из этого секунд-хенда. Пойдем по бутикам, может, найдем тебе сапоги к оранжевой сумочке». После благодарного взгляда, которым вас обязательно одарят, прибавьте к своей жизни еще год. Ну или полгода. Женатые мужчины, кстати, вообще живут дольше, чем холостые. И хуже...

Видите, как мало требуется, чтобы вам не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы. Хотя больно-то, конечно, будет все равно, но не так мучительно. А когда станет мучительно, будет уже не больно. А если вы боитесь боли и хотите гарантированно прожить легкую и немучительную жизнь, то... Но это идет вразрез с курсом правительства на улучшение демографической ситуации в стране. Так что жениться придется. Причем официально: государство должно знать, что вы спите вместе. Главное — несите свой крест достойно. Это нам за грехи наши. Зато потом, в аду, вас уже ничего не удивит, если, конечно, там не появится ваша жена и не придумает что-нибудь новенькое. А пока просто будьте смиренны и терпеливы. Вы обязательно станете счастливым! Может, уже завтра удача улыбнется вам и ваша жена уйдет к другому! Такое редко, но случается. Правда, только в их дурацких сериалах...

АНТИКРИЗИСНОЕ ЭССЕ

Наступили тяжелые времена. Народ лишается работы. Причем на улице оказываются не дворники — они и так сутками на улице, не депутаты и не водители депутатов. Увольнения коснулись прежде всего самого многочисленного отряда наемных работников — менеджеров среднего звена. Эти образованные, умные, красивые и гордые люди находятся сейчас в ужасном положении. Из краеугольного камня мирового бизнеса они превратились в пыль. Их жизнь потеряла смысл. Их не ждут ровно в десять в офисе. Им не надо до шести вечера сидеть за компьютером с пятью перерывами на

чай-кофе, обсуждая ужасные пробки. Не надо по пятницам пить виски, а по субботам пиво. У них долго теперь не будет веселых и хмельных корпоративов перед праздниками. Остался в прошлом отдых в Турции. Исчез халявный Интернет вместе с «Одноклассниками.ру». Закончились офисные дни рождения с тортами, цветами и шампанским. Нет больше ежедневного обзвона клиентов, на чем, кстати, и держалась вся российская экономика. По ночам на бывших менеджеров среднего звена накатывает ностальгия по деловым, но сытным встречам за счет фирмы в недорогих итальянских рестораниках. Их домашний

холодильник пуст, а автомобиль стоит без бензина. Жена, видя вместо денег мужа, сходит с ума и скандалит. Организм ровно в четырнадцать ноль-ноль по будням требует обеда и не получает. Ребенок хнычет без подарков и детских праздников. Статус упал на землю и разбился. Теща гадает не на кофейной гуще, а на жиже цикория. Соседи-маргиналы не просят в долг. Вместо «Парламента» приходится покупать «Яву золотую», а вместо бочкового «Гиннеса» пить пластмассовое «Очаковское». «Как жить дальше и стоит ли вообще жить?» — спрашивают себя бывшие менеджеры среднего звена. И сами себе отвечают: «Нет! Дальнейшая жизнь будет неэффективна. Да и есть ли она, жизнь вне офиса? Как она проходит у остальных людей, у всех этих неменеджеров? Жизнь без охраны на первом этаже... Жизнь без костюма и галстука... Без кожаного портфеля и без секретарши начальника Людочки, без корпоративных сувениров и оплаченного мобильного, без офисного романа и быстрого секса в пустом кабинете директора... Сколько стоит поездка в метро, наконец?!»

«Одна поездка на метро стоит сорок рублей, но есть тарифы и подешевле — отвечают работники биржи труда. — А жизнь вне офиса существует! Выдавальщицы медицинских карт в районных поликлиниках и гардеробщицы там же, продавцы магазинов шаговой доступности и комплектовщицы наборов детских игрушек, дежурные по эскалатору и кассиры пригородных касс — все они живут увлекательной и насыщенной жизнью!» И, кстати, не только они! «Кризис не страшен. Его надо просто преодолеть», — сказал автору этих строк отдиральщик незаконно наклеенных объявлений. «И преодолеть прежде всего в себе», — добавила его жена, расклейщица этих объявлений. Им, молодым, уверенным в себе и в своем будущем людям, не грозят никакие экономические потрясения, а слово «дефолт» заставляет краснеть, хихикать и уединяться. Им некогда читать экономические сводки, они работают, делают карьеру, а по вечерам пьют за гаражами пиво, с улыбкой глядя на слабеющий рубль.

Вот с них надо брать пример, ныне безработный, а в недавнем прошлом менеджер среднего звена! А не с Абрамовича, который ежедневно теряет по миллиону долларов! Рабочий по обслуживанию линейных сооружений не теряет ничего, только если по пьянке забудет, где находятся эти его линейные сооружения и как они выглядят. И запомни — бывших менеджеров не бывает! Бывшими бывают только жены, мужья и президенты. К тому же недавно, по настоянию психологов и с целью уменьшения случаев суицида из-за социального неравенства, в названиях всех профессий, зарегистрированных в Российской Федерации, появилось это волшебное

слово! Так что гони прочь депрессивные мысли! Никаких намыленных веревок, уходов в монастырь и в алкогольное забытие! Подними голову, открой глаза — новый, совершенно незнакомый мир лежит у твоих ног! И этому миру нужны твои мозги и твои руки! Ты работал менеджером по продажам в крупной торговой сети? Такая же должность менеджера, но по розничной продаже проездных документов для проезда на наземном транспорте, ждет тебя! Или ты был заместителем начальника отдела продаж автомобильного салона? Тебе тоже будет интересна эта профессия! Потерю в зарплате компенсирует уютный, отдельно стоящий и хорошо отапливаемый офис на одного человека, расположенный у троллейбусной остановки. А если ты работал начальником отдела ипотечного кредитования в банке, то ты быстро освоишь все премудрости этой работы и уже через полгода сможешь стать старшим менеджером-экспедитором по оптовым продажам льготных проездных документов! Мобильный, кстати, тоже оплачивается. Сложнее придется бывшим заместителям руководителей проектов развития систем процессинговых центров. В трамвайном депо № 5, например, долго смеялись, узнав о такой должности, но, отсмеявшись, предложили вакансию менеджера-кондуктора с перспективой через год стать менеджером всего вагона. Раньше это называлось «вагоновожатый». Истеблишмент, кстати, всего трамвайного бизнеса.

А через год-полтора кризис закончится, и все вернется на круги своя. Опустевшие офисы вновь наполнятся звонкими голосами менеджеров среднего звена, которые привычно начнут обзванивать клиентов. А их клиенты начнут обзванивать своих, те свои — других своих, а другие свои обзвонят первых. Круг замкнется, экономика России поднимется с колен и семимильными шагами двинется вперед, к новым свершениям. И, кстати, к новому кризису. Больше десяти лет только на обзвоне клиентов никакая, даже супергазонефтеалюминийеникелевая экономика не выдерживает. Так что не стоит зарекаться от суммы, уже достигнув вершин бизнеса и работая старшим менеджером по оптовым закупкам детского питания в сети супермаркетов. «И это пройдет», как сказал один из первых в мире топ-менеджеров. Поэтому остановись как-нибудь, проезжая мимо будки по продаже троллейбусных билетиков. Выйди из своей иномарки и поклонись в пояс этой будочке. Помаше рукой менеджеру трамвая. И дай пятьдесят рублей стоящему рядом менеджеру по сбору средств на восстановление храма. Пусть похмелится. И воздастся потом тебе сторицей...

Добрый день, уважаемая редакция!

Меня зовут Дмитрий Поплавский. До сих пор был известным русским читателем. Когда читать стало нечего, начал писать сам (чтобы потом это читать). В общем, вот так себя и развлекаю. Творческий процесс воспринимаю не только как попытку сторговаться с неверной музой, но и как борьбу с близкими родственниками, которые считают меня бездельником.

Плоды этой борьбы — вернее, малую ее часть — высылаю на ваш суд, уважаемая редакция. Почему именно ваш? Наверное, потому, что «Юностью» я знаком еще с маминой юности. Так что проверенным доверяю. Доверенных не проверяю :) Спасибо за внимание и, надеюсь, понимание. Если вам что-то понравится — не откажусь от реплик. Если нет — не откажусь от реплик. Если очень — мое выщипанное перо к вашим услугам. Вот так: немного высокопарно и с неизменным уважением...

Дней десять назад выслал вам несколько своих рассказов под общим названием «Из чрева головы». Сейчас вот подумал: а к чему, собственно, мелочиться? Поэтому досылаю еще... Бумажная почта не работает — умер почтальон.

Дмитрий Поплавский, Новосибирск

Галка ГАЛКИНА:

Дмитрий, вечная память почтальону и бумажной почте! Надо думать, что почтальон умер своей смертью, а вовсе не потому, что Вы сначала посылали, а потом дослали, и вот он надорвался, сердечный. Потому как чрево головы работает, видно, исправно не у Вас одного.

Дмитрий, Вы очень правильно делаете, что не мелочитесь, не размениваетесь. Как говаривал герой рассказа Шукшина «Печки-лавочки», «вот так вот живешь, работаешь... а радости — нет. Радость — на нуле. — Конструктор чего-то вдруг

взгрустнул. — Настоящей творческой работы мало. Так — мелочишка суффиксов и флексий...»

И мы доверенных не проверяем, а проверенным не доверяем... Или наоборот. Зарапортовались! Запутались в этих самых суффиксах... Чтобы им пусто было!

Но за выщипанное перо спасибо! Это признание дорогого стоит. Не каждый такое про себя скажет. Выщипанное — стало быть, в работе. В работе по-крупному. Без размену на флексии!

Береженого Бог бережет!

Проказник* ГЕО, человек-пауза

НУ, В ОБЩЕМ, КОРОЧЕ

- ❖ Переулком, закоулком нес читателя и булку!
- ❖ Дорогой ты мой читатель, лучшей жизни наблюдатель!
- ❖ Ты читай меня всегда — в самолетах, поездах!
- ❖ Мной тележку нагрузи, не топчись, не егози!
- ❖ Представитель жизни трудной, мой читатель злой и нудный!
- ❖ Ты, читатель, очень нужен: заплати за мой за ужин!
- ❖ Я читателей жалею, заходите в бакалею!
- ❖ Мой читатель вечно прав, у него суровый нрав!
- ❖ Я в бурьяне загорал, почитательницу ждал!
- ❖ Полетел бы я на Марс и читателей припас!

PHOTOSTOP

© Фото Игоря МИХАЙЛОВА

* Мужик-проказник работает и в праздник (народная мудрость).

Фаза месяца:

Вот такого, этакого!

НУ И О ГЛАВНОМ

- * Я — веселый Новый год, расскажу вам анекдот!
- * Заведу я бегемота — бегемотины охота!
- * Бегемота год идет, бегемоту рад народ!
- * Я про лешего писал и попал под самосвал!
- * А про бабу, про ягу, даже леший ни гу-гу!
- * Шел я как-то по саванне — мне гориллы носовали!
- * Шел я как-то по Сахаре — получил хвостом по харе!
- * Шел я как-то по пампасам — вдруг навстречу папуасы!
- * Мне приснился Дед Мороз, бегемот и утконос!
- * Вышел утром на каток — плюнул в харю верблюдок!

SMS'ка, отправленная в темноте:

**Потанцуем,
верблюдок!**

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ЮНОСТЬ» ЗА 2014 ГОД

Проза

Ильдар АБУЗЯРОВ
ФИНСКОЕ СОЛНЦЕ
Роман в девяти историях 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10

Анатолий АЛЕКСИН
ЕСЛИ Б ИХ БЫЛО ДВОЕ... Маленькая повесть 6

Олег БОНДАРЕНКО
БИБЛИОТЕКА ИВАНА ГРОЗНОГО Рассказ 10

Светлана ВОСКРЕСЕНСКАЯ
РАДУЖНОЕ СЧАСТЬЕ
Сентиментальная повесть 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8
СЛЕЗЫ СКВОЗЬ СМЕХ Послесловие Георгия Пряхина 8

Елена ЗЕЙФЕРТ
РАССКАЗЫ 3

Дмитрий ИГУМНОВ
РАССКАЗЫ 4, 12

Анжелика КОРОЛЁВА
ВЕРКА Рассказ 7

Олег ЛЕБЕДЕВ
СТАРИННОЕ ЗЕРКАЛО В ТУМАННОМ ГОРОДЕ
Роман 1, 2, 3, 4, 5, 6
РИЖСКИЙ НОКТЮРН Послесловие Игоря Михайлова 6

Михаил ЛИВЕРТОВСКИЙ
РАССКАЗИКИ 1

Александра МИЛОВАНЦЕВА
ДВА РАССКАЗА 8

Валерия НАРБИКОВА
...И ПУТЕШЕСТВИЕ Почти повесть 11, 12

Валерия ОЛЮНИНА
РАССКАЗЫ 2

Михаил ПОПОВ
ОДИНОКАЯ ВОСЬМИКЛАССНИЦА ЖЕЛАЕТ
ПОЗНАКОМИТЬСЯ Повесть 10, 11, 12

Георгий ПРЯХИН
ЗАМЫСЕЛ Интонации 6

Хелью РЕБАНЕ
ПУБЛИЧНОЕ СОКРОВИЩЕ Повесть 7, 8, 9, 10, 11, 12

Дмитрий РОМАНОВ
СЕПОЛИЦЫЕ Цикл рассказов 1

Наталья РОМАНОВА
РАССКАЗЫ 8

Лера ТИХОНОВА
ХОТЕЛ Роман-пунктир 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8

Кристина ХУЦИШВИЛИ
ДРУГАЯ ОПТИКА Рассказ 7

Поэзия

Александр АНАШКИН 12
Евгения БАРАНОВА 11
Сергей БЕЛОРУСЕЦ 1
Марина БОРОДИЦКАЯ 12
Алексей БОРЫЧЕВ 6
Иван ВОЛОСОК 9
Лилия ГАЗИЗОВА 5
Сергей ГЛОВЮК 11
Екатерина ГОРБОВСКАЯ 7
Евгений ЕВТУШЕНКО 2, 3
Наталья ЕЛИЗАРОВА 3
Ксения ЕМЕЛЬЯНОВА 8
Максим ЖУКОВ 8
Мариям КАБАШИЛОВА 4
Александр КЛИМОВ-ЮЖИН 3
Евгений ЛЕСИН 12
Мария МАЛИНОВСКАЯ 6
Наталья НАУМОВА 8
Анастасия ОРЛОВА 10
Наталья ОРЛОВА 1
Виктор ПЕТРОВ 4
Алена ПОЯРКОВА 1
Андрей РОМАНОВ 8
Борис РЯБУХИН 10
Михаил СИНЕЛЬНИКОВ 1
Евгений СТЕПАНОВ 6
Галина ТАЛАНОВА 7
Роман ФАЙЗУЛЛИН 10
Нина ЦЮРУПА 2
Клементина ШИРШОВА
Послесловие Александры Жуковой 4
Юрий ЮРЧЕНКО 9
Варвара ЮШМАНОВА 2

МОЛОДЫЕ ПОЭТЫ ТВЕРИ

Вступление Валерия РЕДЬКИНА 5
Ольга КОЧНОВА, Кирилл ГЛАЗОВ,
Полина ГРОМОВА, Ксения ДМИТРИЕВА,
Вячеслав ДОРОГОВ, Владимир ЗОРИН,
Виктория ПАНИНА, Наталья САБЛИНА,
Марина СЕРГЕЕВА, Любовь СТАРШИНОВА 5

100 книг, которые потрясли мир

Елена САЗАНОВИЧ
ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН. «ЛИТЕРАТУРА И ЕЕ ПАРТИИ» ... 1
НИКОЛАЙ ОСТРОВСКИЙ. «КАК ЗАКАЛЯЛАСЬ СТАЛЬ» 2
ВИКТОР ГЮГО. ГАВРОШ И ОТВЕРЖЕННЫЕ 3
ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ.
СТИХИ О СОВЕТСКОМ ПАСПОРТЕ 4
АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ФАДЕЕВ.
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» 5
ВАЛЕНТИН ПЕТРОВИЧ КАТАЕВ.
ВОЛНЫ ЧЕРНОГО МОРЯ ОДЕССЫ 6

ЭРНЕСТ ХЕМИНГУЭЙ.
«ПРАЗДНИК, КОТОРЫЙ ВСЕГДА С ТОБОЙ».....7
МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ЛОМОНОСОВ. «РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ»..... 8
АЛЕКСАНДР ГРИН. «АЛЫЕ ПАРУСА» 9
ЭТЕЛЬ ВОЙНИЧ. «ОВОД» 10
ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ГОНЧАРОВ. «ОБЛОМОВ»..... 11
ФРЭНСИС СКОТТ ФИЦДЖЕРАЛЬД.
«ВЕЛИКИЙ ГЭТСБИ» И АМЕРИКАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ 12

Уловимый сюжет

Рубрику ведет Евгений Никитин

Торри БРЭДФОР
БОЛЬШАЯ ГОЛУБАЯ ЦАПЛЯ 1
 Чарлз РОБЕРТС
СХВАТКА ПО ГОРЯЧИМ СЛЕДАМ 2
 Флора Энни СТИЛ
НЕУДАЧНАЯ СДЕЛКА МЕДВЕДЯ 4
 Артур БРИСБЕН
ОТ МАМОНТОВ ДО КОМАРОВ 4
 Элия УИЛКИНСОН
В СЕВЕРНЫХ ЛЬДАХ 5
 Эндрю Бартон ПАТЕРСОН
ПРО КОТОВ..... 6
 Гектор Хью МАНРО
СВЯТОЙ И ГОБЛИН7
 Чарльз Барни КОРИ
ЛЮБОПЫТНЫЙ ПРИЗРАК..... 8
 Петер Кристен АСБЬЁРНЕСЕН
ВРАЧ И СМЕРТЬ..... 9
 Томас Энсти ГАТРИ
ПРИЗРАК БАРНДЖУМА 10, 11, 12

Разнообразие слога

Лев АННИНСКИЙ
«НА СЛУЖБЕ ОБОЖАНЬЯ»
Шесть этюдов о Белле Ахмадулиной..... 4
 Александра ЖУКОВА
ПРЕОДОЛЕНИЕ УПАДКА
ЗАБЫТЫМ ПОЭТОМ-СИМВОЛИСТОМ Исследование 1
«ТЫ, КАК ЧЕРНЫЙ ШТАНДАРТ,
РАЗВЕВАЛСЯ НА САМОМ КРАЮ...»
О трагедии умирания в мировоззрении Б. Поплавского ... 3
 Алла МАРЧЕНКО
ДАТЬ НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ЖИЗНИ...
Лермонтов. Нелирическое отступление 11
 Александр МАХОВ
МИКЕЛАНДЖЕЛО Главы из книги 4
 Маргарита СОСНИЦКАЯ
АРХАНГЕЛЬ МИХАИЛЬ РУССКОЙ ПОЭЗИИ 10

Былое и души

Сергей БЫЧКОВ
ОТМЫВАНИЕ ЖЕМЧУЖИН
Убийство Александра Меня.
Опыт художественного расследования 7, 8, 9, 10, 11

Тамара ЖИРМУНСКАЯ
«ОТ ПРОШЛОГО ЖИЗНЬ ПРОСТОРНЕЙ...»
Сентиментальный дневник 1, 2
«Я ПРОХОЖУ ЗНАКОМЫЕ МЕСТА...»
Письма Казакову Юрию Павловичу,
писателю, на тот свет7, 8, 9

Юрий ПОЛЯКОВ
КАК Я БЫЛ КОЛЕБАТЕЛЕМ ОСНОВ Очерк 9

Светлана ТЕР-МИНАСОВА
ЗАПИСКИ ДИНОЗАВРА 1, 2, 3, 4, 5, 6

Ватави дыхание

Встречайте: Алла МАЙКОВА 3

НИКИТА МИХАЛКОВ:
«ПРЕЖДЕ ЧЕМ ВЗЯТЬСЯ ЗА СЦЕНАРИЙ,
Я ОДИННАДЦАТЬ РАЗ ПЕРЕПИСЫВАЛ
РАССКАЗ БУНИНА ОТ РУКИ!»
Беседу вел Михаил Крупин 11

Лицом к лицу

БОРИС МЕССЕРЕР: «БЕЛЛА АХМАДУЛИНА ОБОЖАЛА
ТАРУСУ» Беседу вела Ирина Алексеева..... 4

БОРИС И ФЕДОР ТАРАСОВЫ: «НАШИ ГЛАВНЫЕ КНИГИ
СОВПАДАЮТ!» Беседу вела Ольга Рычкова 2

ЗЫРЯНСКАЯ РАПСОДИЯ

От редакции. Игорь Михайлов 5
Беседа с министром культуры Республики Коми
Артуром Альбертовичем РУДОЛЬФОМ 5
ПОЭЗИЯ
 Елена АФАНАСЬЕВА, Валерий ВЬЮХИН,
 Анжелика ЕЛФИМОВА, Алексей ЗАСЫПКИН,
 Инга КАРАБИНСКАЯ, Надежда МИРОШНИЧЕНКО,
 Андрей ПОПОВ, Александр СУВОРОВ,
 Владимир ТИМИН 5
ПРОЗА
 Елена ГАБОВА, Елена КОЗЛОВА,
 Петр СТОЛПОВСКИЙ, Станислав НОВИКОВ 5
ПУБЛИЦИСТИКА
 Артур АРТЕЕВ, Павел ЛИМЕРОВ 5

МОЛДАВСКАЯ РАПСОДИЯ

От редакции. Реплика Игоря Михайлова 7
ПУБЛИЦИСТИКА
 Николай КОСТЫРКИН 7
ПОЭЗИЯ
 Яна КАЗАЧЕНКО, Валентина КОСТИШАР,
 Наталья НОВОХАТНЯЯ, Сергей ПАГЫН,
 Олег ПАНФИЛ, Леонид ПОТОРАК,
 Наталья РОДИНА 7
ПРОЗА
 Олег КРАСНОВ, Таня ОРЛОВА-ВОЛОШИНА,
 Михаил ПОТОРАК, Олеся РУДЯГИНА 7

СОВРЕМЕННАЯ ПРОЗА И ПОЭЗИЯ ИРКУТСКА

Андрей АНТИПИН, Владимир ЖУРАВЛЕВ,
 Анатолий ЗМИЕВСКИЙ, Александр ЛАПТЕВ,

Константин МАКСИМОВ, Андрей МИРОШНИКОВ,
Светлана МИХЕЕВА, Владимир СКИФ,
Алена ШИПИЦЫНА, Надежда ЯРЫГИНА 3

Как беден наш язык!

Маргарита СОСНИЦКАЯ
**НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ ОБ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ
НА ФОНЕ РУССКОГО** 2

Марианна ТАРАСЕНКО
ОБЛАКОМ ПО ЯБЛОКУ 1
ПРИКЛЮЧЕНИЯ КРОССОВКА И ТУФЕЛИ 2
О БЕДНОМ БРЕЛОКЕ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО 3
ЧЕТЫРЕ ТАТАРИНА И ОДИН АРМЯН 4
ПОГРОМ В ЧУЖОМ МОНАСТЫРЕ 5
**ЧЕМ БЫ ДИТЯ НИ ТЕШИЛОСЬ,
ЛИШЬ БЫ СКЛОНЯЛОСЬ ПРАВИЛЬНО** 6
НЕПУТЕВЫЕ СЛОВА 7
ОДИН ИЗ НИХ УТОП: ПАДЕЖ, КОТОРОГО НЕТ 8
ПАДЕЖИ-ПРИЗРАКИ 9
ВОРОВАТЫЕ ПАДЕЖИ: ПО КОМ КАРКАЕТ ВОРОН! 10
ВОРОВАТЫ, НО НЕ ВИНОВАТЫ 11
КАПУСТНАЯ ВАННА ДЛЯ МОЛОДОГО ПЕТУШКА 12

Страницы Льва Аннинского

ЗАМЕТКИ НЕИСТОРИКА 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12
ЗАМЕТКИ НЕТЕАТРАЛА 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12

Двадцатая комната (от пятнадцати и старше)

Евгения БЕГИНИНА
КНИГИ И ВРЕМЯ Что читает наша молодежь? 4

СЕРГЕЙ ДРУЗЬЯК: «Я, НАВЕРНОЕ, УСТАРЕВШАЯ МОДЕЛЬ...»
Беседу вела Екатерина Корнеевкова 7

Екатерина КОРНЕЕВКОВА
ЧАС ПОТЕХИ. Как отдыхает наша молодежь? 5

ЛЕРМОНТОВ, МУЗЫКА И АЛЕКСЕЕВСКАЯ ШКОЛА
С директором музыкальной школы им. Н. А. Алексеева
Еленой Поповой беседовал Юрий Синцов 12

Шли времени

Михаил ЛИВЕРТОВСКИЙ
АЛЬБА-ЮЛИЯ Снова Великая Отечественная война
и снова — поэма в прозе 5, 6

Как жить

Сергей БЫЧКОВ
ПИСЬМО СЕБЕ Опыт бытия 1

Книжный развал

Акиф АЛИЗАДЕ
ЭТИМ НАДО ГОРДИТЬСЯ! О книге В. Мишина
и Ш. Сулейманова «Третья древнейшая» 5

Эльга ЗЛОТНИК
КТО ОН! О книге С. Белорусца «Песни для чтения» 5

Георгий ПРЯХИН
О РОМАНЕ ЕЛЕНЫ ГРОЗОВСКОЙ «ВСЕ ЕЕ МУЖЧИНЫ» 12

Федор ТАРАСОВ
ПОБЕДОНОСНЫЙ БРИГ В ЖИТЕЙСКОМ МОРЕ
О дебютном романе Екатерины МакДугалл 2

Что возмущило вас?

Михаил КРУПИН
ВОСПОМИНАНИЕ О СОЛНЦЕ Суждение 12

Толоса и судьбы

Рубрика имени Анатолия Шамардина

Игорь МИХАЙЛОВ
ТАК УХОДИЛО БЕЛЬКАНТО! 6

Николай ТАРАСОВ
СЕКРЕТАРЬ ПО ОРГВОПРОСАМ Мифолемма 8

Надир ШИРИНСКИЙ
АДЪЮТАНТ ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА 5

Женские веды

Светлана КАЙДАШ-ЛАКШИНА
МАТЕРИНСТВО В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ 10

Огарованный странник

Феликс ШВЕДОВСКИЙ
ПАКИСТАНСКИЙ ДНЕВНИК 3

Спорт

Борис ПРОКОПЬЕВ
ЕВГЕНИЯ КАЛИНИНА: «КОГДА БЕГУ — Я ЛЕЧУ» 9
ЗАВЕРШАЯ ТРЕТИЙ ЭКВАТОР 12

Труды и дни

Рубрику ведет Евгения Бегина

Елена МАЛКОВА
МОЯ ОЛИМПИАДА, ПОЧТИ СОЧИ 3

Мария ТРОФИМОВА
ТРЕТЬЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ В МОЕЙ ЖИЗНИ! 3

На стендах «Юности»

**ОЛЕГ КАПЛАН: «В ИСКУССТВЕ НАДО ОРИЕНТИРОВАТЬСЯ
ТОЛЬКО НА ВЕЛИКИХ»** Беседу вел Максим Коршунов 12
Сергей СУЛИН 7

Творческий конкурс

Анна АВЕРЬЯНОВА г. Москва. 6
Евгений АГЕЕНКОВ Московская обл. 9
Тамара АЛЕКСЕЕВА
г. Липецк 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12
Татьяна АНАНЬИНА г. Москва. 11
Наталья АРСЕНИНА г. Жуковский 12
Михаил БАЛАКИН г. Спас-Клепики 9
Вероника БАРАНОВА г. Петровск 7

Елизавета БЕЗУШКО г. Николаев	10
Александра БИРЮКОВА Московская обл.	11
Дарья БУРДИНА г. Москва	1
Олеся ДОРОФЕЕВА г. Кондопога	10
Инесса ИЛЬИНА г. Москва	11
Людмила КАЛАШНИКОВА Херсонская обл.	3
Борис КАТКОВСКИЙ г. Москва	4
Виктор КАШКИН г. Москва	4
Анатолий КОВАЛЕВ г. Москва	4
Ирина КОПАЕНКО г. Москва	7, 8, 9
Татьяна ЛЕОНОВА г. Москва	11
Виктория ЛЫСЕНКО Московская обл.	12
Алена МАЛИНОВСКИХ г. Санкт-Петербург	2
Инна МУХИНА г. Москва	11
Марина НОВИКОВА г. Москва	11
Надежда ОХРИМЕНКО г. Москва	4
Елена ПОНОМАРЕВА г. Саратов	8
Анна ПОПОВА Рязанская обл.	8
Нина ПОПОВА г. Москва	4
Александр ПОПОВСКИЙ Челябинская обл.	5
Ольга САВКИНА г. Ташкент	9
Олег СЕВРЮКОВ г. Москва	11
Денис СЕМЕНОВ г. Волгоград	2
Дмитрий СИЛКАН г. Москва	4
Гульнара СМАГУЛ г. Алма-Ата	4, 7
Катя СОКОЛДОВА г. Москва	6
Владимир ФЕДОРОВ г. Москва	4
Зулкар ХАСАНОВ г. Калуга	8, 9, 11
Татьяна ЧЕГЛОВА г. Москва	11
Александр ШЕМЕТОВ Крым	1
Ирина ЩЕРБИНА г. Москва	11

В конце концов / Детектив на ночь

Валерий ИЛЬИЧЕВ

СТРАСТИ

ПО ИЗУМРУДНОЙ БРОШИ 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12

Нина ТУРИЦЫНА

МОДНАЯ КРАЖА 1, 2

В конце концов / Зеленый портфель

Ф. АНСТЕЙ

СТЕКЛЯННЫЙ ШАР

Вступление и публикация Рафаэля Соколовского..... 5

Валерий АНТОНОВ

А ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО 11

ИЗ ЗАПАСНЫХ КНИЖЕК 11

ОБРАЩЕНИЕ К ПОТОМКАМ Монолог спикера 11

Александр БРЮХАНОВ

КТО КАК 10

НАСУЩНЫЕ ВОПРОСЫ..... 10

Владимир ГРИПАК

ИЗДЕРЖКИ БЕЗАЛКОГОЛЬНОГО ЗАСТОЛЬЯ 4

Александр КАНЕВСКИЙ

АХ, ЭТА СВАДЬБА, СВАДЬБА, СВАДЬБА, ИЛИ ВПЕРЕД, К СВЕТЛОМУ БУДУЩЕМУ!

Из цикла «Мозги набекрень»..... 8

Феликс КИРЕЕВ

СЕРНА И НОСОРОГ 7

Илья КРИШТУЛ

РАССКАЗКИ..... 2

МИНИАТЮРЫ 9

ЕСЛИ ХОЧЕШЬ БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ..... 12

АНТИКРИЗИСНОЕ ЭССЕ Наставление 12

Марина КУЛАКОВА

ДОБРОЕ УТРО..... 3

Вячеслав ШИШКОВ

САТИРА Публикация Рафаэля Соколовского 6

Анна ЮРКОВА

ЗАСЕДАНИЕ ЛИТЕРАТОРОВ 1

В конце концов / До востребования

Галка ГАЛКИНА..... 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12

В конце концов / Venio et veris

Шалун ГЕО,

он же плутишка

и проказник 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12

АРТ-ПРОСТРАНСТВО «СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ»

ОТ РЕДАКЦИИ

Уважаемые читатели! В Санкт-Петербурге начало работу северо-западное представительство журнала «Юность». Мы планируем подробнее знакомить вас с культурной жизнью этого региона. Разговор пойдет и о духовном мире служителей муз, и о всевозможных открытиях в разных видах искусства. Слово главе представительства Максиму Коршунову.

Максим Коршунов:

— Сегодня наш гость — петербургский фотохудожник Олег Каплан. Олег родился в 1967 году в семье московских художников. Учился в Московском государственном институте культуры, занимался на кафедре кино- и фотомастерства. Много путешествовал по России, прожил два года в Израиле. Долгое время активно занимался фотографией, пробовал себя в различных жанрах. В 1993 году по представлению серии портретов был принят в Союз фотохудожников России.

Известность пришла к Олегу Каплану в 2000 году, когда серия его натюрмортов «Стекло» была выставлена в «Арт-салоне» в Большом Манеже в Москве. В этом же году в рамках совместной выставки с художницей О. Победовой автор представил в Московской академии художеств серию фотографий фигур из оптического стекла.

Максим Коршунов родился в 1969 году. Окончил Северо-Западную академию государственной службы. Второе образование — практический психолог. В октябре 1993 года начал трудовую деятельность в петербургской газете «Смена», работает в издательском бизнесе и печатных СМИ уже более двадцати лет.

Олег Каплан участвовал в проекте «Российские фотомастера — жанры и стили», в выставке «Красный позитив» в галерее «А3». Правительство Саратова организовало персональную выставку работ Олега Каплана в «Торговых палатах» города. В Москве прошла персональная выставка фотохудожника в галерее «ФотоСоюз». В 2003 году О. Каплан занял первое место в номинации «Цветная художественная фотография» в конкурсе «ИнтерФото», проводимом Союзом фотохудожников России.

Работы Олега Каплана неоднократно публиковались в профессиональных журналах «Фото и Видео», «Камера-обскура», «НоМИ».

Олег Каплан преподает в фотошколе «СКОР-ПИОН» (<http://vk.com/fotokaplan>).

ОЛЕГ КАПЛАН: «В ИСКУССТВЕ НАДО ОРИЕНТИРОВАТЬСЯ ТОЛЬКО НА ВЕЛИКИХ»

— Олег, что для Вас творчество?

— Творчество для меня — это образ жизни, выход за рамки нашей реальности. Так я могу ощущать жизнь богаче.

— То есть Вы таким образом получаете разнообразие впечатлений?

— Разнообразие впечатлений можно получать просто от смены видов деятельности или набора удовольствий. Я стараюсь постигать мир под другим углом. Для меня творчество — это видение мира через образы, которые возникают в соеди-

нении нашей реальности и той реальности, которая находится за пределами видимости.

— У Вас большой опыт преподавания в области фотоискусства. Куда Вы как преподаватель ведете своих учеников?

— В основе любого визуального искусства, кинематографического, театрального, прежде всего, и это главное, лежит магнетизм. Магнетизм интересен на любом этапе жизни, но особая потребность в нем, как ни странно, именно у молодых людей. Почему? Потому что когда они из детей превращаются

во взрослых людей, у них возникает потребность в раскрытии этого мира как чуда. Пик желания видеть чудеса приходится как раз на период где-то около двадцати лет. В этом возрасте это самое сильное, самое страстное желание, потому что потом, когда человек входит во взрослый мир, он постепенно после юношеского пробуждения засыпает, и его сознание меркнет, гаснет. К сорока годам человека, как правило, уже не интересуют ни чудо, ни магнетизм. Я, конечно, обобщаю, но, к сожалению, очень часто это бывает именно так. Получается, что та революционность, та жажда выйти за рамки, за пределы остается где-то в возрасте от восемнадцати до двадцати пяти, потом большинство людей начинают жить бытовой жизнью, где главное, что ими управляет, — это необходимость, как писал Бердяев.

— Что для Вас искусство?

— Искусство — это действие духовное. Занимаясь им, мы совершаем тот духовный акт, который не позволяет нам уснуть. Бесконечное пробуждение в духовном акте раскрывает мир в каком-то ином измерении. Получается, что искусство имеет очень важный смысл в жизни каждого человека для того, чтобы духовно возрасти и видеть этот мир не в трех, а в четырех измерениях. Мы можем увидеть еще и духовную составляющую, невидимую, которую человек практически раскрывает через духовный акт, через занятия искусством. Но любое действие может быть настоящим, а может быть лишь подобным настоящему духовному и нести в себе манипуляцию. Но в этом подобном действии человек не достигает истинных плодов. Наша жизнь определяется не по движению, не вектором, хотя это важно, она определится только по плодам. Только по плодам мы определяем человека, дерево, страну... Ложный путь приносит ложные плоды, плоды разочарования и горечи. Это мы, к сожалению, часто наблюдаем в нашем обществе. Истинные плоды приносят радость и благочестие. Это принципиально, и искусство очень точно следует здесь словам Писания. Или мы совершаем правильные действия, занимаясь искусством, фотографируя, рисуя, делая что-то еще, или мы уходим на ложный путь манипулирования. Так случается, когда мы что-то делаем только для денег, хотим поднять свой статус, когда мы хотим с этим миром играть, подыгрывать ему. Нам говорят, например, вот современное искусство, а вот инсталляция, а вот концептуальное искусство, и тут обозначается принципиальный водораздел. Концептуальное искусство — это искусство, рожденное умом, знанием. Настоящее искусство сродни магии. В основе магии лежит не ум, а видение мира через другой центр. Какой это центр? Это наши гла-

за, и это сердцевина человеческого существования. Что такое ум? Это ограниченное количество наших знаний, нашего опыта, старого и нового, это привнесение в наше сознание другими людьми очень серьезных ключевых «столбиков», в которых мы потом существуем. И вот смещение центра восприятия от головы к нашей сердцевине, к нашему сердцу, меняет представление и видение этого мира. Фактически мы начинаем иначе воспринимать мир и иначе его воспроизводить через творчество.

— Олег, Вас можно назвать известным и успешным человеком. Что для Вас популярность и успешность?

— Как таковой популярности я не чувствую. Мой успех был в конце 90-х — начале 2000-х годов, примерно в период с 1998 по 2000 год. Тогда мои работы стали востребованы обществом. Начиная с 2003 года постепенно, с каждым годом, моя деятельность, моя реализация во внешнем мире сокращается. С одной стороны, на мои работы много ссылок в Интернете, мой сайт легко найти в поисковиках, но такая популярность не имеет никакого отношения к финансовому благополучию, к моим новым возможностям, которые, казалось бы, должны появляться в связи с известностью. Человек должен куда-то ездить, что-то приобретать, то есть усложнять свой творческий процесс за счет того, что у него появляются дополнительные финансовые возможности. У меня получается обратная ситуация, с 2003 года мой успех становится мифом. При этом, действительно, есть сайты, на которых много доброго написано обо мне и моих работах, но это ничего не меняет. Я нигде не выставляюсь. Работы мои уже много лет как перестали покупать. Раньше их использовали в календарях, в журналах, меня приглашали выполнять рекламную фотосъемку, не просто как фотографа, а как фотохудожника. С 2003 года поток медленно перекрывается, так как в обществе уходит самая главная потребность — потребность в творческом изображении реальности, уходит интерес и необходимость в этом материале. Я думаю, что есть определенная деградация общества, в котором картинка должна лишь подтверждать собственное существование. Если картинка указывает на другую жизнь, она не принимается. Это происходит именно на том глубинном внутреннем метафизическом уровне состояния человека, о котором я говорил. До 2003 года мое творчество и состояние людей вокруг были созвучны, наши колебания, вибрации — близки, и вот теперь они постепенно оказались в разных полях, в разных полушариях. Я в силу своего характера, своего пути не могу подстроиться под это общество. Если я начну играть в эти игры, я по-

лучу плод горечи и разочарования. Я вдохновляюсь собственным трудом, собственной личностью, тем, что я приобрел через те дела, которые я совершал в радость и благочестие, и для меня это дороже, чем материальный успех, чем поездки, машина, новая одежда или изысканная еда.

Но мы не выглядим в нашей фотостудии разрушенными, мы не носим на себе этакой печати горечивости, которые страдают и все время обвиняют общество в том, что их не приняли, не поняли. В такой ситуации очень важно ответить себе на вопрос: в том деле, которое мы делаем, мы кому служим? Достаточно быстро я понял, что тот талант, который я имею, он не мой, он мне дан на очень ограниченное время. Этим даром я служу тому, кто мне его дал, а дали мне его не родители, не общество, его дал мне Господь Бог. Значит, я по мере своих слабых сил, своего ограниченного знания служу Богу тем, чем могу, и он проводит меня через все испытания, горечи, через одиночество, через опустошение и ведет дальше, вкладывая в меня радость и благочестие.

— Почему Вы работаете именно с фотопленкой и не используете современный цифровой формат?

— Это тоже принципиальный внутренний стержневой вопрос. Дело в том, что пленка становится все дороже, и, конечно, практичнее было бы работать в цифровом формате. Но если мы говорим о том, что за всем этим творческим действием, за процессом фотосъемки как самое главное стоит картинка, то изображение, которое должно нести магию искусства, лично для меня точнее, быстрее, правильнее воспроизвести через пленку и через тот метод, в котором работали великие фотографы. А великие фотографы и по сей день работают с пленкой. Если говорить о тех великих, которые дали толчок развитию фотографии, были основоположниками жанров, можно назвать такие имена, как Ричард Аведон, Ирвинг Пенн (из ныне почивших), Сара Мун, Питер Линдберг, Паоло Роверси, они сейчас работают, это известные, великие фотографы. Я считаю, что в творчестве, в искусстве надо ориентироваться только на великих, ни в коем случае не сопоставлять себя и не соединяться со средними. Только тогда будет поступательное движение в профессиональном развитии.

— Что для Вас работа тогда, в успешный для Вас период начала 2000-х, и сейчас?

— Десять с лишним лет меняют человека, и, не изменившись принципиально, но став несколько другим, я по-другому начинаю чувствовать, видеть и снимать. Если говорить о конкретике, то в те годы я в основном работал со стеклом, фруктами, цветами. Сейчас я больше вкладываю в съемки людей, потому что человек — это все-таки венец творения,

и я думаю, что для нас человек наиболее интересен из всего того, что находится в видимом мире. Сейчас я снимаю в основном людей. Это портреты, обнаженное тело.

— Есть ли какие-то профессиональные секреты, которые Вы передаете своим ученикам?

— Я считаю, что мастер должен отдать все, что он имеет, передать весь свой опыт вне зависимости от того, сколько он его зарабатывал, искал или кристаллизовал. Его надо отдавать щедро, полностью, не жалея, потому что только в таком случае человек внутренне не застаивается, и тогда сверху, сбоку, снизу начинает приходить что-то новое. Поэтому я бы сказал, что есть не секреты, а очень важные знания, которые можно получить только через длинный, очень погруженный, посвященный путь. Для себя я решил, что ничего не буду жалеть и ни о чем не буду умалчивать.

— Какими бы Вы хотели видеть своих учеников, с кем бы Вы хотели работать? Расскажите о творческих планах.

— Есть такое понятие, как «люди, близкие по крови», то есть близкие по духу, по своим ценностям. Я преподаю уже десять лет. За это время у меня были сотни учеников. В процессе обучения мы очень много времени проводим вместе, общаемся очень открыто. Мне, конечно, хочется, чтобы ко мне приходили люди, в которых живет та ценность, которая есть и во мне, хотя, с другой стороны, я понимаю, что учу разных людей: и близких, и не очень. Мое желание — и, если хотите, высшая цель преподавания, — изменить судьбу человека. Чтобы через творчество, через съемки, через школу человек изменил свою судьбу. Изменить ее — значит открыть высшие цели в своей жизни, и дальше, сначала со мной, а потом без меня, пробивать свой путь к этим высшим целям, которые с годами не мельчают и в которых человек не разочаровывается. И я всегда очень радуюсь, когда вижу, что мои ученики через съемки меняются, когда они становятся более чистыми, энергичными, более открытыми, страстными, более дерзновенными, живыми. Вот это то, что мне хочется видеть в них, потому что теперь не только мои фотографии есть мои плоды, но также и фотографии тех людей, которых я учу, в каком-то смысле есть мои плоды. И я желаю, чтобы эти плоды стали добрыми, как плоды от доброго дерева.

Беседу вел Максим Коршунов